

горячая
ШТУЧКА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

ДЖАНА АСТОН

Вы когда-нибудь проводили ночь с сексуальным незнакомцем? Нет? Я одна такая? Ладно, шучу, это не в моем стиле. Обычно. Как правило. Но потом я подумала, а почему бы и нет? Всю жизнь я была паинькой, и к чему это привело? У меня нет ни работы. Ни квартиры. Ни парня. Разве я не заслужила немного веселья? Награду за безупречную репутацию? Конечно, можно было бы просто купить новые туфли, но мистер Сексуальный Незнакомец показался мне куда притягательнее. А когда он заговорил с британским акцентом... вопрос отпал сам собой. Каждая американка мечтает о горячем британце. Ну, большинство. Я не проводила опросы, но уверена, что это факт. Вот только... Знаете ту поговорку о тщательно продуманных планах? Ну и ладно, я тоже не знаю, но предполагаю, что они всегда идут наперекосяк.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вайолет

У меня получится.

У Дейзи ведь получается. Она занимается этим все время. Не хочу намекать на то, что моя сестра шлюшка, но так оно и есть.

Я обвожу глазами бар отеля и ловлю на себе взгляд незнакомца. Три секунды. В течение трех долгих мучительных секунд я неотрывно смотрю ему в глаза, а потом улыбаюсь и отвожу взгляд. Я прочитала этот совет в женском журнале. Название у статьи было что-то вроде «Как подцепить приглянувшегося вам мужчину меньше чем за двадцать минут». Трехсекундный взгляд и улыбка были советом номер два. Подсказка номер три: удерживать его взгляд, облизывая при этом губы. Но это точно выше моих способностей и подходит скорее соблазнительницам среднего уровня, а я-то точно новичок.

Советом номер один были взгляд и прикосновение к волосам. Глупости какие-то.

Но я все равно это сделала.

Отчаянные времена и все такое.

Если совет номер два не сработает, я вернусь в номер. В одиночестве. Постойте! А может, эти советы нужно использовать одновременно? К примеру, удерживать его взгляд три секунды, улыбаться и в то же время трогать себя за волосы? Я же могу конкретно облажаться. Да плевать. Как это вообще может сработать? Как будто все, что требуется для того, чтобы заставить горячего незнакомца заняться со мной сексом, — это три секунды зрительного контакта в баре отеля? И как это работает?

Дейзи бы знала.

Иногда я ненавижу ее за житейскую мудрость, будто она прожила на этом свете больше моего, что, безусловно, не так.

Я вздыхаю, наблюдая за мараскиновой вишней в коктейле. Интересно, если я наклоню бокал, получится ли у меня достать ее или же она просто прилипнет ко дну, и я буду выглядеть идиоткой?

Скорее второе.

Надо попросить счет и уйти. Впереди маячит трудная неделька. Длинная, трудная,

практически катастрофическая неделька. Мне следовало бы хорошенько выспаться, а не практиковать методы соблазнения из старого журнала, который я нашла под диваном у сестры. Но как только я поднимаю голову, намереваясь попросить счет, перед мной возникает новая порция коктейля.

— От парня в синей рубашке, — поясняет барменша, оглядываясь на него. Девушка улыбается и одобряюще подмигивает, прежде чем ринуться к требующему добавки клиенту.

Мать честная, и это сработало? Трехсекундный взгляд и улыбка и вправду сработали? Я округляю глаза и украдкой смотрю на мужчину, а потом опускаю взгляд на коктейль. О чем, черт возьми, я только думала? И что дальше? Нужно было дочитать ту статью до конца.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Я поднимаю голову, он стоит возле меня и показывает держащей бокал рукой на пустое место рядом. Не поняла. Мне показалось, или я уловила акцент? Кажется, да, но мне же не может так повезти. Я беру себя в руки и быстро пробегаюсь по нему взглядом. Высокий. Подтянутый. В оксфордской рубашке с расстегнутым воротничком и потертых джинсах. Кожаные лоферы и легкая небритость. Густые, аккуратно подстриженные и уложенные темные волосы. Выразительные карие глаза, которые смотрят на меня с нескрываемым интересом.

— Надеюсь, вам понравился коктейль. Я попросил бармена обновить его, но если вы захотите что-то другое... — мужчина замолкает и, слегка нахмурившись, смотрит на мой бокал.

Бог.

Ты.

Мой.

Не показалось. Такой акцент приятный бонус в сексе на одну ночь.

— Вы англичанин, — говорю я, пытаюсь сдержать улыбку.

— Приму это за положительный ответ, — отвечает мужчина и, поставив бокал на барную стойку, присаживается на стул рядом. — Надеюсь, вы ничего не имеете против этой страны? — усмехнувшись, спрашивает он и иронично вздергивает бровь.

Знаете, что самое лучшее в британцах?

Все.

Мне никогда не доводилось встречать их прежде, и, наверное, они ничем не отличаются от американцев, но акцент... Это же и есть «все», верно? Можете сказать, что это стереотип и так далее, но блин. Уже один акцент меня заводит. Знаю, мы говорим на одном языке, но слова, слетающие с его губ, обладают особым шармом.

— Дженнингс, — протягивая руку, представляется он, и я едва сдерживаю смех. Дженнингс? Вранье. Парню многовато лет для такого популярного и слишком современного имени. Назваться фальшивым именем — это так по-британски. Ладно, я в игре.

— Роуз, — отвечаю я, вложив свою руку в его. Он сжимает ее и нежно проводит большим пальцем по тыльной стороне ладони. Мне настолько нравится это ощущение и тепло его кожи, что хочется, чтобы он прикасался ко мне снова и снова.

— Роуз, — повторяет мужчина, и, замолчав, слегка склоняет голову набок, будто не верит мне. А и не нужно. Он же не назвал настоящее имя, так что все честно.

— Роуз, — подтверждаю я. — И я ничего не имею против вашей страны, — одарив мужчину улыбкой, я на мгновение задерживаюсь взглядом на его лице. Если честно, я немного англофил. В день свадьбы Уилла и Кейт я проснулась засветло только для того,

чтобы увидеть церемонию в прямом эфире. А еще смотрела все шесть сезонов «Аббатства Даунтон». *Дважды*. И пусть я никогда не пила послеобеденный чай, уверена, мне бы это понравилось. — Благодарю за коктейль, — добавляю я, приподнимая бокал.

— Не стоит благодарности. Что именно вы пьете? — интересуется он и делает глоток из своего бокала, в котором плещется янтарная жидкость и кубик льда. Наверное, это бурбон. Выглядит довольно дорого, если можно судить о стоимости напитка по его внешнему виду. Да и сам мужчина смотрится солидно на фоне остальных посетителей невзрачного отеля «Шератон» возле аэропорта. Может, все дело в британском акценте?

— Коктейль с шампанским, — смущенно отвечаю я. Дурацкий напиток, но мне нравится.

— А-а, — протягивает он, и даже это полуслово звучит с акцентом сексуальнее. — Этот напиток популярен у вас в стране?

Нет.

Но он ведь не в курсе?

— Весьма, — киваю я. Ух ты. Кто бы мог подумать, что я превосходная лгунья? Возможно, грядущая неделя пройдет не так уж и плохо. — И что же привело вас в Вашингтон? — спрашиваю я, меняя тему, и задумчиво обвожу подушечкой пальца край бокала. Мне подвернулся идеальный мужчина, которого я больше никогда не увижу. И он явно заинтересован во мне. Если я собираюсь снова сесть на коня, то лучшего варианта и не найти. Или лучшего коня. Такого чистокровного жеребца, недоступного простым смертным, я бы с удовольствием объездила.

— Дела, — отвечает он. — А вас?

— Тоже, — быстро отвечаю я и неопределенно машу рукой, а потом закатываю глаза и добавляю: — Тоска зеленая.

— Так оно и *было*, — соглашается он и опускает взгляд на мои губы.

Я краснею и нервно сглатываю.

— Вы собираетесь пробыть в городе в течение фортнайта?

— А вы хоть знаете, что означает это слово, Роуз? — усмехается мужчина и делает глоток из своего стакана, продолжая наблюдать за мной.

— Хм, четыре ночи? — понятия не имею, что значит это слово, но мне нравится, как оно звучит. Мне еще ни разу не выпадал шанс использовать его в разговоре.

— Две недели. И нет, я пробуду в Америке меньше времени.

Отлично.

Я улыбаюсь и украдкой бросаю взгляд на его безымянный палец. Может, я и собираюсь снова сесть на коня, но делать это с женатым мужчиной желанием не горю.

— А как насчет вас, Роуз? Где вы живете?

Болезненная тема.

— То тут, то там, — на диване у сестры, если точнее, но об этом я ему не скажу. Я уже не в том возрасте, когда кочуют из квартиры в квартиру. И с одной работы на другую. Так что лучше промолчу. Я улыбаюсь и делаю большой глоток коктейля. Все равно эта неделя — одно сплошное вранье.

— То тут, то там? — спрашивает он, изогнув бровь и слегка склонив голову. Просто замечательно. Сейчас решит, что я недостаточно хороша для секса на одну ночь. Нужно срочно сменить тему.

— Где вы живете? В Лондоне? — мои познания в географии так глубоки, что Лондон —

это единственный город в Великобритании, который приходит на ум.

— Ага, в Лондоне, — соглашается он, не отрывая от меня взгляда. — В Мейфэре. Хертфорд-стрит, — добавляет мужчина. Я почти уверена, что он пытается ткнуть меня носом в расплывчатые познания в географии. Херовенько.

— Здорово.

— В самом деле? — он улыбается мне так, будто я его забавляю. Я делаю еще один глоток коктейля и наблюдаю за вишней на дне бокала. Предыдущая ушла от меня, когда барменша принесла новую порцию от Дженнингса.

— Мне нравится ваша рубашка, — смена темы, дубль два. — Кастом?

— Вы понимаете, о чем говорите, или это очередное британское слово, которое вам захотелось использовать в разговоре? — мужчина качает головой и смеется.

— Оно означает «модная»? — пытаюсь попасть в яблочко я.

— Оно означает «сделанный на заказ». И нет, — он замолкает и опускает взгляд на рубашку, — *эта* сшита не на заказ. — Пауза заставляет меня задаться вопросом, сделаны ли на заказ остальные его рубашки. Дженнингс, конечно, парень модный, но кто шьет рубашки на заказ? В моем окружении таких точно нет.

В этот момент в отель входит команда футболистов, состоящая из подростков, которые гогоча направляются к лифту. Они громко спорят о том, кто с кем заселяется, и договариваются встретиться в бассейне.

— Здесь становится слишком шумно, — замечаю я, бросая взгляд в сторону холла. Тут я немного слукавила. Но как еще перейти от напитков к сексу? Как?

— Хм, — глядя на меня, задумчиво произносит он.

— Не хочешь найти более спокойное местечко? — предлагаю я.

Он замирает и смотрит на меня с нескрываемым удивлением. Должно быть, я опять облажалась. Может быть, моя сестра права? Брр... Не хочу даже думать об этом. Господи, дай мне сил, если когда-нибудь придется признать это вслух. Наверное, роль соблазнительницы все же мне не по зубам.

— Сразу к делу? — с ухмылкой замечает мужчина. — А я думал, что ты еще долго будешь ломаться и решаться.

Решаться на что? На секс? Я снова опускаю взгляд на вишню в бокале, а затем заставляю себя посмотреть ему в глаза и, отсчитав три секунды, отвечаю (нет, ну это же сработало в первый раз):

— Как видишь, я готова.

— Готова? — на его лице читается явное удивление.

Нет. Не готова. И никогда не буду. Но раньше мне не доводилось бывать Роуз, поэтому к черту все, сегодня вечером я горячая штучка.

— Естественно! — с напускной уверенностью восклицаю я.

— Хм, — снова задумчиво произносит он, и, ей богу, эти звуки — самое сексуальное, что я когда-либо слышала. Он наклоняет мой бокал и вытаскивает из него вишенку. А потом подносит ее к моему рту, и я языком забираю у него лакомство. Перекаत्याю на языке и, пристально глядя на Дженнингса, думаю о том, что будет дальше.

— Ну что, идем?

Вот же блин. Я проглатываю ягоду, надеясь, что она не застрянет у меня в горле, а то еще начну задыхаться. Неужели я только что заявила абсолютному незнакомцу, что готова с ним переспать?

Дженнини

Эта девушка врет. Для начала — имя точно не ее. Хотя какое мне до этого дело? Она всего лишь развлечение перед началом скучной, но, надеюсь, плодотворной недели.

«Я готова», — заявила она.

Я вызываю лифт и, с трудом сдерживая смех, добавляю это в список ее вранья. Когда я увидел, что она разглядывает меня в баре, то купил ей выпивку, но никак не ожидал, что это к чему-нибудь приведет. Глядя на ее застенчивую улыбку, я решил, будто она достаточно заинтересована во мне, чтобы позволить к ней подсесть. Мы поболтаем пару часов, а потом она скромно извинится и скажет, что ей рано вставать. Когда девушка вздохнула и предложила уединиться, я очень удивился и вопросительно склонил голову набок. А она заявила: «Я готова». Чтоб меня.

— Роуз, — произношу я, когда двери лифта открываются. Девушка молчит: уткнулась в телефон и что-то печатает. Наверное, отправляет сообщение подруге, не забыв включить геолокацию. И мою фотографию, которую сделала, пока я не обращал на нее внимания.

Она очаровательна.

— Роуз, — повторяю я, касаясь ее руки. Мгновение, и она недоуменно смотрит на меня. Я вряд ли обратил бы на это внимание, если бы специально за ней не следил. Ее определенно зовут не Роуз.

Девушка улыбается и заходит за мной в лифт. Интересно, что ее сюда привело: в этот отель и к этому моменту. Скука? Тяжелый разрыв? Попытка доказать себе, что она желанна?

С радостью помогу ей в этом.

Но называть ее Роуз не стану. В ее воспоминаниях об этой ночи на моих губах не будет имени другой женщины. А она точно будет ее вспоминать. Двери лифта закрываются, и я поворачиваюсь к девушке. На ней плотно облегающая грудь блузка с коротким рукавом. Я провожу кончиком пальца по обнаженной коже руки и наблюдаю, как твердеют ее соски. Она отводит взгляд в сторону панели управления, а потом снова смотрит на меня.

— Предлагаешь заняться сексом в лифте? Знаешь, если ты успеешь кончить до того, как откроются двери, то я пас, — девушка хмурится. На ее лице явно читается смесь сожаления и возбуждения. Рассмеявшись, я нажимаю на кнопку третьего этажа.

— Нет, милая. И в мыслях не было, — заверяю я ее и подхожу ближе. У нее расширяются зрачки и вздымается грудь, когда она втягивает воздух и запрокидывает голову назад, чтобы встретить мой взгляд. На ней босоножки на каблуках и струящаяся юбка до колен, которая не помешала бы мне разместиться между ее ног, если она обхватит меня ногами за талию. Хорошая мысль, к тому же девушка достаточно миниатюрная, чтобы ее можно было удерживать на весу и трахать прямо у стены. Но нет, на нее у меня другие планы. Я собираюсь уделить ей больше пяти минут своего времени.

Лифт вздрагивает и двери открываются. Я кладу руку на дверь, чтобы та не закрылась раньше времени, и, понизив голос, произношу:

— После тебя, — девушка выходит и останавливается возле указателя. Одна стрелка показывает в сторону номеров 300–319, а другая — в направлении номеров 320–340. Интересно, она замерла, потому что решила пойти на попятную?

Беру ее за руку и веду вправо. Она следует за мной, тихо стуча каблуками по отельному

ковру. Я провожу картой-ключом по электронному замку и, открыв дверь номера, пропускаю ее вперед. Девушка отпускает мою руку и проходит в номер, а я обращаю внимание на то, какие у нее красивые волосы. Длинные волнистые локоны насыщенного каштанового, почти черного, цвета, рассыпанные по спине. Они будут хорошо смотреться на моей подушке.

Она делает пару шагов и, остановившись, оглядывается на меня через плечо. Как только за моей спиной захлопывается дверь, меня охватывает сожаление. Потому что такая девушка заслуживает большего, чем этот отель. Не то чтобы он плох. Вполне приличный для семейного отдыха. Но я бы предпочел привести ее в пятизвездочный отель с видом на столицу, чтобы в окна номера светили огни большого города, а в мраморной ванной комнате был душ на двоих. Но мы здесь, поэтому единственным доступным для нас видом станет забегаловка через дорогу.

У нее с собой только небольшая сумочка, в которую поместятся лишь мобильный телефон да деньги. Девушка подходит к стоящему напротив кровати комоду, а потом поворачивается ко мне и храбро вздергивает подбородок. Вероятно, напоминает себе, зачем здесь и мысленно себя подбадривает. Потому что, облизнув губы, она улыбается — и не для меня, а для самой себя.

Неужели не знает, что делать дальше? Я спал с девственницами, и те были в разы активнее этой девушки.

— Так как ты хочешь это сделать? — спрашиваю я и, засунув руки в карманы, неторопливо сокращаю расстояние между нами. Останавливаюсь перед ней, а когда она не двигается, вытаскиваю руку и очерчиваю пальцем ее ухо. Она прикусывает нижнюю губу.

— Обнаженной, — серьезно отвечает она и переводит взгляд с лица на мою грудь. — Я бы хотела сделать это обнаженной.

Я точно не дам ей спать всю ночь.

— Сними их, — прошу я, нежно прикасаясь пальцем к сережке. Она снимает их с ушей и кладет рядом с крошечной сумкой, а затем выжидающе снова смотрит на меня.

— Как именно ты хочешь трахнуть? — интересуюсь я и беру ее за руку. Целую запястье и заглядываю прямо в глаза. — Нежно или жестко? Быстро или медленно? Грязно или грязно?

— Хм... — девушка моргает, и ее щеки заливаются румянцем. — Да.

Не думаю, что она даже поняла, о чем я спрашивал. Хотя мне и не требовался ответ, просто захотелось проверить ее реакцию. Эта девушка не проявляет инициативу, поэтому будет только рада, если я все возьму в свои руки. Сотру из ее прекрасной головки сомнения в желанности и покажу свою заинтересованность. А я заинтересован. Заинтересован трахнуть ее во всех возможных позах, пока она не отключится, истощенная и пресытившаяся. Я отпускаю ее запястье и потираю нижнюю губу большим пальцем, представляя себе этот момент.

— Твоя блузка. Сними ее, — говорю я голосом, не допускающим возражений. Впрочем, их я и не жду.

— Хорошо. А ты снимай джинсы, — она облизывается, а пальцами движется к одной из застегнутых пуговиц, но потом внезапно опускает взгляд на мой член.

И у меня встает. Черт, да у меня встал на нее еще до того, как я узнал, что она в игре. Ее блузка падает на пол, я расстегиваю ремень и джинсы и приступаю к пуговицам на рубашке. На мгновение она замирает, а потом заводит руку за спину и расстегивает, по всей

видимости, скрытую молнию на юбке. Та падает к ногам, и девушка выходит из вороха ткани, оставляя под ней и свои босоножки. Слегка скривившись, смотрит вниз, а потом поднимает одежду с пола и кладет ее рядом с сережками и сумочкой.

Расправив плечи, она поворачивается ко мне — обнаженная, если не считать симпатичного бюстгалтера и трусиков с нежной кружевной отделкой. Наверное, хлопковые. Мило. Она милая. И я снова удивляюсь, что привело ее сегодня вечером ко мне. Мысль, что ей изменяют, кажется нелепой, хотя я и знаю ее всего час. Нет, не правда. Я вообще ее не знаю. И даже ни разу не поцеловал. Зачем ей это? Почему сейчас?

Я бросаю рубашку на пол, и туда же следом за ней отправляются джинсы. Девушка опускает взгляд на мою одежду. Быть может, хочет собрать ее с пола, как сделала это со своей, но сдерживается и, качнув головой, с улыбкой смотрит на мою голую грудь. На ее губах расцветает усмешка, но, видимо, решив, что та не слишком изысканна, она тут же пытается скрыть ее.

— Итак, — пожимает плечами девушка и, положив ладонь на мою грудь, начинает ее поглаживать. Восхищенный вздох и искрящаяся улыбка говорят мне, что она довольна своим выбором. — Что теперь? — склонив голову, интересуется она. Между губами мелькает кончик розового язычка. Я-то найду ему достойное применение.

Все. Достаточно разговоров. Я обхватываю пальцами ее шею сзади и, прижав к себе, целую. Ее губы мягкие и теплые, а на вкус, как спелая вишня, которую она ела с моих пальцев. Ее волосы пахнут ванилью или кокосом. У нее вырывается восхищенный или одобрительный стон. Мне в любом случае нравится. Я зарываюсь пальцами в ее волосы, углубляя поцелуй, и представляю себе, как буду держать ее за густые шелковистые локоны и брать сзади или как она будет стоять передо мной на коленях с членом во рту. Это заводит меня еще больше.

Я приподнимаю ее, и она обхватывает мою талию ногами. А потом несу ее к кровати, по пути расстегивая бюстгалтер. Девушка обнимает меня за шею, поглаживая пальцами волосы на затылке. Оторвавшись от губ, прокладывает дорожку поцелуев вдоль линии челюсти и, приподнимая бедра, трется об меня. Я опускаю ее на край кровати, стягиваю бюстгалтер и отбрасываю его в сторону. У нее дергается правое плечо, но взгляд остается прикованным к моей груди. Судя по всему, она не станет поднимать его с пола. Девушка на секунду прикусывает нижнюю губу. Интересно, о чем она думает, и почему это волнует меня? Она сексуальная, хочет меня. Этого достаточно.

— Это неожиданно, но я рад, что ты здесь, Роуз. На этой кровати. Готовая для меня.

На ее лице мелькает неуверенность, будто она сомневается в своем решении. Интересно, у нее большой опыт? Нужно ли волноваться о том, что она несовершеннолетняя? Вряд ли, но спросить стоит. Я всегда придерживаюсь политики «спросить, а не гадать», когда дело доходит до женщин.

— Сколько тебе лет, милая?

Ее взгляд отрывается от груди, чтобы встретиться с моим.

— Двадцать шесть, — немного раздраженно отвечает она. — А тебе?

— Тридцать шесть, — улыбаюсь я. Она мне нравится. Вряд ли ее волнует мой возраст. Видимо, поинтересовалась просто так, в ответ.

— Тридцать шесть? — девушка удивленно поднимает брови и осматривает меня с головы до пят. После чего пожимает плечами и спокойно добавляет: — Ну ладно, хорошо. Думаю, все в порядке.

Я вопросительно вздергиваю бровь. Эта девушка, которую я больше никогда не увижу, имеет что-то против моего возраста?

Она снова бросает взгляд на мою грудь, а затем склоняет голову набок, и сама себе говорит: «Ха!» Прикусив губу, заглядывает в глаза и твердо заявляет:

— Да, в порядке, — не могу вспомнить, чтобы у кого-то из знакомых мне женщин на лице так ясно читались бы мысли. Я снова улыбаюсь, забавляясь ею.

А потом перекаत्याю соски между пальцами, и она резко втягивает воздух. У нее потрясающая реакция. Я опускаюсь на колени, и когда она приподнимает бедра, подцепляю пальцами трусики, и они падают на пол. Ее ногти окрашены в ярко-розовый цвет. Я скольжу руками по ее ногам, любуясь этой девушкой: мягкий изгиб бедер, точеные икры, тонкие щиколотки и крошечная родинка на подъеме левой ноги.

Широко раздвинув ее колени, устраиваюсь между ними. У нее перехватывает дыхание, когда я сжимаю сосок зубами и слегка оттягиваю его. Ее грудь такая же идеальная, как и все остальное, но сейчас в центре моего внимания не она. Я хочу попробовать ее, нет, мне это необходимо. Должен запечатлеть ее вкус на языке, когда буду вспоминать об этой ночи, а иначе постоянно буду спрашивать себя, чего не хватало.

Я толкаю ее на спину и опускаю голову между бедер. Моя цель понятна и ясна. Ее ноги подрагивают возле моих плеч, будто она напряжена. Но потом девушка расслабляется и, раздвинув их шире, издает восхитительный полувздых-полустон, который у меня уже ассоциируется с ней.

Большими пальцами раздвигаю ее складочки. Слава богу, что с улицы просачивается немного света от неоновых огней. Потому что она прекрасна. Охренительно прекрасна. Мне хочется вкусить каждый сантиметр ее лона. Она уже мокрая, а ведь я к ней едва прикоснулся.

Провожу по ней языком и обхватываю губами клитор. Она хватает меня за волосы и ставит одну ногу на кровать, второй же упирается мне в спину.

Ее восторг неотразим, а запах опьяняет. Она — подарок, которого я и не ждал сегодня. Скольжу в нее пальцем, и она что-то стонет об Боге. Ну уж нет, так дело не пойдет.

— Дженнингс, — напоминаю я. У нее уходит несколько секунд, чтобы понять, что я использую язык для разговора, а не там, где ей хочется.

— Да, — моргает она. — Я помню. Конечно, я могу называть тебя Дженнингс.

Странный маленький утенок. Милая, но в то же время сексуальная лисичка. Господи, как же я хочу ее. Не сводя с нее взгляда, я снова ввожу палец в теплое влажное лоно. Мне нравится чувствовать себя внутри женщины, и я скучаю по ощущению обнаженной плоти, обхватывающей член. Твою мать, прошла целая вечность, с тех пор как я занимался сексом без защиты. Не то чтобы я собирался делать это сегодня. Я не идиот.

Но когда я начинаю посасывать ее клитор, надавливая двумя пальцами на крошечный пучок нервов внутри, и она выкрикивает мое имя, я едва не изменяю своему правилу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вайолет

Боже ж ты мой.

«Устроенное им должно быть доступно для всех женщин мира, вне зависимости от политических взглядов, расы, религии и места проживания. Это нужно закрепить

законодательством», — рассмеявшись, подумала я и прикрыла глаза рукой. Интересно, а на что еще горазд этот парень? Как у него получилось так быстро довести меня до оргазма? Мы только начали, а я уже считаю это лучшей случайной связью в истории секса. Не могу поверить, что это происходит со мной!

— Что тебя развеселило, милая? — он встает, поднимает джинсы и, достав из кошелька презерватив, бросает их снова на пол. Судя по морщинкам вокруг глаз, мой смех нисколько его не оскорбил, а наоборот, развеселил.

— Да нет, ничего, — отвечаю я, не в силах стереть улыбку с лица.

Я пододвигаюсь к изголовью кровати и кладу голову на подушку. Но тут же вспоминаю разоблачающий сюжет по телевизору о постельном белье в отелях и морщусь. Я ведь сейчас лежу на пододеяльнике? Надеюсь, они их стирают. На всякий случай расправляю покрывало и накрываю им подушки.

Парень — то есть Дженнингс — с улыбкой наблюдает за мной. Ну и черт с ним. Микробы — это вам не шутки. Я прислоняюсь к спинке кровати и улыбаюсь ему в ответ.

— А что еще ты можешь? — спрашиваю я и, что за черт, с интересом осматриваю его с головы до пят. Он еще не успел снять боксеры, поэтому я не могу изучить все, но то, что находится в открытом доступе, мне по вкусу. Широкие плечи. Кубики пресса... и как ему может быть сорок лет? Узкая талия. Мускулистые ноги. Впечатляющая выпуклость. Ну а что? Разве я смогла бы не задержаться на ней взглядом? Похлопав рядом с собой по кровати, я улыбаюсь.

— Что еще я могу? — он смеется и кладет презерватив на прикроватную тумбочку, после чего хватает меня за лодыжки и тянет вниз. Я вскрикиваю. Дженнингс нависает надо мной на вытянутых руках, и у меня перехватывает дыхание. Целует, и я не могу сдержать стон. На его губах все еще ощущается мой вкус — я снова возбуждаюсь. Этот мужчина. Его рот. Он... такой чувственный, и мне это нравится. Может, дело в национальности? Быть может, в постели все британцы потрясающие? У меня никогда не было парня иностранца, поэтому мне не с чем сравнить. Но сегодня я точно приняла верное решение.

Его акцент станет моей погубелью. В самом хорошем смысле этого слова. Я рада, что сейчас Дженнингс не называет меня Роуз. Жаль, что он вообще не знает моего имени. Услышать, как он произносит Вайолет... Называет меня «милой»... Это ведь так по-британски. И возбуждающе... очень возбуждающе.

Чудесный рот и тут не посрамил владельца. Наверное, поцелуй с незнакомцем должны вызывать неловкость. Но это как-то глупо, учитывая то, что именно вытворили его губы. Я даже готова согласиться с мыслью, будто поцелуй в губы напоминает интимный акт. Поцелуй — это тяжелое дыхание, выделение слюны, оценка вкуса, битва языков. Мистер Рот во всем это очень хорош. Его губы отрываются от моего рта и прокладывают дорожку поцелуев вдоль линии челюсти. Я зарываюсь пальцами в его волосы. Он прикусывает мочку уха, от чего мое тело покрывается мурашками, а потом проводит языком за ухом. Я крепче прижимаюсь к нему бедрами, моля о большем.

Я готова принять все, что может предложить этот мужчина.

Его губы снова на моих губах. Когда он сгибает руки, а мои соски начинают тереться о его грудь, у меня вырывается гортанный стон. А потом еще один, когда его язык проникает в мой рот и переплетается с моим. И еще, когда он прикусывает мою губу и начинает покрывать поцелуями каждый сантиметр кожи до самого горла. К тому моменту, как он опускается ниже и, обхватив ладонью мою грудь, потирает сосок большим пальцем, я уже

готова взмолиться. Но вместо этого у меня вырывается ругательство.

— Фак... Дженнингс, — застонав, я выгибаюсь, когда тот проводит языком по груди, продолжая потирать сосок. Ох уж этот треклятый рот.

Мне не терпится почувствовать его внутри себя. Даже и не вспомню, когда так страстно желала перейти от предварительных ласк непосредственно к половому акту. Или когда парень не вытаскивал из штанов член после пары беглых поцелуев и не стонал так, будто трахается с особым мастерством.

Мой бывший, Марк, любил агрессивно долбиться в меня и кричать: «Тебе хорошо?! Тебе хорошо?!». А я в ответ бормотала что-нибудь типа: «О, да!», — а сама опускала руку и теребила клитор, думая про себя: «Хорошо?! В каком это месте хорошо?». В большинстве случаев я чувствовала себя так, будто он просто прыгает на мне и тычется тампоном размера супер-плюс, воображая себя альфа-самцом. Нет, во мне говорит не злость бывшей девушки. Его член был совершенно нормальных размеров. Просто некоторые мужчины слишком переоценивают возможности обычных пенисов.

Что же касается мистера Чудесный Рот, уверена, тем, что скрывается в трусах, он сможет распорядиться наилучшим образом. Судя по всему, за плечами у него большой опыт. Быть может, в том, чтобы заниматься сексом с практически сорокалетним мужчиной, есть свои плюсы? Божечки, надеюсь ему хватит сил. Разве парни с возрастом не теряют выносливость?

«Не подведи меня, Дженнингс, — с этой мыслью я начинаю стягивать с него боксеры. — Не подведи меня. Ты моя первая случайная связь, пожалуйста, не стань последней. Не будь причиной, по которой я сдамся и займусь вязанием и собиранием коллекции вибраторов. Не...».

Ладно, проехали.

Я спускаю боксеры с задницы, и его член просто впечатывается мне в живот. Если бы эта часть моего тела могла застонать, то она бы это сделала. О, да. Сохраняй спокойствие и продолжай. Боже, храни королеву. Думай об Британии. Он протягивает руку за презервативом, и я хихикаю.

— Знаешь, а ты очень странная девушка, — лениво улыбнувшись, произносит он. У него красивые глаза, в которых сейчас плещется страсть.

— Обычно меня называют здравомыслящей, — ворчу я. В омут с головой — это вообще не про меня, но, кажется, сегодня так оно и будет. Нет, ну а что? Мне терять нечего: ни квартиры, ни работы. Так почему бы не воспользоваться шансом? Живи одним днем, лови момент и все такое.

— Здравомыслящей в чем? — спрашивает он, зубами разрывая упаковку с презервативом. И почему это так сексуально смотрится? Наверное, стоит почаще выходить в люди, если даже такое простое действие возбуждает меня.

— Ни в чем, — отвечаю я. — Не бери в голову, — с этими словами я сгибаю ногу так, чтобы моя ступня оказалась возле его бедра. С отточенной годами практики легкостью Дженнингс натягивает презерватив и устраивается у меня между ног. Опершись на одну руку, второй направляет член к моему входу. Едва он оказывается внутри, мне становится хорошо. Как же я скучала по этому. Тут же принимаю решение, что новая беззаботная Вайолет будет заниматься сексом чаще.

Дженнингс проталкивается глубже, и мне становится еще лучше.

Мы встречаемся взглядами, и он со стоном погружается во всю длину. Я забываю, как

дышать. Прикусив губу, слегка двигаю тазом, пытаюсь устроиться поудобнее. Он тут же освобождает мою губу и целует меня.

Я издаю странный звук и начинаю вращать бедрами. Боже, как же хорошо. Когда я сжимаю член, у него темнеют глаза. Он закрывает их на мгновение, а открыв, улыбается и целует. После чего погружается в меня, практически выходит и снова погружается до самого конца, дразня восхитительно неспешными, медленными движениями. Когда Дженнингс практически вытаскивает член, я вонзаю ногти ему в спину, требуя вернуться. Мать божья, да я готова умолять его об этом, пусть только попросит.

Но вместо этого он полностью выходит, встает на колени и, подхватив меня под бедра и приподняв мой зад над кроватью, быстро и грубо входит в меня. Я вытягиваю руки над головой и упираюсь ими в изголовье кровати, пытаюсь не удариться об него головой, а заодно помочь Дженнингсу. Никогда еще секс не был так хорош. Никогда.

— Господи, только не останавливайся.

— Не останавлиюсь, милая. Ни за что.

Его яйца шлепаются о мою промежность, и это кажется таким развратным. Звук, который издают бедра, когда соприкасаются друг с другом, да наше рваное дыхание — единственное, что слышится в тихом в номере. Мне хочется и кончить прямо сейчас, и продлить эти мгновения.

Спойлер: эти мгновения продлеваются.

Мистер «Чудесный рот» просто маэстро оргазмов. Он точно знает, как удержать меня на грани: подводит к самому краю, а потом отступает. Это напоминает агонию.

— Пожалуйста, дай мне кончить, — жалобно прошу я. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Ты совершенно очаровательна, милая, — отвечает он и перекатывает нас. Теперь я сверху.

Я не ожидала смены позиции, поэтому медлю несколько секунд.

— Я?

— Ты, — он иронично приподнимает одну бровь и легонько шлепает меня по бедру, намекая, что теперь дело за мной.

Вообще-то, я не люблю быть сверху, потому что чувствую себя незащищенной. Выставленной на показ. Но я все равно больше никогда не увижу этого парня. Так что черт с ним. Я хочу кончить. Да и процесс теперь находится под моим руководством. В его глазах светится такое восхищение и вожделение, будто у меня вовсе не маленькие сиськи, а живот в этой позе не выпирает.

Я перевожу взгляд на его мускулистую, подтянутую и в меру волосатую грудь, приподнимаюсь и снова опускаюсь.

— Поласкай себя, — командует он, хватая меня за бедра. Я поднимаю на него взгляд, сглатываю и отвожу его в сторону. Потом снова смотрю на него и опускаю руку к клитору. Потираю его двумя пальцами, одновременно раскачиваясь на члене. Дженнингс сосредоточенно наблюдает за мной. Когда его взгляд опускается на мои пальцы, я останавливаюсь, но он опускает веки и требует продолжать. Голос звучит хрипло и сексуально. Его страсть и желание придают мне смелости, и я продолжаю. Движение моих бедер и пальцев становится все быстрее и, наконец, я кончаю.

Дженнингс замирает, пока я, упираясь ладонями в его грудь, сотрясаюсь в конвульсиях верхом на его члене. Его руки крепко удерживают меня за бедра, а когда пульсация

ослабевают, он начинает в бешеном ритме вбиваться в меня, пока его самого не накрывает оргазм. Выругавшись, он закрывает глаза и, еще крепче вцепившись в мои бедра, сжимает челюсть и откидывает голову назад.

На мой взгляд, это прекрасно. Я запечатлеваю в памяти этот момент, после чего падаю ему на грудь.

Это было идеально.

Идеальная случайная связь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дженнини

Черт возьми, я и не думал, что прошлая ночка выдаться такой бурной.

«Эта американка просто нечто», — думаю я, стирая остатки крема для бритья с подбородка. Может, стоило взять у нее номерок? Нет, я пробуду в Вашингтоне еще один день, а потом сяду в гребаный автобус и буду изображать из себя счастливого туриста. Вдобавок, если она так и не назвала мне своего настоящего имени, то и номер бы точно не дала.

Утром она ушла, не сказав ни слова. Открыв глаза, посмотрела на часы и встала с кровати. Оделась и через минуту уже была за дверью.

Одной ногой уже оказавшись в коридоре, пропела: «Спасибо. Рада была познакомиться», — после чего закрыла дверь и исчезла.

Я тоже очень рад был с тобой познакомиться, милая.

Никогда не слышал ничего подобного на утро после секса, но я и правда рад, что так получилось.

Я люблю женщин. Мне нравится водить их в ресторан. Провожать до дома. Гладить их по щеке, а потом целовать и соглашаться на чашку чая. Но больше всего я люблю заниматься с ними сексом. Мне нравится находить на их теле чувствительные места. Обнаруживать, от чего у них перехватывает дыхание и поджимаются пальцы на ногах. Выяснять, какие движения заставляют их выкрикивать мое имя и кончать.

Но я нахожусь в этом городе не ради Роуз — или как там ее зовут. Хотя она и была забавной. Назвалась другим именем, будто случайная связь с незнакомцем — операция под прикрытием. Может, для нее так оно и есть, но мне было смешно. А как у нее загорелись глаза, когда она поинтересовалась не британец ли я! Твою ж мать... Когда мы лежали голые в кровати, она даже попросила меня произнести что-нибудь с британским акцентом.

Я качаю головой и громко смеюсь. А идиотский коктейль с шампанским, который она пила? Снова вранье. Эта бурда не популярна ни в одной стране. И даже вспомнить не могу, когда в последний раз женщины сбегали от меня после секса.

Возможно, я и сегодня встречу ее в баре отеля? Возможно. Но стоит ли? Обычно я не повторяюсь, но с этой девушкой не против провести еще одну ночь.

Какого черта я позволил ей уйти утром? Она застала меня врасплох; я был расслаблен после секса, ну и не стоит забывать о смене часовых поясов. Она ушла и унесла с собой запах кокоса, а мне осталось лишь только представлять себе ее широкую улыбку и выражение лица, когда я довел ее до оргазма — и не один раз. То, как разметались на подушке ее волосы. И как она нерешительно села на меня верхом, а потом провела кончиками пальцев по моей груди и, опершись в нее ладонями, начала раскачиваться, доведя себя до еще одного

оргазма.

Надеюсь, мне повезет, и нам удастся повторить эту ночь.

Но сначала бабушка.

«Я здесь ради бабушки», — напоминаю я себе.

Надев джинсы и футболку, поднимаю с пола кошелек, а вчерашнюю одежду бросаю на чемодан, чтобы горничная не споткнулась о нее. Бросив взгляд на часы, понимаю, что пора спускаться в холл. Наш туристический маршрут по историческим местам Америки не включал посещение Национальной галереи, а она упоминала, что хотела бы сделать это. Вот мы и делаем. Боже, помоги мне. Искусство — это не мое, но ради бабушки я готов на все.

Вспомнив о работе, мысленно вздыхаю. Сколько же ее накопилось за эту неделю? У меня нет времени на путешествия, но сейчас моя очередь. Ладно, разберусь. К тому же у меня есть ноутбук, можно будет разгрести какие-то дела, касающиеся бизнеса в Великобритании, пока автобус везет нас в другой город.

Я выхожу из лифта и бросаю взгляд в сторону бара. Нет, я не жду, что эта девушка будет сидеть в баре в десять часов утра, но почему бы не проверить?

Бабушка ждет меня на выходе. Я обнимаю ее и вдыхаю знакомый с детства запах. А потом выкидываю из головы все мысли о вчерашней незнакомке и сосредотачиваю свое внимание на той, ради кого здесь нахожусь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вайолет

Это худшая из идей Дейзи. А их, уж поверьте, было не мало. Когда нам было по пять лет, она заверила меня, что нам разрешили покрасить ногти, и все закончилось тем, что родителям пришлось поменять ковер в нашей спальне. В десять лет она сказала мне, что ей не нужно готовиться к тесту по математике, потому что между нашими мозгами существует связь. И если я знаю ответы, то она тоже их знает. Когда нам было по тринадцать, Дейзи убедила меня поменяться с ней одеждой в туалете во время обеда и сдать за нее экзамен по естествознанию. Нам удалось провернуть это, но я пребывала в уверенности, что нас поймают и бросят в тюрьму для несовершеннолетних. Когда нам было по шестнадцать, сестра выдала себя за меня и заигрывала с парнем, который мне нравился, но я стеснялась познакомиться с ним сама. Она заставила его пригласить ее на свидание. Формально он приглашал меня. Вроде бы. Так или иначе, на свидание пошла именно я, и мой первый поцелуй случился именно с тем парнем. Хотя, полагаю, этот план все-таки не был провальным.

Следовать правилам — это мой конек. Нарушать их — дело Дейзи.

Так почему я согласилась на это?

Это полное безумие.

Мне двадцать шесть. Уже не тот возраст для игр с переодеванием. Я вытаскиваю телефон и, глядя на туристический автобус «Саттон Трэвел», который припаркован перед отелем «Шератон», набираю ее номер.

— У меня не получится, — заявляю я, как только в трубке раздастся ее голос.

— Я так устала от твоих закидонов, Вайолет, — вздохнув, отвечает она. — Пора бы уже вылезти из памперсов и повзрослеть.

Знакомьтесь, моя сестра.

— Ну спасибо, Дейзи. Именно это я и хотела услышать.

— Да пожалуйста. Слушай, тебя никто не заставляет. Если хочешь проваляться на диване еще полгода, то валяй. Можешь даже занять мою комнату. Меня все равно пока нет дома.

Я вздыхаю.

— Тебе нужна встряска, Ви! Приключения! — с воодушевлением восклицает она. — Ну разве тебе не скучно? Пора бы развлечься. Забудь об осторожности. Схвати жизнь за яйца! — зная свою сестру, я думаю, что она сейчас, наверное, размахивает руками. — Ты всегда была ответственной и серьезной, и куда это тебя привело? В никуда.

Она права. Я всегда все планировала, а в итоге осталась без работы и живу у сестры.

На мгновение меня охватывает гордость за прошлую ночь с незнакомцем. Уж она-то точно была незапланированной. С дурацкой улыбкой вспоминаю, как мы занимались сексом. Мне, конечно, не с чем сравнить, но он точно был первоклассным. До сих пор не могу поверить, что решилась на это. Переспать с незнакомцем — не в моем стиле. Я еще никогда этого не делала. А теперь поимела случайную связь. Простите за каламбур.

Интересно, он появится сегодня в баре или уже съехал из отеля? Хотя если я снова с ним пересплю, то это уже не будет случайной связью.

— Вайолет, ау! Ты меня слушаешь? — Дейзи прерывает мои непристойные воспоминания, и я переключаю внимание на нее.

— Да, слушаю, — неужели я и правда стала лгуньей за последние двадцать четыре часа?

— В этом нет ничего страшного, Ви. Делай или не делай. Оставайся или уходи.

— Ничего страшного? Дейзи, да тебя уволят, если я вернусь домой. Потому что тур начинается через пять минут, а тебя здесь нет. И вообще, где ты? В аэропорту? Да, похоже на то. Как ты можешь так беспечно относиться к тому, что тебя уволят? Дейзи, увольнение — это тебе не шутки.

Я-то знаю.

— Увольнение — это не так уж и страшно. Я без конца тебе это повторяю. Оно открывает новые перспективы, Ви. Тебе есть где жить и что есть. Увольнение — это не конец, а начало. Начало чего-то большего и лучшего, — мечтательно, как это может только она, произносит сестра. — Жизнь никогда не стоит на месте. С ней никогда не знаешь, что принесет день грядущий, поверь мне. Живи чертовым настоящим.

— Но что может быть такого важного и срочного, если ты даже готова поставить под угрозу работу? — Дейзи ведет блог о путешествиях, а туры ей в этом помогают. Она получает деньги в качестве экскурсовода, а когда у нее есть свободное время, делает фотографии и ищет интересные материалы для постов. Сестра создала свой блог с нуля и теперь получает хороший доход от рекламы и партнерских ссылок, так что ей легко подстраивать свое расписание под график «Саттон Трэвел». У нее идеальная работа, и она будет просто дурой, если ее профукает.

— У меня есть кое-какое дело, — беззаботно отвечает Дейзи.

Дело. Не уверена, что хочу об этом знать.

— Я вешаю трубку. Просто садись в автобус, Вайолет. У тебя все получится. Ты же видела, как это делаю я, все не так уж сложно. А еще я оставила тебе шпаргалки.

— Я все испорчу. Как я могу провести тур, на котором была всего лишь раз? — я отправилась в него в прошлом месяце, когда путевки были горящими. На самом деле я ни на что не обращала внимание и большую часть поездки провела в фейсбуке, шпионя за

страницей Марка. Идиотизм чистой воды. Но в тот момент мне это было необходимо.

— Они этого не знают, Вайолет. Мы ведь уже обсуждали эту тему. Никто ни о чем не догадается. Да они даже не американцы. Можешь говорить им все, что в голову взбредет. Главное улыбайся и постарайся не забыть никого в туалете.

— Думаешь только американцы знают историю Америки? — кажется, уже в десятый раз спрашиваю я. Эта идея безумна.

— Я думаю, что у тебя нет работы, и тебе не помешают деньги, которые «Саттон Трэвел» заплатит мне за тур. И которые я переведу на твой счет.

Туше.

Но это правда. На этой неделе у меня не запланировано ни одного собеседования. Черт побери. Вот уже полгода я рассылаю резюме и хожу на собеседования на должности, которые мне даже не интересны. Отчего чувствую себя паршиво, ведь я не в силах от них отказаться.

— Просто придерживайся шпаргалки, — добавляет она. — Ты ж не идиотка и не перепутаешь Белый дом с Капитолием.

— Просто придерживайся шпаргалки, — повторяю я. Забавно, но именно с помощью них Дейзи удалось закончить школу.

— У водителя автобуса есть маршрут, а все остановки предусмотрены заранее. В Вашингтоне и Геттисберге экскурсии будут проводить местные экскурсоводы. Тебе просто нужно привезти туристов, а потом забрать их. У тебя все получится.

— Угу, — вздыхаю я и снова смотрю на автобус. — И ты впервые проводишь тур с этим водителем? Томом, кажется? Ты ведь с ним не знакома?

— Не-а. Я же говорила, что этих водителей около сотни. Я практически ни разу не работала с ними дважды. Все будет в порядке.

— Ладно, — бурчу я. — Но все равно это плохая идея.

— Это гениальная идея, — уверенно отвечает сестра. — Кроме того, если ты не объявишься, все эти туристы окажутся в затруднительном положении.

— Это неправда, — отвечаю я и закатываю глаза, хотя она и не видит меня.

— Самая что ни на есть правда. Меньше чем через час ты должна забрать людей из аэропорта. Компания не сможет так быстро найти замену. Просто подумай о милых канадцах, которые будут стоять у стойки регистрации и недоумевать, почему ты не приехала за ними.

— Ты хотела сказать, почему за ними не приехала *ТЫ*, — сухо замечая я.

— Да не суть. Они расстроятся, Вайолет. Расстроятся, потому что проделали длинный путь в Америку, а их никто не встретил.

— Почему именно канадцы? А остальные что же?

— Мне захотелось надавить тебе на жалость. Все знают, что канадцы очень милые. Готова поспорить, один из них предложит тебе свой кленовый леденец еще до конца недели.

— Не будь дурой, — с улыбкой ворчу я.

— Люблю тебя, солнце.

— А я тебя, лучик.

Мы сворачиваем разговор, и я с новообретенной уверенностью прикалываю бейджик с именем Дейзи к блузке. Она права. У меня получится. И мне действительно нужны деньги.

Вот что бывает, когда компанию, на которую ты работаешь, продают за две недели до того, как ты должна завершить сделку по покупке квартиры, а твоя должность оказывается

упразднена. Как выяснилось, банки не приветствуют предоставление ипотеки на тридцать лет людям без работы. К тому моменту, как мой мир рухнул, я успела разорвать договор аренды и упаковала большую часть своих пожитков в коробки. Их пришлось отправить на склад, а сама я переехала к Дейзи.

Одновременно с этим я потеряла парня.

Буквально. Он жив, просто у меня его больше нет. Мы работали вместе. В разных отделах, ничего скандального. Он был сыном владельца, все знали о нас, это не было секретом. И ко мне не относились как-то по-особенному. Конечно, нет. Я бы этого и не хотела.

Вот только...

Я узнала обо всем последней. Самой последней. В тот день я выполняла поручение босса, когда все получили письмо, уведомляющее сотрудников о том, что компания была продана крупной корпорации, которой оказалась не нужна половина старого персонала. Марка перевели в другой город на руководящую должность. Естественно, это было частью сделки. Когда я вернулась в офис, меня встретил сотрудник кадрового отдела корпорации, который предложил мне выходное пособие.

Знаете, что представляет из себя выходное пособие, когда тебе двадцать шесть лет? Недельная зарплата за каждый год службы. Я проработала там три с половиной года. Три недели оплаты. Они даже не округлили до четырех лет.

Через две недели Марк переехал в Калифорнию на новую работу, а я потеряла задаток за квартиру.

Он даже не удосужился нормально расстаться со мной перед отъездом. Знаете, как это ужасно, когда кто-то *намекает* на расставание, но не говорит об этом прямо? Полное дерьмо, вот что это такое. Спасибо тебе, мудака. Он сказал, что переезжает в Сан-Франциско, а я — по глупости — поинтересовалась, что это значит для нас. Марк бросил на меня хмурый взгляд и сказал, будто умственно отсталой: «Это очень важно для меня, Вайолет»

Теперь он принадлежит какой-то девушке по имени Линди.

Так что мне действительно нужна встряска.

Когда я подхожу к автобусу, двери открываются, и водитель с улыбкой сбегает по ступенькам ко мне.

— Дейзи! — восклицает он, глядя на мои сиськи.

Твою мать. Он знает меня. Вернее, ее. Он знает мою сестру.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вайолет

— Приветик, — я улыбаюсь и кошусь на его бейджик. Джордж. Проклятье. Предполагалось, что на этой неделе водителем будет Том. Том Мэйси, с которым, как уверяла меня Дейзи, она никогда ранее не встречалась.

— Джордж! — с энтузиазмом восклицаю я и повторяю: — Приветик, — интересно, сколько у них было общих поездок. И насколько хорошо он ее знает? Надеюсь, мне не придется вести себя как Дейзи.

Он останавливается в паре сантиметров от меня и радостно улыбается, отчего на щеке появляется ямочка. Судя по тому, как он обнимает меня за талию, парень довольно близко знаком с сестрой.

Я ее убью.

— Джордж, — шепечу я, выворачиваясь из его объятий и пытаюсь не паниковать. — А я думала, на этой неделе моим водителем будет Том.

— Да. Но когда я увидел, что в этой поездке экскурсоводом будешь ты, то поменялся с ним, — подмигнув, отвечает мужчина. — А Том вместо меня поехал по маршруту Бостон—Мэн.

— А разве так можно? — спрашиваю я, но быстро исправляюсь: — Вернее, это здорово, — я киваю и крепко сжимаю телефон в руке. Нужно срочно позвонить Дейзи. После чего схватить чемодан и бежать. Я не смогу это сделать. Просто не смогу.

— Прости, мне нужно позвонить, — говорю я, показывая на телефон, и отхожу. Но не успеваю сделать и двух шагов, как Джордж снова обнимает меня и разворачивает к дверям автобуса.

— Позвонишь из автобуса. Нам пора отправляться, если мы хотим вовремя забрать из аэропорта первую группу. Ты же знаешь, самое главное в нашем деле — придерживаться графика.

— Угу, — бормочу я и, подталкиваемая Джорджем, захожу в шикарный экскурсионный автобус, такой же, как и тот, на котором я ездила в тур по горячей путевке, и нехотя занимаю место в первом ряду. Джордж закрывает двери, пристегивается и, надев солнцезащитные очки, вырывается со стоянки.

— Ну и как жизнь, Дейзи, — интересуется мужчина, останавливаясь у светофора на Фраинг-Пан-Роуд.

Мне остаться или сбежать? Бегство — это, безусловно, наилучший выход. Но как же выбраться из автобуса? Сказать Джорджу, что я не Дейзи? Или притвориться, будто мне внезапно стало плохо, и попросить его остановиться? Тогда можно было бы просто убежать, но мимолетный взгляд на автомобили, проносящиеся за окном, говорит мне о том, что это не самая безопасная идея.

А вдруг она с ним не спала? Может, они встретились однажды, и он думает, будто у него есть шанс с ней. Дейзи та еще любительница пофлиртовать, так что все вполне возможно. Но я же не могу просто взять и спросить, насколько хорошо он знает мою сестру? Ведь, по его мнению, я и есть Дейзи. Господи боже.

— Дейзи? — повторяет Джордж. Я поворачиваюсь к нему и тут же понимаю, что до аэропорта осталось меньше десяти минут. Меньше десяти минут, чтобы разобраться в том, как же мне выполнить эту работу, потому что я не люблю сбежать от проблем. Я из тех девушек, которые находят выход и доводят дело до конца.

Более того, мысль о том, чтобы кого-либо подвести, вызывает у меня тошноту. Как же я мечтаю придушить Дейзи прямо сейчас, но мне не хочется ее подводить.

— Мне нужно позвонить, — объявляю я и, вцепившись в ручку кресла, встаю. — По личному вопросу, — с этими словами я направляюсь по узкому проходу в конец автобуса и набираю номер сестры.

— Что, уже струсила? — спрашивает Дейзи, отвечая на звонок. — Прошло всего пять минут, Ви. Пять минут. В этом нет ничего сложного. Просто стой у багажной ленты номер один и держи табличку «Саттон Трэвел». Туристы сами тебя найдут. Сверишь их имена со своим списком и отправишь к...

— Дейзи, я звоню не поэтому. У нас проблема.

— Что за проблема? — совершенно спокойно спрашивает она. Дейзи никогда не

волнуется. Я всегда считала, что появилась на свет, недоверчиво хмурясь, а сестра через минуту после меня и сразу же дала пятню доктору. Просто поразительно, что у нас одна и та же ДНК. Тем не менее, я не могу представить свою жизнь без нее.

— Они послали не Тома, а Джорджа, — шепчу я. Не думаю, что Джордж слышит меня, но осторожность никогда не помешает. — А он-то точно тебя знает, раз сказал, что поменялся маршрутами ради тебя.

— Хм-м... — протяжно произносит она и, помолчав, добавляет: — Ну...

— Что ну? Поконкретнее, Дейзи. Я уже вижу аэропорт. У меня мало времени. Насколько хорошо ты знаешь этого парня?

— Да я вот думаю. Который из Джорджей?

Я отнимаю телефон от уха и недоверчиво смотрю на него.

— Полагаю тот, с которым у тебя был секс, — говорю я, закатив глаза, и снова подношу телефон к уху.

— Ну...

Мне потребовалось всего пара секунд, чтобы все осознать.

— Ты переспала с двумя водителями по имени Джордж? — возмущенно восклицаю я. — Кто так поступает?

— Многие девушки, — спокойно отвечает та. — Джорджи... они такие сексуальные. И не нужно меня стыдить, ты же знаешь, что это бесполезно.

— Это очевидно, — замечаю я.

— Так какой из Джорджей? Просто сексуальный или сексуальный и забавный?

— Откуда мне знать, Дейзи? Я впервые увидела его пять минут назад.

— Хм, ну да. Думаю, это не имеет значения. Просто не спи с ним. Иначе это будет выглядеть странно.

— Считаешь? — с ехидством интересуюсь я. Мы с Дейзи никогда не встречаемся с одними и теми же парнями. Мы, конечно, близки, но не настолько. — С чем мне придется иметь дело, Дейзи? Этот Джордж в тебя влюблен? Может, у него есть ласковое прозвище для возлюбленной? Или мне придется разбить ему сердце?

— Нет. Ни один из Джорджей не влюблен в меня. Точно нет, — немного грустно произносит она.

— Мы в аэропорту. Мне пора, — говорю я ей. — Ты моя горошинка.

— А ты мой стручок. Люблю тебя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вайолет

У меня просто нет сил. Утром я съездила в аэропорт, заселила туристов в отель и объяснила им, где встречаемся вечером. Потом проделала тоже самое после обеда. Каждый раз, когда кто-то задавал мне вопрос, я напрягалась, переживая, что не смогу на него ответить. К тому же мне нужно было избегать Джорджа. Избегать людей — задача не из простых. Нужно постоянно быть в курсе их передвижений, чтобы не оказаться в одном и том же месте в одно и то же время. А если вдруг это все-таки произошло, иметь при себе замечательную пару из Австралии, чтобы человек, которого ты сторонишься, не смог пригласить тебя к себе в номер. Это я так, к примеру.

Но собираюсь пресечь подобное на корню.

Мой взгляд падает на кровать, и я раздумываю, не прилечь ли на пару минут. Побеждает практичность. У меня есть час свободного времени, до того как нужно будет спуститься в холл и встретиться с группой. Я просматриваю список туристов, чтобы еще раз проверить, не отсутствует ли кто. Утром мы забрали из аэропорта тридцать два человека. Оставшиеся девять добирались сами, либо приехали в город раньше. Согласно данным отеля, все они заселились. Так что можно вычеркнуть этот пункт из своего списка.

Проверить, что все туристы в количестве сорок один человек на месте. Есть.

Убедиться, что в баре отеля для нашей группы выделяют уголок и организуют закуски ровно в шесть часов. Есть.

Позвонить местному экскурсоводу, который будет проводить завтра экскурсию, и подтвердить место встречи. Есть.

Закончив с делами, открываю ноутбук и проверяю почту: вдруг появились предложения о работе.

«Ничего», — констатирую я, кусая губу. Вздохнув, отсылаю пару писем агентам по трудоустройству, с которыми сотрудничаю, и приступаю к изучению сайтов по поиску работы. И даже успеваю отослать парочку резюме до того, как подходит время закрыть компьютер и спуститься в холл. Я встаю перед зеркалом и разглаживаю ладонями свою блузку. Точнее, блузку Дейзи. Слава богу, экскурсоводам не нужно носить униформу. В отличие от водителей. Черные брюки, рубашка, жилет и, в зависимости от погоды, пиджак сверху. Смотрится довольно привлекательно, если вам нравится подобный стиль.

«Дейзи-то точно от него без ума», — с ухмылкой думаю я. Обожаю свою сестру.

Как я уже сказала, у экскурсоводов нет дресс-кода. Но им не разрешается одевать шорты, джинсы или футболки.

«Деловой стиль, — так сказала Дейзи, когда упаковала свой чемодан и вручила его мне. — Я одолжила тебе пару вещей. Тот сарафан, который ты постоянно берешь без спросу, и новую розовую юбку», — добавила она, пока я пялилась на нее как на чокнутую. В результате я согласилась на все это, так что у меня самой тоже явно не все дома.

Вот уже в сотый раз я подумала, как у меня получилось на это подписаться. Но Дейзи права, пора вернуться к обычной жизни. Притворяться экскурсоводом вместо сестры для «Саттон Трэвел», конечно, не то, как я это себе представляю, но хоть какая-то отправная точка. Зарплата не такая уж плохая, а мне очень нужны деньги. Да и экскурсоводы с водителями зачастую получают чаевые от туристов в конце путешествия. По словам Дейзи, очень неплохие.

Ко всему прочему, мне и правда нужно было встряхнуться и оторвать зад от ее дивана.

— У сестры есть вкус, — задумчиво произношу я, крутясь перед зеркалом в розовой юбке. Парочка ее нарядов точно останется у меня. В качества бонуса. Она должна мне, потому что сбавила на меня эту работу не совсем из бескорыстных побуждений. Зная свою близняшку, у нее явно что-то намечается на этой неделе.

Ладно, попробую извлечь из этого выгоду. Ведь мой девиз: «Найди способ преуспеть, невзирая на все перипетии судьбы». Я закончила упиваться своим горем и открываю новую страницу в жизни. Мне нужен был толчок, и я его получила.

«Вчерашний парень хорошо меня подзарядил », — думаю я, ухмыляясь как идиотка. Ничего не могу с собой поделаться: при мысли о том, какой я была бесстыжей, меня охватывает самодовольство. Я чувствую... гордость за себя. Это нормально? Гордиться случайной связью? Пофиг, лично я горжусь.

Вчера судьба свела меня с сексуальным британцем, и я извлекла из этого выгоду — даже без подсказки Дейзи. Нет, возможно, подтолкнула статья из женского журнала, но все остальное я сделала сама. Я ведь зашла в бар и улыбнулась ему? Так что да, сегодня я собой горжусь.

Я с достоинством переживу эту неделю. У меня есть шаргалка и уверенность в своих силах. Я расслабляюсь и расправляю плечи. Я уже разослала кучу резюме. Еще парочку сегодня. К тому же в меня верят два агента по трудоустройству, который позвонят, как только что-нибудь станет наклеиваться. Может быть, даже на этой неделе. Кто знает!

Схватив шаргалку для приветственного ужина, пакеты с небольшими подарками от «Саттон Трэвел» и шнурки на шею для каждого пассажира, я с широкой улыбкой спускаюсь в холл.

Все будет в порядке. Дейзи права. Никто не станет задавать вопросы, если я сделаю что-нибудь не так. Они даже не заметят.

А мистер Чудесный Рот... Кто ж знал, что одна ночь с этим мужчиной настолько повысит мою самооценку? Стоит ли снова искать с ним встречи сегодня? Захочет ли он повторить? Или успел найти себе другую женщину? Нет, думать об этом не стану. Мне хотелось провести одну ночь с незнакомцем, и я это сделала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дженнингс

В шесть часов мы с бабушкой проходим в небольшую обеденную зону при баре отеля. На столе стоит табличка, что он зарезервирован для «Саттон Трэвел», поэтому мы занимаем свободные места. Вскоре к нам присоединяются три женщины из Канады. Бабушка болтает с ними, а я просто киваю и изучаю группу, с которой проведу следующую неделю.

В основном это пенсионеры. Но еще есть компания подружек на каникулах, несколько семейных пар на вид лет тридцати и один-два человека, которые путешествуют в одиночестве.

Интересно наблюдать за тем, как мгновенно устанавливается дружеская связь между незнакомцами со всего мира во время совместного отдыха. Чертовски скучного для меня, но восхитительного для этих людей. Начало этому положено — они общаются, смеются, представляются, рассказывают, где живут, жалуется на длинные перелеты и усталость.

Внезапно появляется девушка, с которой я провел прошлую ночь, и направляется напрямик в обеденную зону, выделенную для туристической группы. Забыв обо всем, я пялюсь на нее.

Она еще милее, чем была вчера, если такое возможно. Роскошные черные волосы собраны в хвост, концы которого завиваются крупными волнами. Губы подкрашены в розовый цвет, а брови сосредоточенно приподняты, будто бы она кого-то ищет. Она действительно кого-то ищет? Ее взгляд скользит по помещению, а я мысленно перебираю в уме туристов, пытаюсь соотнести с ней хоть кого-то. С кем она могла бы быть? Быть может, с другом или подругой? В группе есть несколько одиночек, но, на мой взгляд, между ними нет ничего общего. К тому же ни один из них не занимал дополнительное место.

На ней белая хлопковая блузка, слегка обтягивающая грудь. Нет, я точно хочу переспать с этой девушкой еще раз. Мучительно знать, что скрывается под тканью. Идеальная грудь со светлой кожей. О, как они лежали в моих ладонях и какие звуки она издавала, когда я

втягивал соски в рот. Мне нужно попробовать их снова.

Девушка облизывает губы и открывает рот, чтобы что-то сказать... и в этот момент до меня доходит, что она держит в руке пакеты с логотипом «Саттон Трэвел». Подозреваю, что если бы я отвел взгляд, то убедился бы, что вся группа сосредоточила внимание на ней.

— Здравствуйте, — помахав рукой, произносит она. — Еще раз здравствуйте и добро пожаловать на исторический тур с «Саттон Трэвел».

Черт возьми, она экскурсовод. Я громко смеюсь; девушка поворачивается ко мне и бледнеет, встретив мой взгляд. Ее идеальная нижняя губа отвисает, а глаза вспыхивают, но она берет себя в руки и отводит глаза, заправляя несуществующую прядь волос за ухо.

— Э-э-э, хм... добро пожаловать, — немного нервно повторяет она. Девушка переступает с ноги на ногу, а я откидываюсь на стуле, вытягиваю ноги и, сложив на груди руки, с ухмылкой за ней наблюдаю. Этот тур только что стал куда более занимательным.

Как же ее тогда зовут? Не помню, чтобы у экскурсовода звали Роуз. Открыв на телефоне план маршрута, убеждаюсь, что нашим экскурсоводом на этой неделе является мисс Дейзи Хэйден. В конце письма даже есть ее фотография. Наверное, его стоило прочитать еще до того, как снимать ее в баре. На моем лице расплывается довольная ухмылка. Так значит, ее имя Дейзи. Не уверен, что оно ей подходит. Эта девушка напоминает мне редкий цветок. Не то чтобы Роуз было лучше. Но так мило, что она придерживается цветочной тематики.

— С большинством из вас мы уже встречались в аэропорту, — начинает она, покосившись в мою сторону, — а для остальных меня зовут Дейзи Хэйден, и я буду вашим экскурсоводом на этой неделе. Девушка широко улыбается, но я вижу, как она нервничает. Вчера в баре она вела себя куда увереннее. Дейзи рассказывает о прогнозе погоды на завтра и сколько нам придется пройти пешком. Напоминает о необходимости придерживаться расписания и ставить ее в известность, если мы решим пропустить посещение каких-нибудь достопримечательностей. После чего приглашает всех насладиться закусками.

И все это ей удастся проделать, ни разу не посмотрев на меня. Я вижу, как она смотрит в мою сторону, изучает тех, кто сидит за моим столиком, но ни разу ее взгляд не встречается с моим. А я не могу глаз от нее отвести. Смотрю, как покачивается хвост, когда Дейзи ставит пакеты на пустой стол, и как касается ее руки, когда она слегка наклоняется. Как она сосредоточенно сводит брови, когда ее о чем-то спрашивают. Я пожираю глазами красивые икры и тонкие щиколотки, балетки на ногах. Дурак я, что позволил ей уйти утром, но теперь у меня появился еще один шанс. Судя по плану нашего маршрута, все вечера у нее будут свободны.

И она проведет их со мной. В постели.

Да, я собираюсь хорошенько узнать мисс Хэйден на этой неделе.

Как только группа встает и направляется к буфету, улыбка сползает с ее лица и она наконец бросает на меня взгляд. А когда замечает, что я бессовестно на нее пялюсь, у Дейзи округляются глаза. Развернувшись так круто, что взметнулась розовая юбка, она опускает голову и, стуча пальцами по клавиатуре телефона, выходит из бара.

Я говорю бабушке, что мне нужно сделать звонок по делу, и предлагаю ей поесть с новыми канадскими друзьями. Сам же следую за мисс Хэйден и, как ожидалось, обнаруживаю ее в коридоре. Ну не может же наш экскурсовод сбежать до окончания приветственного ужина? Спрятавшись за большим декоративным растением, она одной рукой прижимает к уху телефон, а другой затыкает второе ухо, чтобы не мешали посторонние звуки.

— Нет, я сказала ему, что меня зовут Роуз, — я встаю у нее за спиной, прямо напротив растения. А почему бы нет? Как я могу упустить такую возможность раздобыть немного информации?

— Почему? Да понятия не имею. В тот момент это показалось мне хорошей мыслью. Я подумала, что мы оба представляемся вымышленными именами. Откуда мне знать, что надо говорить? Это был мой первый случайный секс.

Хорошо, что она сейчас не видит мою напыщенную улыбку. Но я не могу ничего с собой поделывать — именно мне выпала честь стать ее первым незнакомцем.

Несколько секунд Дейзи молчит и слушает человека на другом конце.

— Я не говорю, что ты шлюха, просто объясняю, — наконец произносит она, раздраженно вздохнув. — А вот ты оскорбляешь меня своим смехом. Не будь такой лицемеркой, Де... — В этот момент девушка поворачивается и замолкает, заметив меня. — Мне пора, — шепчет она в трубку, а я улыбаюсь. Слишком поздно.

— Ты, — судя по голосу, она явно не рада меня видеть. Дейзи сжимает руку в кулак, а потом расслабляется и, расправив плечи, качает головой. Во время разговора она наматывала хвост на палец, и теперь тот лежит на блузке. Руки чешутся прикоснуться к нему, но вряд ли мне будет позволено сделать это сейчас.

— Да, я, — соглашаюсь я. — И, кстати, все еще Дженнингс.

Девушка недовольно прищуривается, а в ее глазах вспыхивает ярость. Поджав губы, она складывает руки на груди.

— Значит, тебя зовут Дейзи, а не Роуз, — говорю я, пробуя на вкус ее имя. — Ты не похожа на Дейзи.

— Да. А почему это я не похожа на Дейзи? — нахмурившись, внезапно интересуется она. — Все Дейзи веселятся и развлекаются на всю катушку, — девушка широко расставляет руки, будто пытаюсь показать, в каких масштабах она развлекается, а я с трудом сдерживаю смех.

— Хорошо подмечено.

— Вообще-то, я думала, что ты здесь в командировке. А не на каникулах со своей спонсоршей

— С бабушкой, — поправляю я. И отчасти в командировке тоже. Мне стоит сказать ей это. Стоит.

— Ладно, с бабушкой, — она опускает плечи и неопределенно пожимает ими, а потом добавляет, отчеканивая каждое слово: — Ты на каникулах с бабушкой. Дожил почти до сорока лет, а за тебя все еще платит бабушка. Что сказать, молодец! — Дейзи стучит пальцами по лбу, закрывает глаза и качает головой.

Что? Она думает, будто бабушка платит за этот тур... О, эта девушка просто бесценна. Не буду убеждать ее в обратном.

— Ужасно, правда? Экономика и жизнь в целом уже не та, — я засовываю руки в карманы и, наклонившись к ней, продолжаю: — Не пора ли нам отправиться в путешествие?

Это лозунг «Саттон Трэвел». *Не пора ли отправиться в путешествие?* Я думал, что заставлю ее улыбнуться, но она смотрит на меня как на идиота.

— Послушай, Дженнингс, — Дейзи делает глубокий вдох и отводит взгляд в сторону. — Мне жаль, что у нас все так получилось.

Ей жаль?

— Я и не предполагала, что ты турист, — поспешно продолжает она. — Надеюсь, что

отношения между нами не будут слишком неловкими.

— А с чего бы им быть неловкими?

Девушка удивленно вскидывает брови и смотрит на меня. У нее темно-голубые глаза, обрамленные густыми ресницами. Какая же она миленькая.

— Хм, ну потому что ты видел меня голой, например.

Я с ленивой ухмылкой смотрю на ее серьезное лицо и румянец на щеках.

— Я и правда видел тебя голой, милая, — соглашаюсь я и медленно прохожусь взглядом по ее телу. — В этом совершенно нет ничего неловкого. Я думал, что обычно ты не один раз видишься с мужчинами, с которыми спишь, так что наша встреча не должна стать для тебя проблемой.

У нее вспыхнули глаза, когда она поняла, что я явно слышал ту пикантную подробность о случайном сексе. Я улыбаюсь, а Дейзи хмурится.

— Но не на работе же. Не зная их фамилий и всего прочего. Это просто катастрофа, — рассуждает она вслух.

— Дженнингс Андерсон, — представляюсь я и протягиваю ей руку. — Мне нравятся стейки, я ненавижу горячий попкорн и обожаю щенков. Теперь ты знаешь мою фамилию и даже больше, — кое-что, но не все. Только не ту деталь, которая покажется ей интереснее всего.

Дейзи склоняет голову набок и прищуривается. Сомневается. Я бы так назвал ее взгляд.

— Понятно. Ладно, Дженнингс, прости, но мне нужно работать, — она кивает в сторону обеденного зала за моей спиной.

— Конечно, милая, — соглашаюсь я и пропускаю ее. — Иди. Не смею отвлекать от работы.

— Ты уже это сделал, — бурчит Дейзи и уходит.

О, если бы она только знала, как мне хочется отвлечь ее. Каждую ночь. Всю неделю. *Да, мисс Дейзи Хэйден, вы даже не представляете, как я буду вас отвлекать.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вайолет

Что ж, вчера ночью я сильно просчиталась.

Такой была моя первая мысль, когда я проснулась утром. Сильно. Просчиталась. Будильник еще не прозвенел, а у меня уже открыты глаза, и я думаю о том, что буду расплачиваться за связь на одну ночь на целую неделю. Семь ночей и восемь дней, если точнее. Поздравьте меня.

И как такое могло случиться? Ну почему эта фигня произошла именно со мной? Один раз решила поразвратничать, а в итоге подцепила парня, с которым придется провести целую неделю. К тому же я, наверное, снова с ним пересплю, так что накрылся мой роман на одну ночь медным тазом. Ну, при условии, если он захочет переспать со мной снова, конечно же. Думаю, захочет. Прошлая ночь ему вроде бы понравилась, да и конкуренция в нашем окружении нулевая. Большинство женщин в этом туре либо замужем, либо старше шестидесяти. У него было такое довольное выражение, когда он прошел за мной в холл на приветственном ужине. Нет, он, конечно, мог бы подцепить кого-то вечером, как и меня тогда. Или это я его подцепила? Нет, все, что я делала, — это улыбалась ему в течение трех секунд. А он угостил меня выпивкой и присоединился ко мне. Все было именно так. В

любом случае, мне кажется, что Дженнингс заинтересован в повторе.

В общем, если я снова с ним пересплю, то зачтется ли это? Смогу ли я тогда сказать своим подругам, когда нам стукнет по пятьдесят, и мы будем выпивать и вспоминать о беспечной молодости, что: «О, да, однажды у меня был секс на одну ночь. С горячим британским парнем. Я даже назвалась ему вымышленным именем. О, это было так провокационно»?

Господи, какая же я идиотка. Будто бы я стала употреблять слово «провокационно» в обычной беседе. Да и вымышленное имя я назвала только потому, что выдавала себя за сестру. Было бы странным, если б я сказала, что меня зовут Дейзи.

Ох, черт.

Твою ж мать!

Я резко сажусь в кровати и смотрю на выключенный телевизор. Я не могу снова с ним переспать, когда он думает, будто меня зовут Дейзи. А если он назовет меня Дейзи во время секса? Нет. Ни в коем случае.

Хочется плакать. Мне придется видеть мистера Чудесный Рот всю неделю, а я даже не смогу этим наслаждаться. И почему вселенная так меня ненавидит? За что? Я с громким и раздраженным стоном плюхаюсь обратно на кровать, а потом хватаю с прикроватной тумбочки мобильный, намереваясь посмотреть на время. Кажется, можно уже вставать. Будильник должен прозвенеть через полчаса, но я абсолютно уверена, что заснуть уже не смогу.

У меня раскалывается голова. Разрывается на части, едва я подумаю, что стала экскурсоводом обманным путем. И от воспоминаний о ночи с Дженнингсом. Я возбудилась, лишь только вспомнив об этом. О своих ощущениях, когда он был на мне и во мне. О его губах... при мысли о которых меня бросает в дрожь. Парень знает, как с ними обращаться. Везде. На шее, на тыльной стороне руки, за ухом, выше пупка. И ниже тоже. Боже, он прекрасно знал, что делал.

Нет, забудь о нем. Так или иначе, во второй раз секс, наверное, показался бы мне обычным. Первый раз был вроде как запретным и поэтому идеальным: секс с горячим незнакомцем, с которым я больше никогда не увижусь. Секс, когда мне было наплевать, хорошо ли ему и не хлюпает ли у меня внутри из-за того, что я такая возбужденная. Неприлично возбужденная. Вот как сейчас, когда вспоминаю об этом.

Видимо, это было нереально из-за члена. Точно. Именно поэтому: новый член идеального размера. Достаточно крупный, чтобы почувствовать его, и достаточно длинный, чтобы я вздрогнула, когда он на всю длину входил в меня. И который принадлежал впечатляюще красивому телу и лицу, при виде которых хочется пасть на колени и отсосать. А этот акцент. Господи боже. Я пропала.

Скинув одеяло, я со стоном плетусь в ванную. Похоже, мне потребуется холодный душ, чтобы с достоинством встретить длинный, наполненный сексуальной неудовлетворенностью новый день.

Через полтора часа я спускаюсь в ресторан. В тур включен завтрак, в каком бы отеле мы ни находились. Большая часть группы уже наслаждается шведским столом. Я хватаю банан с чашечкой кофе и присаживаюсь за пустым столиком с планом мероприятий на сегодня. Мне всего-то нужно посадить всех в автобус, дважды пересчитать, чтобы никого не забыть, а потом, по дороге в город, прочитать шпаргалку о Вашингтоне, которую набросала для меня Дейзи. Как только доберемся до центра, нас встретит местный экскурсовод, который

проведет для нас пешую экскурсию по Национальной аллее¹. Моя задача — проследить за группой, а потом, когда все закончится, дать им пару часов свободного времени и показать место сбора. Проще простого.

Внезапно кто-то отодвигает стул за моим столиком. Я поднимаю взгляд и вижу Джорджа. Черт, ну почему я сижу одна? Вчера мне удавалось избегать его весь день, но теперь-то он точно загнал меня в угол.

— Дейзи, — с соблазнительной ухмылкой произносит Джордж. — Я думал, что увижу тебя этой ночью, — он вопросительно выгибает бровь. Нужно признать, что парень очень привлекателен. И точно во вкусе Дейзи: темные волосы, голубые глаза и большое эго. Внезапно я вспоминаю, что он принимает меня за Дейзи, поэтому вчера и сообщил мне, в каком номере остановился. Черт, я и забыла об этом, столкнувшись со своей проблемой секса на одну ночь.

— Хм, Джордж, — он опускает свою ладонь на мою, застав меня врасплох. Я перевожу взгляд на наши руки, а потом обратно на него. Неожиданно справа от меня кто-то откашливается, и я резко отдергиваю ладонь.

Это оказывается Дженнингс.

Ну а кто ж еще.

В джинсах и рубашке-поло он умудряется выглядеть так, будто сошел с рекламы «Брукс Бразерс».

Я заливаюсь румянцем. Ну а он скорее раздражен, чем возбужден.

— Доброе утро, мисс Хэйден, — Дженнингс кивает мне и поворачивается к водителю. — Джордж, — пренебрежительно приветствует он и даже не двигается с места. Джордж внимательно смотрит на нас, а потом объявляет, что ему надо подготовить автобус, и срывается с места.

Ну вот мне и удалось избежать неловкого разговора с Джорджем.

Зато теперь намечается неловкая беседа с Дженнингсом.

— А где твоя бабушка? — интересуюсь я, когда тот занимает только что освободившееся место Джорджа. Надеюсь, он не собирается напоминать мне о своем восхитительном сексуальном мастерстве. Наверное, в разгар завтрака об этом думать не уместно, но именно в этой области сейчас витают мои мысли.

— У тебя интрижка с водителем? — спрашивает он, пропуская мой вопрос мимо ушей. Взгляд прищурен, а челюсть напряжена. Точно раздражен.

— Что? Нет! — усмехаюсь я и прикусываю нижнюю губу. У меня-то нет, а вот у Дейзи — да. Или была. Черт, как все сложно. — Не совсем.

— Не совсем? — он выгибает бровь и наклоняется ко мне. — То есть ты не уверена?

— М-м, нет? — знаю, это скорее напоминает вопрос, чем ответ. — У меня нет, — я качаю головой, а потом чешу нос и отвожу взгляд. Наверное, видок у меня виноватый.

— Я не делюсь, — заявляет он с восхитительным британским акцентом, когда я снова смотрю на него.

Я не делюсь.

Я снова представляю его обнаженным, и у меня захватывает дух.

Я не делюсь.

С таким же успехом он мог бы прорычать: «Мое!» Признаться, никогда не думала, что у меня будет сексуальный опыт с мужчиной с замашками альфа-самца.

А что, неплохо.

Я ухмыляюсь.

Он хмурится.

Я смеюсь.

Он нет.

— Я жду, мисс Хэйден, — произносит он. Клянусь, я слышу, как у него скрипят зубы. Никогда не была знакома с мужчиной, который мог бы так делать. Что ж, тоже неплохо. Не хочу его провоцировать, но это так приятно.

— Тебе не нравится, что у меня может быть интрижка с Джорджем? — спрашиваю я, пытаюсь сдержать ухмылку. По его настроению не скажешь, что он расположен к шуткам. — Лично меня ничего не связывает с Джорджем. Рад?

— Да, Дейзи, — Дженнингс кивает, и морщинки вокруг глаз расслабляются.

Дейзи. Тьфу. Слышать имя Дейзи из его идеальных уст — все равно, что получить стакан холодной водопроводной воды после того, как тебя вытащили из огромного сугроба, и ты надеешься на кружку горячего шоколада с маршмеллоу. Пора признаваться.

— Я не смогу переспать с тобой еще раз, Дженнингс. И Джордж не имеет к этому никакого отношения, — он внимательно смотрит на меня, склонив голову набок, и проводит рукой по челюсти. Его лицо бесстрастно, а глаза задумчивы. Может быть, я все неправильно поняла? Возможно, он не заинтересован в сексе со мной? Я краснею, чувствуя себя полной идиоткой. — Естественно, если бы ты хотел этого. То есть, если бы ты хотел это повторить, — ну что я несу! Мямлю как девчонка. Так и хочется стукнуть себя по лбу. — А ты бы хотел? Хотя неважно, не бери в голову.

Погодите-ка, но ведь он сказал, что не делится. Разве в этом нет намек на желание переспать со мной еще раз? Или он говорил образно? Типа: «Эй, я не хочу быть запасным вариантом»? Может, он думает, будто я изменщица? И имел в виду что-то вроде: «Тебе следовало признаться, что уже спишь с парнем по имени Джордж, прежде чем позволила мне довести себя до самого сильного оргазма в своей жизни»? Или же: «Я не занимаюсь групповым сексом и не собираюсь обрабатывать тебя на пару с Джорджем».

— Я не могу, — повторяю я, слегка встряхнув головой. — Нет.

Мне нужно заткнуться. Я замолкаю, хватаю банан, который лежит передо мной на столе и чищу его, глядя куда угодно, но только не на него. Через несколько столиков от нас сидит его бабушка с канадским трио. Такое ощущение, будто они уже давно знакомы: весело болтают и смеются над чем-то или кем-то. Я засовываю банан в рот, задаваясь вопросом, ответит ли Дженнингс на мой небольшой всплеск эмоций или же просто продолжит пялиться. Когда я вновь смотрю на него, он опускает взгляд и медленно скользит им по банану.

Естественно, я подавилась и закашлялась.

А этот грязный ублюдок улыбается.

— Почему?

— А я обязана объяснять? — огрызаюсь я.

— Справедливо, — кивает он. — Не обязана.

— Вот именно, — выходит немного самодовольно, но мне так полегчало от того, что я не ошиблась в его заинтересованности. — Мы познакомились два дня назад. Я не обязана объяснять, почему больше не хочу с тобой спать.

— Два дня назад ты подцепила меня в баре.

Похоже, мне стоит поубавить бахвальства.

— Два дня назад ты сказала мне, — он замолкает. Какую еще ерунду я сболтнула ему? — что горячая штучка и готова.

Да. Именно. Я вздыхаю и задумчиво смотрю на него. Наверное, мне плохо удастся скрывать мысли, раз он ухмыляется.

— Может, у меня такая причуда, и я занимаюсь сексом только с незнакомыми людьми.

— Мы оба знаем, что это не так, — отвечает Дженнингс и жестом показывает, чтобы я продолжала.

— Может, мне не так уж и понравилось.

— Попробуй еще раз, милая.

Да, он прав, мы оба знаем, что мне понравилось. Интересно, я сейчас сильно покраснела?

— Просто это противоречит политике компании, — говорю я. Понятия не имею, правда это или нет. Но ведь с клиентами наверняка спать не разрешается?

— Правда? — изогнув бровь, интересуется он.

— Правда, — как можно увереннее отвечаю я и пожимаю плечами, когда тот не отвечает сразу.

— Что ж, «Саттон Трэвел» повезло, что у них такой преданный сотрудник, — задумчиво протягивает Дженнингс спустя несколько секунд.

— Да, — с некоторым сомнением подтверждаю я. Дейзи ужасная сотрудница! Она отправила меня в эту поездку вместо себя, а я понятия не имею, что делаю! Ей все равно, уволят меня или нет. Вернее, ее. Не важно.

— Я бы не хотел, чтобы ты лопухнулась со своей работой, — говорит он. Интересно, «лопухнулась» — это какое-то британское «пошное» словечко?

— Да, — снова соглашаюсь я. На этот раз с грустью. Гребаные близнецы и их проблемы. И вранье. Боже, как же все сложно.

— Но ведь мы познакомились до того, как я стал твоим клиентом? В этом случае можно говорить об уже существующих отношениях. Так что это к политике компании не относится, — подождите-ка. Он что, и правда хочет меня? Этот великолепный, сексуальный мужчина хочет переспать *со мной* снова?

— Ну, — начинаю я. — Я не...

— Тогда договорились, — говорит он и отодвигает стул. — Увидимся в автобусе, мисс Хэйден.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дженнингс

Я по-прежнему счию, что она мне врет, но раз не трахается с водителем, то и черт с ним. Хотя я ненавижу, когда мне лгут. До чертиков ненавижу. Хотя это и ужасно лицемерно, ведь я тоже ей вру.

Нет, когда мы познакомились, я ее не обманывал. Зато сейчас — да. По необходимости, но это все равно ложь. Маленькая. Практически незначительная, но ложь. Для меня, по крайней мере. А вот как это для нее — совсем другой вопрос.

Эта девушка не такая как все. Я с улыбкой вспоминаю, как она пыталась найти причину, чтобы мне отказать. Да я вас умоляю! Она кончила три раза. Громко. Если Дейзи не встречается с водителем, то тогда в чем проблема? Не моралистка же она? Мы уже

переспали один раз, так какая разница, если покувыркаемся еще? Она хотела незнакомца — тут практически ничего не изменилось. Ну не может же она с таким рвением следовать политике «Саттон Трэвел», если та вообще существует.

Интересно, чем она занимается вне рабочего времени. Где живет, с кем, и есть ли у нее, к примеру, кошка?

Как глубоко она могла бы взять в рот?

А что, вполне обычные мысли.

— Дженнингс, дорогой, спасибо, что поехал со мной в этот тур, — прерывает мои размышления бабуля, когда мы выходим из отеля и направляемся к автобусу, припаркованному прямо перед ним. — Знаю, ты очень занят, но я с таким нетерпением жду своих ежегодных путешествий, — говорит она, глядя меня по руке. — А ведь это еще и так познавательно, правда?

— Очень познавательно, бабуль, — соглашаюсь я.

Я здесь, только чтобы порадовать ее. Когда поездка закончится, отвезу бабулю обратно к тете Поппи в Коннектикут до конца лета. А потом сяду на первый же рейс до Лондона.

— Знаешь, я всегда хотела отправиться в этот тур. Мы с тобой отлично проведем время.

Я согласно киваю головой. Ее новые канадские друзья уже машут нам, указывая на свободные места рядом с ними. Когда двери автобуса закрываются, Дейзи идет по проходу и безмолвно шевеля губами пересчитывает нас по головам. Увидев меня, она закатывает глаза. Не похоже, чтобы ее сильно волновала политика компании. Думаю, закатывать глаза перед клиентами должно быть запрещено, но бог знает этих американцев. Она возвращается в начало автобуса и жестом показывает Джорджу, что мы можем ехать, после чего включает микрофон и приветствует группу.

— Итак, м-м, я вновь приветствую вас в историческом туре «Саттон Трэвел». Рада, что сегодня утром вы все пришли вовремя, спасибо за это, — Дейзи широко улыбается, но ее рука сжимает микрофон так сильно, что даже костяшки пальцев побелели. Как будто она отвечает за передачу эстафетной палочки во время спринта в олимпийской эстафете, а не за пересказ каких-то скучных фактов группке туристов. Девушка откашливается и напоминает, что нас ждет сегодня по расписанию, после чего хватает небольшой блокнотик и заглядывает в него. Неужели не может справиться без шпаргалок?

Кивнув сама себе, она прячет блокнот и просит группу вытащить крошечные пульта радиуправления из кармана перед каждым сиденьем. Потом вручает каждому дешевые одноразовые наушники и проверяет вместе с группой, как работает гарнитура. У пультов есть только простая функция включения/выключения и регулятор громкости, так что урок проходит быстро. Мы будем использовать их во время экскурсии с местным экскурсоводом.

После того как все улажено, Дейзи расслабляется, включает рекламный видеоролик на телевизорах и падает на свободное сиденье позади водителя. Я сижу через пять рядов от нее, поэтому не слышу, как она вздыхает. Но, думаю, без этого точно не обошлось. Интересно, Дейзи нервничает из-за тура или из-за меня? Ни то, ни другое не имеет смысла. Меня озадачивают оба варианта.

— Дженнингс, не возражаешь, если я устроюсь рядом с Вильмой? — интересуется бабушка, показывая на новых друзей. — Так нам будет проще общаться.

— Нисколько. А я, наверное, подсяду к экскурсоводу. У меня к ней есть парочка вопросов.

— Отличная идея, давай! — охотно соглашается бабуля и гладит меня по коленке,

прямо как в детстве. — Я так рада, что тебе интересно.

Интересно. Да вот только не в том смысле, о котором она думает.

Дейзи сидит у окна, поэтому у нее нет ни единого шанса возразить, когда я сажусь рядом. Она отрывает взгляд от блокнота и, увидев меня, хмурится.

— Тебе нельзя здесь сидеть, — заявляет она.

— А я думаю, что можно, — отвечаю я, не обращая внимания на дерзость. После чего кладу руку на подголовник ее кресла и шепчу в ухо: — Ты так груба со всеми туристами или только с теми, с кем спала?

У нее отвисает челюсть и округляются глаза.

— Только с тобой, — придя в себя, отвечает Дейзи. Быстро захлопнув блокнот, она кладет его на колени и крепко сжимает в руках.

— Что там у тебя? — кивнув на него, интересуюсь я. Быть может, дневник, в котором полно эротических фантазий обо мне.

— Ничего. Просто заметки о поездке, — пожимает плечами она.

— А-а, — я разочарован. Шансов на то, что в нем фантазии обо мне было, конечно, маловато, но все же... — Сколько ты уже работаешь экскурсоводом, Дейзи?

— М-м... несколько лет, — не глядя на меня, отвечает она.

— Несколько?

— Да, несколько. А ты? Как долго еще собираешься клянчить деньги на отдых у бабули?

— Клянчить? Какое интересное слово. Полагаю, это американский термин для обозначения подачки?

— Да, — подтверждает она.

Я ухмыляюсь.

— Ну, я у бабушки любимец с самого рождения.

— Ах да, ну конечно, — язвительно соглашается она.

— Так для чего тебе нужны заметки? Если ты занимаешься этим несколько лет, то должна уже выучить все наизусть.

— Это новый тур.

— Правда?

Она бросает на меня взгляд, а потом отворачивается к окну.

— Относительно новый. Для меня, — добавляет она.

Дейзи уклоняется от самых простых вопросов, и это интригует меня еще сильнее.

Мы подъезжаем к Национальной аллее, и автобус останавливается. Все высаживаются, а Дейзи беседует с местным экскурсоводом. Джордж остается в автобусе, что вполне меня устраивает. Не нравится мне этот парень.

Дейзи снова пересчитывает нас по головам и еще раз напоминает, чтобы каждый взял с собой наушники. Экскурсовод трогается с места и начинает рассказывать об истории монумента Вашингтону. Группа следует за ним, а Дейзи пристраивается в конце, чтобы никого не потерять. Бабушка со своей компанией бодро шагает в первом ряду и внимательно слушает экскурсовода, зажав в руках пульт. Пара из Шотландии с профессиональным оборудованием для съемки каждые несколько шагов останавливается и делает фотографии. Остальные пользуются обычными мобильными телефонами.

Я снимаю наушники и засовываю их в карман вместе с пультом.

— Что ты делаешь? — Дейзи замирает и с подозрением смотрит на меня.

— Мне больше нравится наблюдать за тобой, — подмигнув, отвечаю я.

Она стонет.

А я улыбаюсь.

— У тебя есть работа, Дженнингс? — Дейзи расправляет плечи и смотрит на меня так, будто по глазам сможет определить, говорю ли я правду.

— Да, — киваю я

— Ты живешь с мамой?

— Нет, — качаю головой я, едва сдерживая улыбку.

— Ладно, — протягивает она и на секунду замолкает. — Значит, ты живешь с бабушкой? — медленно и недоверчиво произносит она, выгибая бровь

— Нет, не живу.

— Хорошо, — кивает наконец девушка.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Интересно, к какому выводу она пришла?

— Мы можем заняться сексом на этой неделе, — объявляет Дейзи. — Потому что ты хорош в этом, — добавляет она и снова начинает идти. — И потому что твой акцент сводит меня с ума. Этих причин для меня достаточно.

— Ну, тогда я рад, что все улажено, — не скрывая улыбки, произношу я. Не помню, чтобы женщина хоть раз говорила, что я хорош в постели в такой... непривычной форме. Но в этом вся Дейзи.

— Не заставляй меня пожалеть об этом, Дженнингс. Ты кажешься мне одной сплошной неприятностью, а у меня и так много чего происходит в жизни.

— Я заставлю тебя кончить без излишних неприятностей, — обещаю я.

— Кстати, я все равно буду считать это сексом на одну ночь. Если только в будущем у меня не будет другой случайной связи. Тогда буду использовать ту в качестве примера, но если нет — то по-прежнему эту.

— Хорошо, — черт ее знает, что она сейчас имела в виду.

— Вот и отлично. Договорились.

— Секс-сделка? — спрашиваю я с широкой улыбкой. — Какая прелесть.

— Ты сказал, что от тебя не будет неприятностей, — сдержанно замечает она, наклонив голову и осуждающе приподняв брови.

— Это правда.

— Иди, к бабушке, Дженнингс. Увидимся позже.

Очень на это надеюсь. Я качаю головой и снова улыбаюсь, удивляясь только что произошедшему. Обычно женщины охотно уделяют мне внимание. И не разговаривают со мной как с потерявшейся собачонкой. Любопытно, что еще она учудит.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Дженнингс

Сегодня вечером у нас был совместный ужин, включенный в турпакет. Причем содрали за него как за поход в первоклассный ресторан. А в результате мне достались три часа мучений. Джордж тоже присутствовал. Наверное, так принято, но он все равно раздражал меня тем, что сидел за столиком Дейзи, а я в другом конце зала с бабушкой и парой из Японии. Весь ужин она смотрела куда угодно, но только не на него, что радовало меня и приводило в недоумение Джорджа.

Ресторан оформлен в средневековом стиле: приглушенный свет, еда расставлена в

центре стола на деревянных блюдах, а напитки подаются в оловянных кружках. В общем, ужас. Хотя бабушка была восхищена атмосферой, да и все остальные вроде хорошо провели время. Так что это, судя по всему, мои заморочки. Лично я бы предпочел обычный американский сетевой ресторан, где столовые приборы завернуты в бумажную салфетку и не нужно есть руками. Слава богу, все закончилось.

Большую часть ужина я пытался не представлять себе Дейзи обнаженной, чтобы не сидеть со стояком. Пусть и с трудом, но я справился.

Сейчас мы наконец-то вернулись в отель. А завтра на два дня отправляемся в Вильямсбург в Вирджинию. Но на сегодня Дейзи почти закончила работу и будет принадлежать только мне.

Я провожаю бабушку к лифту, желаю ей спокойной ночи и возвращаюсь в холл ждать Дейзи. Она отвечает на вопросы одной семейной пары, поэтому я делаю вид, будто интересуюсь рекламными проспектами. И беру в руки брошюру, предлагающую экскурсию по столице на автомобиле-амфибии, которая плавно переходит в круиз по реке Потомак. Слава богу, мне не придется поехать на этом гибриде машины и лодки. Я убираю проспект обратно на стенд, краем глаза отмечая, что Дейзи кивает в ответ на слова пары.

Глядя на нее, я вспоминаю свою первую работу, которую получил, закончив университет. Это было... четырнадцать-пятнадцать лет назад? Черт, неужели мне когда-то было двадцать два? Как же давно это было. В голове звучит голос отца, который спрашивает, собираюсь ли я когда-нибудь успокоиться и замедлиться. Наверное, он прав, годы и правда проходят быстро.

«Но чертовски приятно», — думаю я, бросив взгляд на восхитительную Дейзи. Поймав себя за тем, что улыбаюсь, прикрываю рот рукой. Зачем мне успокаиваться, когда вокруг столько веселья?

К тому же работа занимает много времени.

Мое целью всегда был успех. На работе и у женщин. А сейчас у одной конкретной женщины. Интересно, может не стоит предлагать ей сегодня выпить и перейти сразу к делу? Знаю, это по-варварски, но я жду уже два дня. Хочу видеть ее в кровати и раздетой.

Последние туристы наконец направляются к лифту, а Дейзи следует за ними попятам. Как будто меня тут и нет. Думает, будто ей удастся ускользнуть, не сказав мне ни слова? Наивная.

— Мисс Хэйден, — я придерживаю ее за руку. Она вздыхает и смотрит на меня. — Мне кажется, у нас есть кое-какие планы, — напоминаю я ей.

— Я передумала, — слегка высокомерно пожимает плечами Дейзи.

Передумала? Черта с два. Она ведь это не серьезно. Я смотрю ей в глаза, пытаюсь оценить ситуацию и понять, шутка ли это, но нет. Ну почему женщины такие сложные? Всего пару минут назад я пел им дифирамбы, а теперь это? Стервы — вот кто они. Каждая из них раздражается по какому-нибудь поводу. А мужчина обязан быть ясновидящим, чтобы расшифровать, что происходит у них в голове большую часть времени.

Я пристально смотрю на Дейзи и думаю, что, быть может, стоит плюнуть на нее и найти себе другую женщину на ночь. Но, черт возьми, как же она меня интригует.

— Почему? — наконец, спрашиваю я.

— Ты клиент, — ее взгляд падает на мою грудь, и, слегка покраснев, она сглатывает. — Это неприлично.

— Неприлично? — я не могу сдержаться и смеюсь. — Ты что, живешь в Лондоне в

эпоху регентства?

— Если ты не в курсе, слово «приличный» до сих пор в ходу, — язвительно отвечает она. Язвительно! Я не привык к подобному отношению со стороны женщин. Дейзи даже не пытается впечатлить меня и, как ни странно, мне это кажется милым.

— Конечно, когда просят подать приличный чай. Никто не употребляет это слово в отношении любовной связи.

— Как и слово «связь».

— Мне кажется, что ты не права. Предлагаю продолжить этот разговор в моем номере, — я киваю в сторону лифта, надеясь, что на этом мы закончили с болтовней.

— Нет, Дженнингс. Я серьезно, — она топает ногой, и я едва удерживаюсь, чтобы не поцеловать ее прямо в холле.

— Ты же говорила, что готова? — спрашиваю я. — Мне нравятся такие. Хотя не отрицаю, что это маленькое представление было забавным.

— Все это было до того.

— А если точнее?

— До того, как я поняла, насколько это сложно, — не глядя на меня, бурчит она. Кажется, я чего-то не понимаю

— А что сложного-то? — я провожу кончиком пальца по обнаженной коже от локтя до запястья, и у нее перехватывает дыхание. — Ты же заявляла, что мой акцент возбуждает тебя?

— И это правда, — для девушки, которая способна на множественные оргазмы и чьи соски твердеют от простого прикосновения к руке, она говорит слишком чопорно.

Плевать на ее правила.

— К тому же ты был моей случайной связью. Если я пересплю с тобой снова, то формально она перестанет быть таковой.

Что-что?

— Формально перестанет быть таковой, — повторяю за ней я.

— Вот именно. Она была идеальной, — вздохнув, произносит Дейзи, а я улыбаюсь, потому что так оно и было. — Просто замечательной, — продолжает она. — И если мы повторим ее... вдруг моя следующая случайная связь окажется никакой? Тогда мне придется повторять и повторять, до тех пор пока не случится еще одна восхитительная...

— Понятно, помолчи, — я поднимаю руку. Надеюсь, этого окажется достаточно, чтобы она замолчала. Даже и не знаю, с чего начать. Наверное, с очевидного. — Тебе понравилась та ночь?

— Ну да, — Дейзи смотрит на меня как на идиота.

— Настолько, что ты не хочешь повторения?

— Это сложно, Дженнингс. Этот тур... просто все сложно.

— А вдруг следующий раз будет еще лучше? — интересуюсь я, пропуская вздор по поводу тура мимо ушей.

— Это невозможно, — качает она головой.

— А если секс окажется таким же, как и предыдущий раз? — стиснув зубы, продолжаю я. — Что, если мы могли бы заниматься таким же восхитительным сексом каждую ночь в течение всей следующей недели?

— Не думаю, что такое возможно, — с сожалением отвечает Дейзи, бросая взгляд на мои губы.

— Достаточно. Я еще с тобой не закончил, — твердо говорю я. Может, даже немного тверже, чем хотелось бы. Но в ее взгляде появляется интерес.

— Не закончил со мной? — облизав нижнюю губу, переспрашивает она. Нет, я точно не закончил с ней.

— Нет, Дейзи. Я хочу тебя, — она с удивлением смотрит на меня. — Хочу еще раз вкусить твою сладость. Хочу посасывать твои великолепные соски, пока ты не начнешь умолять меня войти в тебя, — в ее глазах вспыхивает желание, а дыхание учащается. Она хочет это. — Хочу довести тебя до стольких оргазмов, что ты просто не сможешь больше пошевелить ни рукой, ни ногой. Хочу, чтобы ты скакала на мне до изнеможения, а потом я переверну тебя на спину и еще раз вылижу. И буду делать это, пока ты не пресытишься сверх меры. Так что нет, Дейзи, я еще не закончил с тобой.

— Не называй меня так, — вырывается у нее.

— Не называть тебя по имени? — это что-то новенькое. У нее округляются глаза. Я всякий бред слышал от женщин, но это...

— Просто мне нравится, когда ты называешь меня «милой», — она покраснела и говорит быстрее обычного. — Это так по-британски, а я немного англофил. Ну, теперь ты знаешь мой секрет! — добавляет Дейзи и странно подмигивает. — Пошли к тебе в номер. Только называй меня «милой», хорошо? — не дожидаясь меня, она направляется к лифту.

Бред это или не бред, но я следую за ней.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вайолет

Фух, чуть было не оплошала.

Не называй меня Дейзи.

Ну не дура ли я? Нет, не готова я к подобному обману. Я сдуваю со лба прядь волос и с силой вдавливаю кнопку вызова лифта, продолжая ругать себя за глупость.

Я и правда хочу еще раз переспать с Дженнингсом — конечно же, хочу. Я ведь не слабоумная, чтобы не желать этого. Весь день мечтала о новой встрече, снова и снова перебирая в уме детали нашего первого раза. Запах его кожи и то, как она покрывалась мурашками, когда я проводила по ней пальцами. Его чудесный рот и волшебные пальцы. То, как он наклонял голову, когда вбивался в меня, и выражение его глаз, когда кончил.

Так что да, я хочу.

Но вот только когда время подошло к ужину, меня начали одолевать сомнения. А вот вдруг он назовет меня Дейзи во время секса? Думаю, после такого моя психика никогда не станет прежней. Точно нет. Хотя он мог бы называть меня Роуз — а что, вполне... и даже немного порочно. Но именем сестры? Нет. Твердое, огромное-преогромное нет. В итоге я решила держаться от него подальше — лучше так, чем сожалеть потом и все такое.

Вот только он подждал меня в холле. Делал вид, будто изучает рекламные проспекты. Ну а я притворялась, что не замечаю его. А потом он был таким убедительным и обходительным, и говорил все эти слова... ну, обычные слова. Ему нужно запретить говорить. Совсем. Если бы Дженнингс просто что-то проворчал и вручил мне ключ от номера, я бы смогла сопротивляться. Наверное.

Но нет же, он говорил с этим своим британским акцентом, а я ведь не каменная. И пообещал вкусить мою сладость. В холле отеля. Это было непристойно, неуместно и

чертовски сексуально. А потом еще и «соски», «умолять» и «многочисленные оргазмы». Ну и что мне было делать?

В общем, я заявила, что не нужно называть меня Дейзи, и это едва не стоило моей сестре работы после всего лишь одного дня в туре. Нет, операции под прикрытием точно не для меня. Я такая жалкая. В двадцать шесть лет стоило бы быть более изощренной в хитростях и обмане.

Стоит ли ему все рассказать? Прикусив губу, я оглядываюсь на него. Он пялится на мой зад. Я снова перевожу взгляд на кнопку вызова. Где, черт возьми, носит этот лифт? В здании всего три этажа, сколько можно возвращаться на первый? Ну почему мы не пошли по лестнице? Нет, я не могу ему рассказать. Решено. Ну а что бы я заявила?

Послушай, дело в том, что я на самом деле никакая не Дейзи. Меня зовут Вайолет. Я сестра-близнец Дейзи. У нее наметились кое-какие делишки на этой неделе, поэтому я ее подменяю.

Вряд ли это закончится хорошо. И не в тюрьме.

В чем дело, Дженнингс? Нет-нет, я не мошенница. Формально. Я просто пыталась заработать деньги, занимаясь тем, в чем совершенно некомпетентная.

Это не мошенничество.

Ага.

Блин, ну почему я не подумала об этом раньше? Мне нельзя позволить себе иметь приводы в полицию, иначе я никогда не получу новую работу. То, чем мы тут занимаемся, явно незаконно. Я попала.

В лифте ощущается какая-то унылость. По крайней мере, для меня. Дженнингс, наверное, все еще думает о моей заднице. Он молчит... я тоже.

Когда мы подходим к его номеру, он останавливается и ждет, когда мы встретимся взглядами.

— Ты ведь не замужем, Дейзи? — спрашивает Дженнингс, но тут же закатывает глаза и исправляется. — Милая? Ты ведь не замужем, милая?

— Нет, — мотаю я головой. — Никто не предлагал.

На его губах появляется намек на улыбку. Покачав головой, он открывает замок и распахивает дверь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это был невероятно честный ответ.

— Да я вообще обычно честный человек, — вырывается у меня, и я сразу понимаю, как это прозвучало.

— Значит, обычно ты честный человек, — он с интересом смотрит на меня и бросает ключ-карту на комод. Она скользит и останавливается, ударившись о настольную лампу.

— Я не замужем, Дженнингс. И не помолвлена. Просто меня возбуждает, когда ты называешь меня милой. У меня фетиш ко всему британскому, вот и все, — какая же я врушка. Хотя большая часть сказанного правда. Мне действительно нравится, когда он называет меня милой. Нет, Вайолет, конечно, лучше, но приходится довольствоваться тем, что есть.

— Значит, ты согласилась бы на предложение любого идиота, который просто попросил об этом? — Он снова о своем.

— По-твоему, я встречаюсь только с идиотами? — вот же грубиян. Это, конечно, правда, но все равно грубо. Он иронично вздергивает бровь. Я несколько секунд недовольно

смотрю на него, а потом говорю: — Я просто отвечала на твой вопрос, Дженнингс. Ты спросил, замужем ли я, а я ответила, что руку и сердце мне еще никто не предлагал.

— Что ж, рад этому, милая.

— Мне что, поблагодарить тебя за это? Может, для тебя, плейбоя, брак всего лишь шутка, но для некоторых он представляет нечто очень серьезное.

— А я не говорю, что это ничего для меня не значит, — хмурится Дженнингс. — Просто я рад, что ты сейчас со мной и не связана отношениями ни с кем другим, — мужчина сокращает расстояние между нами и, отведя мои волосы назад, проводит губами по шее. — Очень рад, — бормочет мне в ухо он.

— Я тоже, — едва я успеваю это сказать, как он накрывает мои губы своими. Я тут же забываю, о чем мы разговаривали. Черт побери этого парня и его чудесный рот. Тело мгновенно расслабляется, и я таю. Пальцы пробираются под его рубашку, к груди. Все-таки переспать с ним еще раз — хорошая идея.

— А теперь, — он разрывает поцелуй и стучит кончиком пальца по моей нижней губе, — я хочу почувствовать этот ротик на своем члене, милая.

Я слишком опьянела от его поцелуя, поэтому мне потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить его слова. Облизнув губы, я отбрасываю волосы за плечи и интересуюсь:

— Ты только что приказал мне отсосать тебе? — проклятье, и почему это так возбуждает? Мне хочется из принципа недовольно смотреть на него и в тоже время умолять произнести эти слова еще раз. Начинаю склоняться ко второму.

— Приказал, — нагло отвечает он.

Я опускаю взгляд на его футболку — по виду какой-то винтаж с концерта незнакомой мне группы. Но то, как она обтягивает его широкую грудь, отвлекало меня сегодня целый день. Потянув за низ, я помогаю снять ее через голову, а потом кладу ладони на грудь и прижимаюсь к ней.

— Скажи еще раз, — шепчу я. Да, мне нравится это слышать.

Дженнингс ухмыляется, стягивает с меня блузку и какое-то время ласкает грудь поверх бюстгалтера.

— На колени, милая. Я хочу почувствовать твой горячий влажный рот на моем члене. Хочу увидеть, насколько глубоко ты его возьмешь. А потом я схвачу тебя за волосы и заставлю принять его еще немного глубже и сосать чуть-чуть усерднее.

Дженнингс продолжает что-то говорить, а я уже опускаюсь на колени, расстегиваю ремень и спускаю джинсы до колен, продолжая смотреть на него из-под опущенных ресниц. После чего наклоняюсь и целую плоский живот, одновременно стягивая боксеры и обхватывая член рукой. Увидев, что скрывается под ними, я понимаю, что растеряла в этой игре все свое преимущество.

— Ой! — вырывается у меня. Я убираю руку и сажусь на пятки. — И что мне с этим делать?

— Что делать? — он смотрит на меня так, будто я только что объявила себя девственницей.

— Раньше мне доводилось видеть только нормальный член, — пожав плечами, отвечаю я. Не могу поверить, что это ускользнуло от моего внимания в первый раз. В свое оправдание могу сказать лишь то, что мне некогда было присматриваться.

— Нормальный член? — переспрашивает он с этим шикарным британским акцентом и, выгнув бровь, ухмыляется.

— Ну, знаешь, исправленный. То есть обрезанный! — мне наконец удается подобрать подходящее слово. Мой взгляд мечется между ним и его пенисом.

— Ох уж эти американки, — Дженнингс смеется и, обхватив ладонью член, проводит ею по всей длине и обратно. Не знаю, стоит ли порадоваться, что я не первая девушка, которая удивлена, или разозлиться, поскольку с ним это случилось и, кажись, не раз.

— Уверяю тебя, он работает точно также, — отвечает мужчина, продолжая ласкать себя. Его член твердеет.

Ладно, хотя я в этом сомневаюсь. Меня охватывает странное чувство гордости за то, что я смогу добавить в свою сексуальную копилку подобный опыт. Я обхватываю ладонью его член. Могу поспорить, Дейзи никогда не видела необрезанные пенисы. Иначе она точно рассказала бы мне об этом со всеми подробностями, включая смешное прозвище для парня. Так что этот раунд за мной.

«Сокрушительная победа!» — думаю я, пытаюсь не рассмеяться. Раньше мы постоянно так говорили, когда одна из нас выигрывала. В этот раз победу явно одержала я и чертовски этим довольна. Неожиданно Дженнингс интересуется, почему я хихикаю.

— Просто я горжусь собой, — отвечаю я, держа в руке член.

— Потому что собираешься отсосать мне?

— Грубо, конечно, но... типа того.

— И как глубоко ты можешь его взять? Раз так гордишься собой?

— Эй! — я поднимаю вторую руку, останавливая его. — Не слишком воодушевляйся. Я тебе не мисс Глубокая Глотка. Но тоже ничего. Подожди, мне нужно приготовиться, — я снимаю с запястья резинку, которую ношу на всякий случай, и собираю волосы в хвост.

— Ты сейчас серьезно?

— А что? Они мешают. А я хочу сделать тебе отменный минет, — добавляю я и вновь обхватываю его член рукой.

— Переживаешь, что я не вмещусь тебе в рот?

— О, давай, попробуй вместиться ко мне в рот, — мурлычу я. — Это вроде ваших грязных британских разговорчиков?

— Не совсем, — он качает головой и восхищенно улыбается.

— Я всегда хорошо делаю свою работу, Дженнингс. Всегда, — я смотрю на него из-под опущенных ресниц, медленно двигая рукой по всей длине ствола. Его пенис настолько большой и тяжелый, что мне не терпится обхватить его губами. — Может, мне стоит узнать что-то еще о твоём особенном члене? — интересуюсь я и также медленно провожу языком по стволу снизу-вверх.

— Фак, — со свистом шипит он и хватает меня за хвост, намереваясь направлять мои движения по своему вкусу. — Нет, ты все делаешь правильно.

Я обхватываю член губами и провожу языком по головке, не прекращая движения рукой. Его стон подсказывает мне, что я иду в верном направлении. Склонив голову, мысленно стучу себя по спине, потому что отвлекаюсь и мечтаю об удовольствии, которое мог бы доставить мне его чудесный рот, и начинаю думать только о том, как порадовать этого мужчину. Дженнингс тянет меня за волосы и наклоняет мою голову немного вбок, чтобы лучше видеть, как я сосу. Меня возбуждает страсть в его взгляде. Хочется прикоснуться и к себе, но сейчас я более заинтересована в том, чтобы дотрагиваться до него. К тому же пусть лучше мистер Рот сам позаботится обо мне позднее. Я точно знаю, что он это сделает. Много-много раз. Как и обещал в холле.

Дженнингс

Не бывает плохих минетов. Во всяком случае, у меня никогда не было. Разумеется, какие-то запомнились мне больше, какие-то меньше, но женщина, желающая доставить удовольствие, не может облажаться. А эта девушка полна энтузиазма. И, скорее всего, предпочитает пить через соломинку. Господи боже.

Она сжимает рукой член, умело вращая запястьем, и, глядя мне в глаза, со чпокающим звуком вытаскивает его изо рта и проводит языком по всей длине, от основания до самого кончика. Я чувствую себя подростком, который переживает, что кончит слишком быстро.

В Дейзи удивительным образом сочетается наивность и страстность. Сначала она с напускной бравадой предлагает мне переспать в первый же вечер, а потом с большим усердием скачет на мне с распущенными по плечам волосами и горящими от страсти глазами. Сидит на пятках и удивляется, что ей делать с моим членом, а потом собирает волосы в хвост, как если бы отправлялась на пробежку, и приступает к делу с рвением профи.

Как она хмуро смотрела на меня днем, а теперь смеется, даже не пытаюсь выглядеть сексуальной. Но она сексуальная. Возможно, самая сексуальная женщина, с которой я имел удовольствие быть. Ее осторожность и храбрость опьяняют.

Как и этот рот. Одурманивающе мягкий. Соблазнительно теплый. Блаженно влажный. Легким нажатием руки, в которой зажат хвост, подталкиваю ее вперед. Она давится, но продолжает сосать. Как я уже сказал, энтузиазм — это наше все. Неожиданно Дейзи крепче стискивает основание члена и еще глубже заглатывает его.

У меня сжимаются яйца, и я отстраняю ее голову назад, потому что собираюсь кончить. Наверное, стоит предупредить об этом.

— Я хочу, — произносит Дейзи, облизывая головку и поглаживая большим пальцем основание члена. — Дай мне это, Дженнингс, — заглядывая мне в глаза, молит она.

Мать божья, ну просто охренеть!

Я обхватываю ее лицо рукой и провожу членом по бархатистой поверхности языка. Она всасывает его, и я с рычанием изливаюсь в ее. Дейзи зажмуривается и сглатывает, а потом вытирает рот тыльной стороной ладони.

Как же это сексуально выглядит. Она еле заметно поморщилась, когда сглатывала. Мать твою, как же горячо. Она выглядит так невинно... Будто я ее развращаю.

— Хорошо, правда? — она самодовольно кивает, и я смеюсь.

— Лучше, чем просто хорошо, милая, — я помогаю ей встать и, пробежавшись кончиками пальцев по лопаткам, спускаю бретельки бюстгалтера. — Ты была великолепна.

— Великолепна! — повторяет она с фальшивым британским акцентом и широко улыбается. — Меня еще никогда не называли великолепной.

Мысль о том, что она делала это с кем-то другим, задевает меня больше, чем хотелось бы. Я снимаю с нее бюстгалтер и бросаю его на комод, чтобы она не хмурилась, если он оказался бы на полу. Прodelав то же самое с юбкой, толкаю ее на кровать, чтобы было легче стащить трусики. Отправив их к остальной одежде на комод, заползаю на кровать и раздвигаю коленом ее бедра. Убедить ее переспать со мной еще раз было хорошей идеей, и эта ночь будет еще лучше предыдущей.

Она вздыхает и раздвигает ноги шире. Я засасываю губами совершенную грудь, а вторую обхватываю ладонью и потираю большим пальцем сосок, восторгаясь каждым сантиметром ее великолепного тела. Когда я щипаю его, она стонет и выгибается мне навстречу. Этот звук — музыка для моих ушей. В будущем, занимаясь мастурбацией, я точно буду вспоминать, как красиво ее темные волосы смотрелись на подушках. Мне нравится, как ее грудь лежит в моих руках, и тепло кожи, когда я прикусываю ее губами. Дейзи пахнет солнечным днем: смесью кокоса, цитрусовых и блаженства.

— Ты собираешься сделать эту штуку снова? — она зарывается пальцами в мои волосы и массирует кожу головы. Как же приятно.

— Штуку? — я ласкаю грудь языком и опускаю руку на изгиб бедра. Нужно будет взять ее сзади. Она будет стоять на коленях, а я, обхватив ее за бедра, насаживать на член...

— Ну, языком, — произносит она, вырывая меня из фантазий.

— А что, по-твоему, я делаю сейчас? — интересуюсь, прикусывая зубами кожу.

— Другую штуку, — Дейзи снова выгибается и тянет меня за волосы.

— Эту штуку? — я опускаю руку ниже и двумя пальцами раздвигаю ее складочки. Она сочится влагой. Я ухмыляюсь.

— Да, — выдыхает она. — Эту штуку.

— Тебе понравилось, милая? — я чуть было не назвал ее Дейзи. Почему, черт возьми, она не хочет, чтобы я называл ее по имени? Какой женщине не понравится услышать свое имя во время секса? Мне, конечно, должно быть, наплевать, но почему-то это не так.

Ладно, подумаю об этом позже. Сейчас же буду называть так, как ей хочется. Главное, чтобы оставалась в постели с моим членом внутри и выкрикивала мое имя своим сладким ртом. Мне нравится, когда она кончает и томным, напряженным и полным удовольствия голосом выкрикивает *мое* имя. Ее «Не останавливайся» и «Вот здесь», произнесенные с американским акцентом, не сильно отличаются от того, к чему я привык, но из ее уст эти простые слова звучат невероятно сексуально.

— Да, — кивает она, разметав волосы по подушке. — Мне понравилось. Ты должен сделать это снова. Наверяд ли у тебя получится столь же хорошо, но попробовать стоит.

— Что ж, — я качаю головой и целую ее грудь. — Думаешь, в первый раз мне просто повезло?

— Не исключено. Не хочу напрасно надеяться.

— Тогда за дело, — я спускаюсь ниже, по пути целую ее в пупок. — Постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Угу, — бормочет она, когда я раздвигаю ее ноги и прижимаюсь губами к клитору. Я только рад доставить удовольствие этой женщине. Проклятье, да только при мысли об этом мне весь день приходилось сдерживать стояк.

Девушка извивается под моим ртом, потягивая меня за волосы. Сейчас моя единственная цель —изучить каждое из ее судорожных движений и вздохов, чтобы понять, как заставить ее стонать и выгибаться сильнее. Я изучаю ее вкус и запах. Ее прикосновения. И то, как сжимаются ее мышцы, когда она так близка к оргазму.

Можно было бы написать целую энциклопедию о том, как заставить ее кричать громче. Но в запасе у меня только одна неделя. За это время можно насобирать информацию, которая поместится всего лишь в блокнот.

Оказывается, Дейзи боится щекотки. Я обнаружил это, когда закинул ее ногу к себе на плечо и стал осыпать поцелуями внутреннюю поверхность бедра.

Сегодня на вкус она даже лучше, чем две ночи назад.

Когда мой палец, покрытый ее скользким возбуждением, подбирается к тугому кольцу мышц чуть ниже, Дейзи дергается. Судя по всему, она не привыкла к подобным играм. Но все-таки позволяет мне проникнуть пальцем внутрь и довольно эффектно кончает.

Я начинаю беспокоиться, что мне не хватит недели. Может, стоит почаще договариваться о деловых встречах в Штатах в этом году? Но нужно ли мне это? И согласится ли она? Я даже не знаю, где она живет. Не бегу ли я впереди паровоза? Она что-то скрывает от меня, а я не люблю вранье. Но проблема в том, что меня мучает любопытство: если я узнаю, что скрывает Дейзи, разрушатся ли чары, которыми она меня окутала?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вайолет

Я еще раз пересчитываю всех по головам, после чего даю Джорджу команду отправляться в путь. Чемоданы пересчитаны дважды и загружены в багажный отсек под автобусом, и мне удалось не потерять ни одного туриста. Быть экскурсоводом проще простого. Раз плюнуть. Если не считать того чувства, что тебе кажется, будто в любой момент кто-то крикнет: «Ты не Дейзи!»

Я с облегчением опускаюсь на свое место и проверяю блокнот. Сегодня мы проведем в автобусе два часа. Нам нужно доехать из Вашингтона (округ Колумбия), в Вильямсбург (Вирджиния), где проведем две ночи. По пути остановимся в Маунт-Верноне, родине первого американского президента Джорджа Вашингтона, и отправимся на экскурсию по его поместью. После чего заглянем в некий музей революции, который расположен черт-те где. Блин, где моя шаргалка?

Подсмотреть в нее будет сложновато, поскольку рядом со мной только что устроился Дженнингс.

— Мне казалось, мы выяснили, что тебе нельзя здесь сидеть, — напоминаю я, не отрывая глаз от блокнота.

— Мы выяснили, что, поскольку я турист, то могу сидеть там, где нравится.

— Во-первых, это неправда. Вы должны постоянно меняться местами, чтобы все получили возможность насладиться живописными видами с первого ряда.

— Но я ведь сейчас не занимаю чье-то место. Оно было пустое.

— Я работаю, — напоминаю я ему.

— Вижу. Молодчина.

Я поворачиваюсь и бросаю на него негодующий взгляд. Мне нужно, чтобы он ушел, тогда я смогу сосредоточиться на работе. Я чувствую его присутствие, из-за чего мое глупое сердце бьется быстрее. Впрочем, как и всегда, когда он рядом. Ему следует уйти.

— А как же твоя бабуля, Дженнингс? Разве ты не должен сидеть с ней?

Дженнингс подмигивает и кивает головой в ее сторону.

— Она сдружилась с тремя канадскими дамами, и им легче общаться, когда они сидят вместе. Ну а я третий лишний.

— Как удобно для тебя, — покачав головой, вздыхаю я.

— Ты тоже так считаешь? — он протягивает мне конфету. — Я должен угостить тебя этим. Канадский кленовый леденец.

А что ж еще.

— Снова проверяешь свои заметки? — интересуется Дженнингс, заглядывая в мой блокнот.

Я забираю у него леденец, снимаю обертку и забрасываю его в рот. Съем его, чтобы выиграть для себя минуту времени. Хм, а на вкус довольно ничего.

Этот мужчина — отвлечение. Приятное отвлечение, но я не могу рисковать. Если Дейзи уволят, ей не заплатят за тур. А значит, я не получу заработанные деньги. У меня почти не осталось сбережений. Я не могу вечно жить у сестры. И мне нельзя в тюрьму. Интересно, если ты выдаешь себя за другого человека с его согласия, отправляют ли за это в тюрьму? Для меня это слишком сложно. А с судимостью я никогда не получу новую работу.

— Так как мне называть тебя днем? — спрашивает Дженнингс, прерывая мои мысли. — Милая? Или это слово мы прибережем для интимной обстановки?

Проклятье, а я и забыла об этом.

— Можешь звать меня Дейзи, — быстро отвечаю я. — Фишка с «милой» просто сексуальный фетиш.

— А я-то думал, что это был англофильский фетиш, — парень становится занозой в заднице. Эта мысль напоминает мне о прошлой ночи. Судя по его шаловливому пальцу, у Дженнингса фетиш по задницам. Понятия *не* имела, что палец *там* может доставить такое удовольствие. Никакого понятия. Совершенно. И совсем не прочь повторить это снова.

— Вот и я о том же, — говорю я с дурацким британским акцентом. Святые угодники, остановите меня, кто-нибудь. — Это мой сексуальный англофильский фетиш, — добавляю уже нормальным голосом и киваю. Звучит безумно. Поверить не могу, что этот парень хочет заняться со мной сексом. Возможно, что после такого и не захочет. И тогда хотя бы одна из моих проблем решится. Однако мне очень нравится с ним заниматься сексом.

Ну почему в моей жизни все так сложно?

Все мои подруги по университету уже давно повыходили замуж и ожидают первого ребенка, если не второго. Я же меняюсь с сестрой местами, связываюсь с незнакомцем, обманываю его и прошу не называть меня именем сестры во время секса. Потому что Дженнингс считает, что я — это она. Вроде как. Нет, формально он думает, что я — это я, и ему просто не понятны мои выкрутасы с именем. Правильно? Нет, это тоже неправильно. Он принимает меня за экскурсовода, которым я точно не являюсь.

У меня проблемы.

— Мне нравятся картофельные чипсы со вкусом барбекю, — вырывается у меня. Дейзи ненавидит их, что просто замечательно для моего стратегического запаса. Нет, ну а какому безработному захочется делиться едой? Вот я и рассказала ему кое-что о себе. О Вайолет, не о Дейзи. Блин. Я хлопаю себя по лбу. Картофельные чипсы со вкусом барбекю? Серьезно? После такого он точно не захочет видеть меня обнаженной.

— Ты в порядке? — Дженнингс хмурится и в замешательстве смотрит на меня. Нужно признать, у него красивые ресницы. Очень густые и темные.

— Да, — киваю я и смотрю в окно. — Просто устала.

— Могу себе представить, — судя по голосу, сейчас он точно улыбается. Но я все равно поворачиваюсь, что просто посмотреть на него. Мне нравится лицо Дженнингса. Он привлекательный и уверенный в себе. У него идеальная челюсть и полные губы. Мне нравится рассматривать крошечные морщинки, которые многое рассказывают о его характере. Неожиданно из его кармана раздается телефонный звонок. Я опускаю взгляд на

промежность. Оказывается, у него стояк. Проклятье, снова мысли о сексе.

Дженнингс вытаскивает телефон и, посмотрев на экран, отклоняет звонок.

— Сколько еще до первой остановки? — спрашивает он и начинает что-то печатать. Это была женщина? Готова поспорить, она даже простые картофельные чипсы не ест. Да вообще ничего, кроме курицы на гриле и капусты. Интересно, в Лондоне есть капуста? Хотя, чего это я. Конечно же, у них есть капуста. Лондон не на другой планете находится. Они, наверное, едят ее с рыбой и картофелем фри.

— Откуда мне знать? — бормочу я.

— Потому что ты экскурсовод, Дейзи, — глядя на меня, медленно произносит Дженнингс. — Уверена, что в порядке?

— Да, уверена! — я вытираю ладони об юбку и пытаюсь вспомнить содержимое шпаргалки. — Мы должны быть там примерно через двадцать минут, — объявляю я. Вроде правильно. Первая остановка через двадцать минут с момента выезда, а следующая — через два часа. Ну кто может запоминать такое? Пожалуй, только настоящий экскурсовод.

А вдруг это одна из тех женщин, которые едят все и не толстеют. Я могу есть что захочу и не поправляться... два раза в год.

— Двадцать минут тебя устроят? — спрашиваю я.

— Устроят? Думаю, да, — продолжая печатать, отвечает он.

«Думаю, да», — бурчу я себе под нос. Неожиданно мой телефон, лежащий на откидном столике, начинает звонить. На экране вспыхивает имя «Дейзи». Ощущение такое, будто буквы размером со слона. Я быстро хватаю мобильник и переправляю звонок на голосовую почту. Почему мне не пришло в голову изменить ее имя в телефоне? Интересно, обратил ли внимание Дженнингс на имя абонента?

Не-а, продолжает печатать. Я с облегчением вздыхаю и открываю список контактов, чтобы переименовать Дейзи. Может, на Вайолет? Так я еще больше запутаюсь и буду думать, что звоню самой себе. Тьфу, ну и кавардак. Это точно закончится плохо. Если нет, то, клянусь, больше никогда не позволю своей близняшке уговорить себя на авантюру. Независимо от наличия работы и ее дара убеждения. Я стираю «Дейзи» и ввожу на экране «Сестра», после чего нажимаю «Готово» и закрываю список контактов.

Неожиданно мой телефон звонит во второй раз. Я сразу узнаю номер. Это мой агент по трудоустройству. Да! Блин, я не могу ей ответить. В автобусе негде уединиться. Проклятье. Я тоскливо смотрю на экран и переправляю вызов на голосовую почту. Надеюсь, у нее для меня хорошие новости.

Она ведь не передумает только потому, что я не смогла ответить на звонок? Перезвоню ей в течение часа, сразу же, как только мы доберемся до Маунт-Вернона. У нас запланирована экскурсия по поместью Джорджа Вашингтона. Как только она начнется, я отстану от группы и ей перезвоню. Или вообще не пойду с ними. В тот единственный раз, когда я увязалась с Дейзи, она дала туристом свободное время перед отъездом, чтобы пофотографироваться, посетить сувенирную лавку и прочую чушь. Так что я просто сдам группу в руки экскурсовода и укажу место встречи. Таким образом, у меня появится пара свободных часов, чтобы ответить на звонки и проверить почту. Идеально.

— Ты кого-то избегаешь, милая?

Дженнингс наконец решил обратить на меня внимание и теперь наблюдает за тем, как я нервно стучу пальцами по телефону.

— Нет, — невозмутимо отвечаю я. — А ты?

— Тоже нет, — смеется он.

— Ладно, — отвечаю я и со стоном откидываю голову на подголовник.

— Все в порядке?

— Просто у меня в жизни сейчас много чего происходит, — пожимаю плечами я.

— Расскажи мне, — кажется, ему действительно интересно. Жаль, что я познакомилась с ним не как Вайолет.

— Тебе когда-нибудь хотелось начать все сначала? — спрашиваю я.

— А ты не слишком молода, чтобы думать о подобном? — нахмурившись, интересуется он.

— Мне почти тридцать.

— Тебе двадцать шесть, Дейзи, это всего ничего.

— Мне уже перевалило за двадцать пять, — ворчу я и потираю лоб пальцами. — Когда тебе еще нет двадцати пяти, а жизнь катится под откос, можно просто пожать плечами и сказать: «Ну, мне же всего двадцать три». Но как только тебе минует двадцать пять... — меня передергивает, — в этом возрасте жизнь должна быть стабильной. Ты должен знать, кто ты, — я эффектно вскидываю руки и тут же вспоминаю, что ему под сорок, и он отдыхает за счет бабушки. Как неловко. — Извини. Просто мне кажется, что мое время вот-вот выйдет.

— Дейзи, тебе двадцать шесть, это не конец.

— Наверное, — его улыбка настолько заразительная, что я тоже начинаю улыбаться.

— Так чего же ты так спешишь добиться?

Стоит ли рассказывать об этом? Кажется, у него возник неподдельный интерес. Ладно, была не была. Все равно в конце недели мы расстанемся, и этого парня я больше никогда не увижу.

— Буду откровенна с тобой, Дженнингс...

— Да, пожалуйста, — соглашается он, и на его губах появляется намек на ухмылку.

Я должна быть честной, так как вру ему практически про все остальное.

— О, кстати, я люблю морковный пирог, — машинально произношу я. Дейзи терпеть его не может и говорит, что морковь должна употребляться только с салатной заправкой.

— Морковный пирог. Запомнил. Спасибо, что поделилась этим фактом. Наверное, для тебя это довольно щепетильная тема.

— Молчи. Это так, лирическое отступление, — говорю я, взмахнув рукой. — А теперь я перехожу к главному.

— Будь добра. Я в предвкушении.

— Я хочу иметь карьеру и семью, но боюсь, что когда мне стукнет сорок, ничего из этого у меня не будет. Без обид.

— Хорошо, — кивает он с той же ухмылкой на лице. — Никаких обид.

— Ты мужчина, поэтому в твоём распоряжении больше времени. Уверена, у тебя все это будет. Если захочешь.

— Смотрю, комплименты из тебя прям так и сыплются.

— Я просто хочу сказать, что у каждого свой жизненный путь, понимаешь? Быть беззаботным и ничем не обремененным — это нормально. Моя сестра такая. А я нет.

— Не сомневаюсь, — соглашается он. — Так ты считаешь, что у тебя заканчивается время? Что твои биологические часы тикают?

— Хах! — смеюсь я. — Нет, пока нет. Сначала я хочу сделать карьеру. Знаю, мои

биологические часы пока не тикают, но однажды это случится. Так уж получилось, что я впустую потратила последние два года и сейчас начинаю все заново. Это, конечно, хорошо, но у меня такое чувство, будто линию старта кто-то перенес назад.

— Понятно, — задумчиво произносит Дженнингс.

Надеюсь, я только что не лишила себя секса на оставшуюся часть недели. Если что, я не нарочно.

— Лично я не желал бы начинать все сначала, — он опускает руку на мой подголовник и, наклонившись, добавляет: — Мне и так хорошо. Сейчас я нахожусь точно на своем месте. Как и ты.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дженнингс

Сейчас я нахожусь точно на своем месте. Если б я уже остепенился, то не узнал бы, какие звуки издает Дейзи, когда кончает. Каково это — чувствовать ее на своем члене. И какая она на вкус. Не узнать всего этого было бы большим разочарованием.

Сожалею ли я о том, что не женился и не завел детей, когда мне было двадцать? Черт, нет. На это у меня еще есть время. Вдруг я бы много работал, и на семью у меня просто не осталось времени? Я никогда не задавался подобным вопросом, пока в моей жизни не появилась эта женщина. Женщина, считающая меня беззаботным плейбоем, который занимается не пойми чем.

Нет, в чем-то я с ней согласен: у меня никогда не было проблем найти женщину для приятного времяпровождения. Но что касается карьеры... тут все устойчиво и достаточно солидно. Под моим началом работает десять тысяч человек, так что я далеко не беззаботный. Скорее трудоголик. Неисправимый.

Я родился, когда отец только закончил учиться на юриста. На мой взгляд, это было слишком рано. К тому моменту, как он получил квалификацию адвоката, я уже бегал в коротких штанишках. Сколько себя помню, на его столе всегда стояла фотография, на которой он держит в одной руке меня, а в другой — лицензию. Я частенько смотрел на нее и думал, как же это, наверное, сложно и изматывающе — воспитывать ребенка в такой период в жизни.

Кажется, мама была со мной согласна, потому что не вынесла этого. Она сбежала еще до того, как я успел вылезти из памперсов.

— Она была слишком молода, чтобы остепениться, — говорил, бывало, мой отец, когда я спрашивал его об этом. А ничего, что они ровесники? — Ей нужно время, чтобы найти себя.

Как оказалось, нашла она себя в Шотландии. Вышла замуж за шотландца и родила мне двух сводных сестер, которые младше меня лет на двадцать. По всей видимости, к тому времени она уже остепенилась.

Нам с отцом совсем неплохо жилось и одним. Но потом он познакомился с Элоизой, и она стала моей мамой. Я смутно помню свою жизнь до нее. Именно эта женщина присутствует на всех моих детских фотографиях, с широкой улыбкой позируя перед различными туристическими достопримечательностями. Именно она утешала меня, когда я расцарапал коленку, сломал руку или проигрывал. Элоиза — единственная мама, которую я знаю. И она действительно любит моего отца, если согласилась стать частью нашей

маленькой семьи.

Хочу ли я свою собственную семью? Конечно. Кто не хочет? Да и бизнес нужно ведь кому-то передавать. Нет, у меня, конечно, есть двоюродные братья и сестры, которые смогут позаботиться о нем. И времени еще полно.

Некуда спешить.

У Дейзи, например, есть планы и цели. Я тоже люблю все планировать: и в работе, и в личных делах. Через четыре года мне будет сорок, а я впервые задумался о своей жизни. Почему эта девушка, которая должна была оставаться лишь случайной связью, заставляет меня поставить под вопрос мои цели? В моем временном помешательстве можно было бы обвинить воспоминания о том, как она стояла на коленях с моим членом во рту, но дело в том, что я нахожусь под ее гипнозом с того самого момента, как она стеснительно мне улыбнулась, а через три секунды отвела глаза. Должен признать, ей удалось привлечь мое внимание.

— У меня есть дом, — блин, даже для меня эти слова звучат напыщенно.

— Правда? — с удивлением спрашивает Дейзи. Она ведь думает, будто я безработный нахлебник, который живет на подачки от бабули. У меня действительно есть огромный дом в одном из самых дорогих районов Лондона. Я рассматриваю его как удачную инвестицию и пользуюсь лишь одной из шести спален и туалетов. Я даже ни разу не сидел в столовой, предпочитая есть за столом на кухне. Дом явно нуждается в ремонте, но для себя мне этим заниматься не хочется. Вот когда у меня будет семья, тогда и сделаю.

— Да, — отмахиваюсь я. — Но ему требуется ремонт.

Дом с рыночной стоимостью в двадцать миллионов фунтов. Три года назад я заплатил за него около десяти миллионов, но это же Лондон...

— Историческая ценность и все такое, — добавляю я. Мне не хочется, чтобы она думала, будто я живу в убожестве. Зато теперь я выгляжу как полный идиот.

— О! Мне нравятся старые здания! — у нее загораются глаза. — В университете я специализировалась на городском планировании, в частности на сохранении исторической ценности зданий с учетом современного дизайна. Я мечтала о стажировке в Европе, но не могла позволить себе отучиться семестр за границей, — вздохнув, Дейзи продолжает: — Когда я вижу старое здание, которое нуждается в ремонте, то всегда представляю, как оно выглядело, будучи только что построенным. А потом сразу мысленно прикидываю, как оно могло бы выглядеть сегодня и каким образом его можно было бы использовать. Тебе повезло, что ты живешь в стране со столь богатой историей архитектуры, — восторженно произносит она. — Рассматривая фотографии старых европейских замков, я начинаю продумывать, как установить в них систему отопления, вентиляции и кондиционирования и как можно было бы усовершенствовать ванные комнаты. Или проектирую современную кухню, стилизованную под прошлый век, — Дейзи снова вздыхает, а на ее губах расцветает улыбка, будто она сейчас мечтает, что превратит подzemелье в винный погреб.

— Значит, ты работаешь дизайнером? Когда не проводишь туры? — спрашиваю я, потому что мне не интересно слушать про груды бульжников. Когда я вижу старое здание, то начинаю прикидывать стоимость расходов на ремонт, проблемы, связанные со строительством и получением разрешений на перепланировку.

Дейзи краснеет и поджимает губы. Наверное, я повел себя как ублюдок. В любое другое время мне было бы на это наплевать, но, когда дело касается Дейзи, все иначе. Ее мнение значит для меня больше, чем хотелось бы. Я не могу ее понять: она сияет, когда говорит на

тему дизайна, и выглядит неуверенной и испуганной, когда разговор заходит о туре. Зачем ей напрасно тратить время на эту работу? Неужели не может найти себе занятие по специальности? Она должна была закончить университет несколько лет назад. Что-то тут не сходится. И я хочу выяснить, что именно.

Дейзи прикусывает губу и на секунду закрывает глаза, а потом открывает их и отводит взгляд в сторону.

— Я работала в компании по проектированию и конструированию, но ее продали, а мою должность упразднили. По большей части я корпела в САПР², готовила черновые эскизы и схемы для менеджеров по проектам. Словом, о креативности не было и речи.

— Получается, ты подвизаешься экскурсоводом, пока не подвернется что-нибудь еще? — спрашиваю я. Ерунда какая-то. По ее словам, она трудится на «Сагтон Трэвел» много лет. Каким образом ей удавалось совмещать две работы? Да, экскурсовод обычно работает по контракту, то есть сам выбирает, когда и в какой тур отправиться. Но все равно ничего не понятно.

— М-м, не знаю, — бурчит Дейзи, рассматривая ногти. — Типа того. Наверно.

— Возможно, тебе удастся найти что-нибудь подходящее в *этой* фирме? Ведь у нее есть головная компания? С отелями и прочим? Им наверняка требуются работники для реконструкций зданий?

На мгновение в ее глазах вспыхивает интерес, но быстро исчезает. Дейзи хмурится, отчего на ее лбу появляются крошечные морщинки. А потом встает и продвигается в проход.

— Мне нужно подготовить группу к экскурсии в Маунт-Вернон, — не глядя на меня, произносит она. Не знаю, может, это правда, а может, просто нашла предлог, чтобы закончить разговор. Разговор, после которого у меня осталось больше вопросов, чем ответов.

Я наблюдаю за тем, как Дейзи включает микрофон, привлекая внимание группы. После чего повторяет ту же информацию, что и двадцать минут назад, когда мы отъехали от отеля. Постукивая пальцем по мобильному телефону, я пытаюсь вспомнить разницу во времени между Восточным побережьем и Лас-Вегасом.

Пора начинать копать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вайолет

Я идиотка. В прямом смысле этого слова. Сердце стучит как сумасшедшее. Зачем я рассказала ему все это? Хорошо, что от моей лжи не зависит ничья жизнь, потому что у меня херово это получается. Херовее всего херового. Черт, теперь я думаю о его члене.

Красивом члене. Нет, скорее, великолепном. Я с улыбкой вспоминаю о своих наивных словах при виде необрезанного пениса. Неужели я и правда сказала, будто не знаю, что с ним делать? Я такая дурочка. На самом деле все точно также, только намного легче мастурбировать. А сам член более чувствительный. Когда я обвела головку языком, Дженнингс так застонал, что я сама чуть не кончила. Клянусь, британские стоны отличаются от американских. Они намного сексуальнее. Знаю, звучит странно, но это чистая правда.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и, схватив микрофон, повторяю группе ту же информацию, что и двадцать минут назад. Лишь бы избавиться от Дженнингса. К сожалению, мне удалось отойти от него всего на два шага, ну да ладно.

Не могу поверить, что разболтала ему о себе. Но он ведь не станет проверять? И все равно не узнает, какой факультет закончила Дейзи и чем она занимается помимо туров? У него ведь нет доступа к ее рабочему досье, чтобы подтвердить все, что я сказала? При мысли об это я едва не смеюсь. Ну нельзя же быть *таким* параноиком.

Он ничего не знает.

Ничегошеньки.

Ноль.

Он мне нравится.

Эй, с чего это у меня возникла подобная мысль? Я оглядываюсь на Дженнингса, который уткнулся в телефон и что-то сосредоточенно печатает. Сообщение или письмо.

Ну конечно, он мне нравится. Я ведь сплю с ним. Не в моих правилах делать это с мужчинами, которые меня не привлекают. Мне ведь понравилось, как он выглядел в первый вечер в баре, и поэтому я улыбнулась ему? Мне понравились его глаза. И челюсть. Темные волосы и то, как сидела на его плечах рубашка. Понравилось, что он купил мне коктейль после всего лишь одной дурацкой трехсекундной улыбки. Мне еще никто не передавал напитков в баре. В фильмах мужчины всегда это делают, но в жизни подобное случается редко. По крайней мере, в моей. В университете парни предлагали мне пластиковые стаканы с пивом из бочки, но это не тоже самое.

Мне нравится, как звучит его голос и британский акцент. Его запах и то, как он прижимается ко мне обнаженным телом.

Но это ведь просто секс, правда?

А еще мне нравится, что он слушает, когда я говорю. И задает вопросы, желая узнать больше. Понятное дело, ответить на них я не могу, потому что бессовестно вру. Тем не менее, мне нравится, что он слушает меня. Так мило, что он предложил мне поискать работу в «Саттон Трэвел». Неплохая идея, если бы я действительно трудилась в этой компании. У Дейзи нет квалификации для тех позиций, которые смогли бы меня заинтересовать. Не говоря уже о том, что придется устраиваться от ее имени и продолжать эту игру в шарады. Я до сих пор не уверена, удастся ли мне успешно закончить этот тур.

Но можно попросить сестру присматривать работу, которая мне подошла бы, а потом попробовать устроиться на нее уже как Вайолет. Может, Дейзи даже дадут премию за помощь в поисках сотрудника. Как вам такая идея? Она скидывает на меня свою работу, а потом еще и получает премию.

Типичная Дейзи.

Мне нравится, что Дженнингс внимательно относится к бабушке. Как он всегда выходит из автобуса первым, а потом подает ей руку, чтобы помочь спуститься.

Нравится, как он с любопытством наблюдает за мной, когда я неумело провожу тур. Будто я интересна ему как человек.

А еще мне льстит, как Дженнингс смотрит на меня, когда мы занимаемся сексом. Как поворачивает мою голову к себе, когда я отвожу взгляд. Как прикасается ко мне... Все, хватит. Это самый лучший секс в моей жизни. Знаю, звучит избито и где-то даже полудраматично, но это правда. У меня достаточно опыта, чтобы вынести эту оценку в его пользу. Черт, ну почему он так хорош в постели? Он вызывает во мне ненужные чувства.

В общем, он мне нравится. И я не вижу в этом никакой проблемы. У нас всего неделя. Моя идеальная случайная связь превратилась в идеальный семидневный загул. Я ведь хотела обычной любовной интрижки, чтобы взбодриться и прийти в себя. Следовало завести ее

полгода назад, чтобы напрочь забыть о бывшем. Ведь это сработало. Может, время лечит или дело в Дженнингсе. Не знаю, но могу сказать одно: я готова двигаться дальше. Во мне проснулся оптимизм. Я рада — ну, почти, — что меня уволили, так как это помогло мне понять, что моя работа и отношения никуда не годились. Сама я это увидеть не смогла, поэтому пришлось вмешаться судьбе и *заставить* меня это сделать.

Также она вмешается и в наши с Дженнингсом отношения в конце тура. В общем, он мне нравится. Ну и что? Разве то, что тебе симпатичен временный любовник, — это преступление? На память об этой недели у меня останутся счастливые воспоминания. Страстные и скандальные. Греховные, грязные воспоминания о карих глазах, идеальном прессе и коварной улыбке, которые восстановили мою уверенность в себе.

Словом, никаких проблем.

Автобус останавливается возле Маунт-Вернон. Приходится прервать ход своих непристойных мыслей и вспомнить, что сейчас должна делать Дейзи. Группа отправляется на экскурсию в особняк с экскурсоводом — слава богу, это не я. Мне всего-то нужно отвести туристов в агентство и передать их в руки нужного человека.

Через двадцать минут я проинструктировала всех, где мы встречаемся по окончании экскурсии, добавив несколько минут на самостоятельный осмотр достопримечательностей. И теперь, с облегчением выдохнув, наблюдаю за тем, как группа, включая Дженнингса, уходит. У меня есть три часа свободы. Три часа не под контролем его карих глаз и акцента, которые слишком сильно развязывают мне язык.

Дженнингс всего лишь отвлечение. Через неделю он уедет, поэтому мне нужно держаться. Я не должна в него влюбиться. Не должна устроить сестре проблемы на работе и лишиться чека из-за своего длинного языка.

Мне нужно сосредоточиться на будущем. Найти работу и новое жилье. Нужно снова начать жить, а не влюбляться в человека, с которым нам не быть вместе. К тому же он не в моем вкусе. Мне нравятся целеустремленные мужчины. В костюмах. Мистер Фанатская Футболка совершенно не мой типаж.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Дженнингс

— Что именно ты хочешь узнать и почему не можешь спросить у нее об этом сам?

Я позвонил своему кузену Рису. Он живет в Америке и младше меня на два года. Его мать — сестра моего отца. Она родилась в Англии, но еще в колледже влюбилась в студента по обмену и уехала к нему на родину. Аж в самый Коннектикут. Мы с Рисом всегда были близки, хотя росли на разных континентах. Помогло и то, что когда мы подросли, каждый год проводили вместе летние каникулы либо в США, либо в Великобритании. Подозреваю, что наши родители договорились по очереди отдыхать летом от детей, однако благодаря этому мы с Рисом стали не разлей вода.

— Это сложно, — с улыбкой отвечаю я. Прямо как Дейзи с ее манерой уклоняться от ответа.

— Что значит сложно? Ты не рассказал о себе? Мы же не участники программы «Босс под прикрытием³», Дженнингс. Таковы правила. Сотрудники руководящего звена обязаны представляться, независимо от причин, по которым они путешествуют. Мы не дурачим сотрудников.

— Дурачим? Серьезно, Рис?

— Не придирайся к словам.

— Я хотел рассказать, но мы познакомились с ней в ночь перед началом тура. А потом все стало... сложно, — да-да, снова это слово.

Рис молча пытается осмыслить сказанное. Я слышу, что кузен перестает печатать, и представляю, как он поудобнее устраивается в кресле, чтобы хорошенько макнуть меня головой в дерьмо.

— Везет же тебе, британский засранец. Когда в прошлом году я повез бабулю на экскурсию по канадским Скалистым горам, нашим экскурсоводом был пятидесятилетний мужик по имени Марвин.

— Извини, Рис, — ухмыляюсь я, хотя он и не может видеть этого. — Просто я удачливый.

— Козел.

— Вдобавок, я старше, моложе выгляжу и в спорте лучше тебя.

— Если только в крикете, хвастун. А я гораздо симпатичнее. Все знают, что я самый красивый из кузенов.

— Прямо-таки все? Ты проводил опрос?

— Новая жена дяди Дэвида упоминала об этом на Рождество.

— Ничего такого не было, — фыркаю я.

— Ну, значит, она подумала об этом, — невозмутимо отвечает Рис. — Как бы там ни было, в следующем году бабулю тоже везешь ты. Раз трахаешься с экскурсоводом, то эта поездка не засчитывается.

— Идет. И не будь таким грубым, Рис. Дейзи тебе ни какая-нибудь стриптизерша.

— Так у тебя там еще и стриптизерши есть? — тут же спрашивает он.

— Конечно нет.

— Кстати, они предпочитают, чтобы их называли танцовщицами.

— У тебя-то там точно таковые имеются. Нелегко тебе, наверное, в пустыне, Рис.

В настоящее время он находится в Лас-Вегасе в связи с новым бизнес-проектом «Саттон Трэвел»: открытием отеля и казино в Вегасе стоимостью два миллиарда долларов.

— У меня нет доступа к базе данных сотрудников туристического отдела, — наконец произносит он. — Кого мне нужно трахнуть, чтобы получить разрешение?

— Скорее всего, родственника. Навряд ли тебе захочется это делать.

— Вот мудака, надо же так обломить меня, — Рис снова стучит по клавиатуре, после чего заявляет, что отправил запрос начальнику по кадрам казино. — Если у нее нет доступа ко всем личным делам сотрудников в США, то она точно знает, у кого он есть. Я перешлю тебе файл, как только тот будет у меня.

— Спасибо, Рис.

— Не за что. На мне же сейчас не висит набор и подготовка четырех тысяч новых кадров.

— Я ценю это, — говорю я, медленно бредя по саду. Как только мы прошли на территорию особняка Джорджа Вашингтона, я сказал бабуле, что мне нужно позвонить, и отстал от группы.

Мы с Рисом — четвертое поколение, которое занимаемся семейным бизнесом, основанным отцом бабушки около шестидесяти лет назад. Под нашим управлением находится сеть отелей, речных лайнеров и туристических компаний, предлагающих

автобусные туры. В том числе и тот, в котором сейчас нахожусь я.

Наши офисы расположены на шести континентах, и мы предлагаем отдых более чем в двухстах направлениях по всему миру. Рис возглавляет проект в Вегасе, другой кузен руководит бизнесом в Канаде. Дядя управляет отделом речных лайнеров из офиса в Швейцарии.

А я? Я отвечаю за все это.

— Кстати, что именно тебя интересует? — прерывает мою задумчивость Рис. — Номер ее телефона? Дата рождения? Домашний адрес? Ты мог бы сэкономить нам массу времени и сам спросить у нее.

— Мне нужна дополнительная информация.

— То, что ты не можешь узнать от нее.

— Именно, — отвечаю я, с улыбкой реагируя на допрос Риса. Под моими ногами хрустит гравий.

— Ты уверен, что интересен этой девушке?

— Интересен.

— С ней что-то не так?

— С ней все нормально. Она весьма привлекательная. Возможно, патологическая лгунья, но привлекательная, — я поднимаю взгляд и вижу в десяти шагах от себя объект нашей беседы. Она разговаривает по телефону и тоже замечает меня. Девушка отступает назад, продолжая смотреть на меня и разговаривать. Я делаю шаг влево, уходя с пути маленького ребенка, на полном ходу несущегося через сад, и тем самым увеличиваю расстояние между нами.

— Судя по всему, она интересная, — весело произносит Рис.

— О да, — мы с Дейзи продолжаем переглядываться. Ни один из нас не хочет, чтобы другой подслушал его разговор. Она поворачивается и идет по гравийной дорожке, пока нас не разделяет большая цветочная клумба. — Да, безусловно, она такая.

— Эта девушка тебе нравится, — задумчиво протягивает Рис.

— Я наслаждаюсь общением с ней. Вот и все.

По саду проносится легкий ветерок, всколыхнув подол бледно-желтого короткого сарафана Дейзи. Я скольжу взглядом по ногам в сандалиях, загорелым икрам, а потом вновь перевожу на лицо девушки. Она убирает прилипшие к губам волосы, старательно не обращая на меня внимания.

— Понятно. Самое время.

— Что это значит? — я останавливаюсь и разглядываю цветущее декоративное дерево, не выпуская Дейзи из виду.

— Подвижность сперматозоидов с возрастом снижается. Возможно, уже слишком поздно.

— Бог ты мой, — бормочу я.

— От тебя зависит продолжение нашего рода.

— Перестань издеваться, братец. Ты всего на два года младше меня, а еще не начал обустривать детскую.

— *Обустроить детскую?* — смеется он. — Эти британские словечки никогда не перестанут меня удивлять.

— А американские — меня.

— Не сомневаюсь. Так после тура ты собираешься сразу обратно в Лондон или сможешь

выкроить немного времени, чтобы заскочить в Вегас?

— Сначала отвезу бабулю к твоей матери в Бетани, а потом обратно в Лондон. У меня много работы в офисе.

— У тебя всегда много работы и мало времени, — замечает Рис. И это правда. Я постоянно нахожусь в движении. Но меня все устраивает.

Управление компанией отнимает кучу времени. Да, родственные связи открывают двери и помогают в карьерном росте, но и работать тоже нужно. Чтобы сохранить корпорацию для следующего поколения детей и чтобы наши десять тысяч сотрудников по всему миру не остались без работы.

Для детей, которых у меня, возможно, и не будет с моей-то личной жизнью. И снижением активности сперматозоидов, если верить Рису.

Так что да, у меня нет времени. В коридоре, который ведет в мой кабинет, развешаны фотографии — доказательства более пятидесяти лет работы. Пятьдесят лет развития компании. Успеха и создания новых рабочих мест. Выплат премий и увеличения пособий. С этих фотографий на меня смотрят предки, безмолвно умоляя не изгадить все к чертям.

Легко.

Мой отец сначала отказался от семейного бизнеса. Его страстью была юриспруденция. До того как вернуться под крыло семьи и переключиться на корпоративное право, он сделал достаточно успешную карьеру в уголовном праве. Теперь он глава юридического отдела, но в ближайшую пару лет планирует уйти на пенсию. Его место займет моя кузина Мила.

— Мы много всего сделали, с тех пор как ты был здесь в последний раз: выкупили жилые этажи, разместили на них руководящих сотрудников. Я заселю тебя в люксе, и ты лично все увидишь. Мы даже заглянем на репетицию стриптизерш, — дразнит меня Рис.

— Посмотрим, — говорю я ему. Мое внимание сосредоточено на красавице по ту сторону сада.

— Не буду тебя задерживать. У меня встреча с городским советом через десять минут. Но подумай, Дженнингс. Можешь взять с собой свою новую подругу. Я бы с удовольствием с ней познакомился.

— Даже не сомневаюсь. Подозреваю, что вы с Дейзи хорошо поладите, — кажется, им обоим нравится надо мной подшучивать.

— Возможно, ты сначала захочешь сказать ей, кто ты такой, — добавляет Рис.

— Возможно. Но сначала нужно выяснить, кто она.

— Конечно, продолжай врать. Обычно с женщинами это прокатывает.

Да блин. Я останавливаюсь, раздумывая над его словами. Неужели он прав?

— Я слегка перегибаю, да?

— Однозначно, — соглашается он, посмеиваясь. — Держи меня в курсе. Я передам тебе ее дело, когда получу его.

— Спасибо, Рис.

Я отключаюсь и кладу телефон в карман. Дейзи по-прежнему стоит на том же месте.

Я сам был гидом в нескольких турах, когда начал работать в компании сразу после окончания университета. Не в США, конечно. Гиды — это люди, хорошо знающие местность, о которой рассказывают. Большинство членов моей семьи начинало так же: либо в качестве гида, либо на должности начального уровня в одном из отелей.

В общем, я шесть месяцев проработал в туре «Славная Британия» и еще полгода по «Памятным местам Соединенного Королевства», прежде чем получил первую должность в

лондонском офисе. Это было так давно, что я уже и не вспомню. В голове раздаются слова Риса о моей занятости и загруженном расписании. Я часто слышал подобное от отца.

Но у меня никогда не было причин притормозить.

Еще один порыв ветра раздувает платье Дейзи так, что она становится похожей на беременную.

И у меня твердеет член.

Господи, я сошел с ума, или это нормальная реакция? Хреново. Я никогда раньше так не реагировал на мысль о беременной женщине. Или на мысль о том, чтобы заделать ребенка *ей*. Черт возьми.

Это все Риз виноват. Чертова подвижность сперматозоидов и все такое. Я качаю головой и улыбаюсь. Вот же засранец. Вытаскиваю мобильный из кармана, нахожу в контактах нужного человека и звоню ему.

Дейзи в это время пытается убрать с губ очередную прядь волос. Она останавливается рядом с лавочкой, бросает на нее блокнот и садится на краешек рядом с ним. Потом кладет телефон на скамейку экраном вверх, стягивает резинку с запястья и собирает длинные темные волосы в хвост. Я сразу вспоминаю, как она стояла на коленях передо мной и убирала волосы, намереваясь сделать мне минет.

Интересно, у меня теперь каждый раз будет стояк при виде того, как она стягивает волосы в хвост? Даже не знаю, благословение это или же проклятие. Пожалуй, понемногу и того, и другого.

— Привет, Дженнингс, как тур? — раздается в трубке голос Присциллы из лондонского офиса.

— Очень хорошо. Слушай, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала, — я отворачиваюсь от Дейзи и излагаю свою просьбу, любуясь при этом роскошной оранжереей. Интересно, что думает Дейзи, когда смотрит на это здание. Может, ей нравится кирпич или дизайн. А может, она представляет себе, как переделала бы его в жилой дом или магазин.

— Вы передаете проект Лео? Весь? — спрашивает Присцилла, когда я заканчиваю говорить. Совершенно обоснованно, потому что передавать что-то кому-то — не в моем стиле. Ну, было не в моем стиле.

— Да. Ты справишься. Я полностью в тебе уверен, — это правда. Не могу вспомнить ни одного ее совета, с которым был бы не согласен. Она более чем подходит для этого задания. Пришло время начать передавать свои полномочия другим, потому что в этом-то весь смысл, верно? Брать на работу людей и развивать их таланты, чтобы потом они могли выполнять работу, для которой вы их и нанимали. Это часть нашей корпоративной философии. Возвращать имеющиеся таланты таким образом, чтобы хорошие сотрудники становились лучшими, а их число стремительно росло.

Довольный результатом, я заканчиваю звонок и направляюсь к Дейзи.

Она продолжает разговаривать по телефону, склонив голову набок и скептически поглядывая в мою сторону. Кажется, она специально приберегает этот взгляд для меня, и мне это нравится. Нравится, что она не любезничает со мной, что она настоящая. Что видишь, то и получаешь. Вот если бы только не ее ложь... Но скоро я с этим разберусь. Я останавливаюсь перед ней и ухмыляюсь.

Дейзи молча смотрит на меня. Наверное, ее собеседник все еще на связи, потому что она не отняла телефон от уха.

— Мне пора, — произносит она в трубку, после чего, если я не ошибаюсь, говорит: — И

я тебя, крекер, — и отключается.

— Ты должен быть на экскурсии с остальными, — судя по настороженному взгляду, Дейзи мне не рада. Она надевает колпачок на ручку и бросает ее вместе с блокнотом в сумку.

— Это обязательно?

— Предпочтительно, — она скрещивает ноги, и я моментально отвлекаюсь: одна тонкая лодыжка ложится на другую, сарафан приподнимается, и моему взору открывается голое колено. Дейзи откидывается на спинку скамейки и покачивает ногой. — Так я могу приглядывать за тобой. Ты как кот. Появляешься тогда, когда я меньше всего жду тебя.

Я смеюсь. Так меня еще не называли.

— Вообще-то, это несправедливо, — она хмурится. — Я люблю кошек, и обычно они ничего не делают исподтишка. Слишком ленивы.

— Значит, я тебе не нравлюсь?

— Ты мне нравишься. Это была плохая аналогия, — она качает головой. — Подожди. — Дейзи ухмыляется и щелкает пальцами. — Я поняла. Шпион! Ты похож на шпиона. И такой же скрытный. Тебе стоит задуматься.

— Я уделю этому серьезное внимание.

Она подается вперед и поднимает руку, как будто собирается сказать что-то важное.

— Не пойми меня неправильно. Ты сексуальный шпион. Скорее Джеймс Бонд, нежели Остин Пауэрс.

Ну да. В голове звучат слова Риса про «Босса под прикрытием», и я чувствую себя ужасно из-за того, что лгу ей. Но вот что скрывает *она*? Знаю, Дейзи лжет насчет чего-то. Она горячая штучка, созданная из противоречий и фактов, которые не сходятся. Будь у меня хоть капля здравого смысла, то я бы сделал прямо противоположное тому, что собираюсь, но проклятые чувства — антоним здравого смысла.

Телефон вибрирует, сообщая о входящем звонке из Лондона. Я перевожу его на голосовую почту.

— В любое другое время я бы спросил, свободна ли ты сегодня вечером, но мы оба уже знаем ответ, поэтому сразу перейду к делу. Я бы хотел пригласить тебя на свидание.

— На свидание? — скептически переспрашивает Дейзи, а на ее лице появляется легкое замешательство.

— На ужин, — уточняю я, так как она, кажется, не понимает. — Это будет настоящее свидание.

— О-о-о, — она в удивлении поднимает брови и округляет рот.

Я жду ее ответа. Интересно, о чем она думает? Какая же она все-таки милая. И потрясающая. Именно такие незначительные мелочи меня и очаровывают. Отсутствие притворства. То, как она почесывает нос, закатывает глаза или заставляет меня ждать ответа слишком долго.

— Тогда в восемь? — я не принимаю отказов. Дейзи однозначно ужинает со мной.

— Но почему?

— Почему? — я смеюсь и напоминаю себе, что она моложе меня. Неужели за десять лет свидания успели кануть в лету? Мой телефон снова начинает вибрировать. Я перевожу его в беззвучный режим.

— Потому что мы нравимся друг другу, и будет весело. Потому что у нас не было настоящего первого свидания, а ты его заслуживаешь. Потому что мне нравится проводить с

тобой время.

— Хорошо, — соглашается Дейзи. Мне кажется, что мы уладили этот вопрос, но она внезапно открывает рот и начинает перечислять причины, по которым я не должен за ней заходить.

О, как же она мне нравится.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вайолет

Свидание.

Он пригласил меня на свидание. После того как раздевал взглядом в саду и отвлек от звонка.

Я с подозрением таращилась на него. Что он задумал? Какой в этом смысл? Случайная связь подразумевает под собой, что вы быстро съедаете по сэндвичу, чистите зубы и занимаетесь сексом. По крайней мере, на мой взгляд. Раньше у меня ничего подобного не было, но ужин тут кажется лишним. Я пялилась на него, пытаюсь понять, что же он имел в виду. Может, «свидание» — это слово из британского сленга и означает секс? Но Дженнингс внезапно улыбнулся и небрежно сказал про «настоящее свидание».

И почему меня так заводит эта фраза? Во всяком случае, когда ее произносит мистер Сексуальный Голос. Я даже размечталась, что к концу недели попрошу у него голосовую запись с этой фразой, чтобы можно было проигрывать ее снова и снова, когда он уедет. Это привело меня к супергениальной идее создания вибраторов, которые говорят пошлости с британским акцентом.

— Земля вызывает Дейзи, — вырывает меня Дженнингс из размышлений о том, сколько накладных расходов потребуется для разработки чего-то подобного. Полностью завладев моим вниманием, он еще раз повторяет свое предложение: — Настоящее свидание, милая. Я отведу тебя на ужин и провожу до двери. Сегодня вечером, — добавляет он, снова раздевая меня взглядом.

Наверное, подразумевается и ужин, и секс.

Сегодня я свободна. Как верно подметил Дженнингс. Явно проверил расписание и убедился, что на сегодня не запланировано никакого совместного ужина.

Знаете, для чего нужны подобные интрижки? Для расслабления. А не для того, чтобы влюбляться в парней. Они все равно уедут домой. Туда, куда вы не сможете доехать, даже если бы очень захотели. Потому что ваши страны разделяет океан. Лететь международным рейсом, чтобы с кем-то перепихнуться, кажется мне очень непрактичным.

Я со стоном откидываю одеяло и плюхаюсь на кровать. Мы приехали в Вильямсбург около часа назад, но я только что вошла в номер. Заселение прошло довольно гладко. Турфирма предварительно зарегистрировала нас в каждом отеле, и моя задача заключалась в том, чтобы забрать ключи и раздать их туристам. А потом посыпались вопросы...

В отеле есть бассейн? Во сколько завтрак? А во сколько мы уезжаем утром? Где я могу купить сувенирные магнитики? Где можно поужинать? Могу ли я прогуляться? В этом отеле есть беспроводной интернет? А поблизости есть продуктовый магазин?

Да кто, блин, приезжает в Америку, чтобы посетить продуктовый магазин?

В любом случае, мой рабочий день наконец окончен, и сейчас я нахожусь в блаженном одиночестве. Что дает мне время подумать.

Ужин предполагает чувства. Мои чувства.

Я смотрю в потолок еще минуту, а затем включаю телефон и звоню.

— Пожалуйста, скажи мне, что звонишь, только чтобы поговорить о твоём новом британском любовнике, потому что твоих жалоб о туре я больше не вынесу, — говорит Дейзи вместо приветствия.

— И тебе привет, — невозмутимо произношу я.

— Привет. Так лучше?

На заднем плане раздаётся какой-то гул или шум, который я не могу определить.

— Что это за шум? Вибратор?

— Что? Нет же, извращенка. Это микроволновка.

— Прости, — извиняюсь я. — А похоже на вибратор.

— Думаешь, я не удосужилась бы его выключить, чтобы ответить на звонок? Что случилось?

— Я... м-м, звоню, чтобы поговорить с тобой о своём новом британском любовнике.

— Получается, я попала в яблочко?

— Да, — признаю я. — Тур сегодня прошёл хорошо, спасибо, что спросила.

— Рада это слышать, — спокойно произносит она. Микроволновка наконец перестаёт гудеть.

— И я все-таки никогда больше не буду этого делать. Никогда. Никогда-никогда. Так что к началу следующего тура тебе лучше вернуться. И я не шучу.

— Никогда-никогда, — соглашается она. — Больше никаких туров. Теперь расскажи мне о своём парне.

— Скажи мне, где ты. Потому что это была не микроволновка. Звуки разные, — добавляю я, победно тыча пальцем в потолок. Знаю, она не может видеть этого, но все же приятно быть такой догадливой.

— Ты прям детектив, — усмехается она. — Я навещаю друга.

— Друга? Какого друга? — это не ответ. У Дейзи все друзья. Другом может быть парень, с которым она познакомилась двадцать семь минут назад, или одноклассник, с которым они вместе учились в первом классе.

— Хорошо. Наполовину друг, — признается она, набивая чем-то рот.

— Друг с привилегиями? — спрашиваю я.

— Это сложно, — бормочет она, а я улыбаюсь. Мы точно близнецы. — Я расскажу тебе об этом позже, когда все обретёт больше смысла.

— Значит, ты всю неделю трахаешься с каким-то парнем, пока я за тебя работаю? Так обстоят дела?

— Не вижу, чтобы ты страдала, Ви. Почему бы тебе не рассказать мне о мистере Британия? Хватит уже доставать меня.

— Ладно, — драматично вздыхаю в трубку и после длительного молчания произношу: — Он милый.

— Милый? — переспрашивает Дейзи, её тон ясно говорит, что она думает об этом описании. — Поэтому ты мне и звонишь? Потому что он милый?

— Ну да, — соглашаюсь я. Вслух это звучит глупо.

— Разве недавно ты не хвасталась мне, что у вас отличный секс? И это было всего шесть часов назад. Какого дьявола произошло за это время?

— Я не хвасталась!

— Хвасталась. Признаться, я даже начала гордиться тобой.

— Оу. Ну спасибо. Наверное.

— Пожалуйста. Так в чем проблема? Он скучный?

— Хм... Нет, он не скучный. Нисколечко. Он заставляет меня смеяться.

— У тебя биполярное расстройство или что? Это наследственное? Надеюсь, у меня нет ничего подобного, — бормочет она. До меня доносится позвякивание посуды. — Итак, твой англичанин сексуальный, милый и заставляет тебя смеяться. Может, он тупой? В этом проблема? Иногда красивые не блещут умом. Знаю-знаю, так говорить некрасиво, но что есть, то есть. Вы же не собираетесь заводить ребенка, так что расслабься и получай удовольствие.

— Он мне нравится, — выпаливаю я. — Ясно? Проблема в том, что он мне нравится.

— Ого, — Дейзи на мгновение замолкает. — И ты переживаешь, что влюбишься в него, и у вас будут тупые дети? Я только что видела маленького монстра в продуктовом, тот орал во всю глотку, чтобы ему купили клей. Клей! Ну зачем ребенку клей? Подозреваю...

— Дейзи, — прерываю я ее. — Дженнингс не тупой. Успокойся, пожалуйста. Он не тупой, и мы не будем заводить детей.

— Никогда нельзя быть уверенной. В жизни случается всякое.

— Дейзи, хватит, — повторяю я.

— Хорошо-хорошо. Так в чем именно проблема? Он горяч. Хорош в постели. Умный. Милый. Заставляет тебя смеяться, и он тебе нравится. Наслаждайся жизнью.

— Он пригласил меня на ужин.

— Да, это серьезная проблема. Надень темно-синее платье. То, с кружевным подолом. Я знаю, что положила его.

— Просто... — не знаю, как выразить свои чувства. — У нас должна была быть просто случайная связь... Я не хочу в него влюбляться.

— Поверь, в жизни случается всякое, чего и не должно быть.

— Меня это должно успокоить?

— Послушай меня, Ви, я встречалась со многими парнями, большинство из них были мудаками.

Это правда.

— Поэтому, когда жизнь преподносит тебе что-то хорошее, не медли, хватай.

Она права.

— А потом вживи ему микрочип, чтобы ты всегда знала, где он находится.

— Дейзи, — со стоном говорю я.

— Вайолет, — ее голос смягчается, — поверь мне, это не проблема. Это развлечение. Сходи на ужин. Повеселись. Вынеси ему мозг. А с остальным разберешься позже. Может, он вообще начнет раздражать тебя к концу недели, и тогда проблема отпадет сама с собой.

— Мудрый совет, — с улыбкой говорю я. Дейзи всегда называет вещи своими именами.

— Знаю, — соглашается она. — Меня можно цитировать в поздравительных открытках.

— И то верно.

— Помни, иногда лучшие вещи в жизни случайны.

— Как мы с тобой. Люблю тебя, кексик.

— Я тоже люблю тебя, шоколадная крошка. Теперь иди, повеселись. И надень темно-синее платье!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вайолет

Пообщавшись с Дейзи, я принимаю душ. Если уж иду на свидание, то стоит привести себя в порядок. Вытирая голову полотенцем, вспоминаю слова Дейзи. В чем-то она права. Я постоянно занималась планированием жизни, и куда это меня привело? К разбитому сердцу и безработице, вот куда.

Дейзи же все делает методом тыка, но тем не менее умудряется крепко стоять на ногах. Вот и сейчас сбагрила на меня свою работу, чтобы потрахаться с заклятым другом.

Сегодняшний разговор с агентом по трудоустройству оказался совершенно бесполезным: я надеялась, что у нее есть для меня предложение, а оказалось, что ей нужно было проверить у меня наличие сертификата для работы с «Revit»⁴. Нет. Я специализируюсь в «AutoCAD», а «Revit» для идиотов, которые только и могут, что кричать на людей, если они используют неправильный штамп на чертеже.

Конечно, я расстроилась. Мне удалось перезвонить агенту где-то через час, и все это время во мне теплилась надежда, что свершится то, чего я так долго ждала. Я даже представила себе, что мне придется ездить в командировки в Лондон по работе, и Дженнингс пригласит меня к себе домой, мы возьмем еду на вынос и будем заниматься сексом. Это была подробная и, прямо скажем, нереальная фантазия, но фантазии по определению маловероятны.

Я достаю из чемодана темно-синее платье. Дейзи и тут оказалась права. Оно фантастически выглядит на ней, а значит, будет так же смотреться и на мне. Это одно из самых больших преимуществ наличия близнеца — возможность увидеть себя со стороны.

Признаться, я удивлена, что сестренка одолжила мне свое любимое платье. Вообще, Дейзи упаковала для меня отличные наряды. Нет, у меня, конечно, есть и своя одежда, но она больше в деловом стиле.

Это было очень мило, потому что в отношениях между сестрами ничто не свидетельствует о любви так, как желание дать поносить свое любимое платье.

Высушив волосы, делаю с помощью утюжка несколько небрежных локонов. Это как раз та небрежность, на которую уходит куча времени и усилий. Периодически поглядываю на часы, потому что с минуту на минуту за мной должен зайти Дженнингс. Я предложила встретиться в холле, но он сказал, что у нас настоящее первое свидание, поэтому все будет как положено.

Я ответила, что никогда не позволила бы ему зайти за мной на первом настоящем свидании, потому что он мог бы оказаться серийным убийцей. Или полным идиотом, которому незачем знать мой адрес. Или свидание могло оказаться настолько ужасным, что я тайно отправила бы сообщение подруге и попросила ее вызвать меня домой по срочному делу, а потом свалила бы с этого свидания на своей машине.

Склонив голову набок, Дженнингс молча смотрел на меня несколько секунд, водя пальцем по линии челюсти. В итоге мы решили, что на этот раз я проигнорирую свои принципы. И это правильно, поскольку я и сексом не занимаюсь на первом свидании, но сегодня точно не собираюсь придерживаться этого правила.

Я надеваю любимые сандалии и приступаю к сережкам, как раздается стук в дверь. На лице расплывается улыбка, и внезапно я чувствую себя глупой и взволнованной, а в животе порхают бабочки. Прошла уже целая вечность, с тех пор как я ходила с кем-то на свидание.

Я открываю дверь. Дженнингс тоже принял душ, его волосы все еще немного влажные. На нем белая рубашка с закатанными рукавами. Я сразу замечаю это, потому что в одной руке он держит цветы, а другой упирается в дверной косяк.

— Розы, — произносит он и поднимает букет. — Я собирался купить маргаритки, но потом решил, что каждый парень тебе и так их дарит⁵. А вот сколько из них преподносили розы Роуз⁶? — Дженнингс подмигивает, явно уверенный, что Роуз — это только между нами и что я не представляюсь мужчинам фальшивыми именами. И он прав.

— Рада, что это не маргаритки, — я забираю у него букет, мысленно хихикая над тем, что каждый парень якобы дарит мне цветы. В старшей школе бойфренд купил мне одну розу, когда в школе проходили акции по сбору средств. Студенческий совет разносил их по классным комнатам на втором уроке, и девочки до конца дня таскали их с собой. Если я открою старый ежегодник, то точно найду в нем засушенную розу. А однажды бывший заказал мне букет, и его доставили на работу. В тот день у меня был день рождения. Уверена, он забыл о нем, и ему пришлось заказывать с утра цветы у местного флориста, но все равно это было мило. Но что касается цветочного парада... Точно нет.

Хотя он прав по поводу маргариток. Дейзи получала их бесчисленное количество раз, и они ей нравятся. Но это ее цветы, не мои. Конечно, Дженнингс не может этого знать, но я рада, что он решил преподнести мне именно розы. Меньше всего мне бы хотелось глазеть на букет маргариток, который напоминал бы о том, какая же я бессовестная обманщица.

— Они идеальные, спасибо, — схватив ведро для льда, я наполняю его на несколько сантиметров водой из раковины в ванной. После чего водружаю рядом с телевизором и ставлю в него цветы. Это, конечно, не ваза, да и цветы валяются набок, но все равно смотрится идеально. Идеально в своей неидеальности.

— Готова? — спрашивает Дженнингс, проводя пальцем по моей обнаженной шее. Оказывается, он стоит прямо за мной. Я вздрагиваю и поворачиваюсь к нему.

— Я готова.

— Выглядишь потрясающе, милая, — нежно говорит Дженнингс. Он стоит так близко, что я чувствую жар его тела. Кажется, мне сейчас достанется поцелуй. Но вместо этого мужчина просто берет меня за руку и ведет к двери. Так мы и идем до самого лифта. Мое сердце колотится как сумасшедшее. Не знаю, почему. Мы уже знакомы, и на самом деле это не первое наше свидание. А третье... или четвертое? Господи, сколько же дней прошло с первой ночи? Почему у меня такое ощущение, будто я знаю его целую вечность? Чувствую себя глупым щенком, который спотыкается о собственные лапы.

Или идиоткой, которая влюбилась, прекрасно зная, что срок годности у этих отношений меньше, чем у пакета молока.

Неужели это правда? Или просто иллюзия, созданная тесным общением и взрывоопасной химией? Нам вместе хорошо и просто. Но, может, это потому, что все временно. Поездка в парк развлечений тоже будоражит тебя пару дней, но если каждый день ходить в него в течение года, то он станет твоим кошмаром. Я прикусываю нижнюю губу и смотрю на Дженнингса из-под опущенных ресниц. Двери лифта открывается, мы расцепляем руки, заходим, и Дженнингс нажимает на кнопку нужного этажа.

— О чем думаешь, милая? — спрашивает он, склонив голову набок и вопросительно подняв бровь. Интересно, он догадался об этом по тому, что я всего лишь молча прошла по коридору?

— Просто гадала, нравятся ли тебе парки развлечений, — а что, довольно близко.

— Это типа проверки? Слабо ли парню, с которым ты идешь на свидание, прокатиться на «бешеной» карусели? — весело поинтересовался Дженнингс, но я заметила, как в его глазах промелькнуло недоверие.

— Я их обожаю, но через пару подходов меня начинает укачивать, — признаюсь я, пожав плечами. Просто метафора моей любовной жизни. Покатайся и сойди, прежде чем кому-нибудь не поплохело. — Зато меня никогда не тошнит от игровых автоматов и сладкой ваты.

— Если это никак не повлияет на наши отношения, то признаюсь, что парки аттракционов — это не мое. Хотя я и тур по историческим местам Америки никогда бы не выбрал, а он оказался куда более... — он делает паузу и медленно скользит взглядом по моему телу, — интереснее и веселее, чем я ожидал.

На щеках вспыхивает румянец. У него получается даже самую простую фразу сделать непристойной.

— А что бы ты предпочел? — откашлявшись, интересуюсь я.

— В свободное время? Катание на лыжах.

— Я никогда не каталась на лыжах.

— Правда? — Дженнингс удивленно на меня смотрит, а потом открывает рот и тут же закрывает. Наверное, не хочет ляпнуть что-нибудь глупое по поводу будущего. Например: «Надо выбрать время и поехать вместе».

Мы выходим из отеля. Я думала, что Дженнингс возьмет такси, но он ведет меня к черному внедорожнику. Наверное, воспользовался вызовом машины с водителем.

«Значит, мы идем не в блинную через дорогу», — думаю я и хихикаю.

Усевшись на заднем сиденье следом за мной, он берет меня за руку и целует тыльную сторону ладони.

— Что-то смешное?

Я стучу пальцем по окну, показывая в сторону блинной.

— Международный блинный дом. Сетевой ресторан. Когда мы были детьми, сестра называла его лепешечной, пока нам не исполнилось... — я замолкаю. Нельзя говорить ему, что мы одного возраста. — Пока ей не исполнилось семь. Дурацкая история. Не знаю, почему я ее рассказала.

— И совсем не дурацкая. Мне она понравилась. Вы близки с сестрой?

Можно сказать и так, учитывая, что мы близнецы, я ношу ее одежду и живу в ее квартире.

— Она моя вторая половинка. А у тебя есть братья и сестры?

— Две сводные сестры, но я их практически не знаю. Мы выросли вдали друг от друга, и они гораздо младше меня. Их дом в Шотландии. Мы и встречались всего пару раз.

— Мне жаль.

— Почему? Шотландия восхитительная страна. Чего тут жалеть?

— Нет же, — смеюсь я. — Мне жаль, что ты не близок с сестрами. Не могу представить жизнь без своей сестры.

— А, понятно. Ну, уж как есть... — он проводит ладонью по подбородку, не комментируя, беспокоит ли его это. — Я близок с кузеном. Он мне как брат. Мне кажется, что он бы тебе понравился. У него такое же американское чувство юмора.

— Твой кузен американец? — я поворачиваюсь к нему лицом. — Как так получилось?

Машина выезжает на Ричмонд-стрит и пытается проскочить на зеленый свет.

— Мне что, нужно объяснять тебе самые элементарные вещи, милая? — со смехом отвечает Дженнингс. — Ты кажешься умной девушкой.

— Нет, — я тычу пальцем ему в грудь. — Просто вся моя семья живет в Иллинойсе. Родители. Сестра. Тети, дяди, бабушки с дедушками. Одна кузина переехала в Питтсбург, другая в Орландо, но все остальные живут рядом.

— Ничего себе. Сначала ты позволяешь мне зайти за тобой, а теперь говоришь, в каком штате живешь. Я вне себя от счастья.

— Не стоит быть таким самоуверенным. У меня остается звонок другу, а в отель я могу вернуться и на такси.

— Тогда я постараюсь развлечь тебя наилучшим образом, чтобы у вас, леди, и мысли не возникло о побеге.

— Нейпервилл, штат Иллинойс, — ну а что, вреда не будет. — Я из городка Нейпервилл. Это пригород Чикаго, и он такой... провинциальный, — другого подходящего слова у меня не нашлось. Я пытаюсь представить себе, что сталкиваюсь в Нейпервилле с парнем, похожим на Дженнингса, но у меня не получается. Если бы в Нейпервилле такой и обитал, то был бы женатым и с двумя детьми. Для ребеночка постарше у них была бы детская прогулочная коляска, а младшенький бы сидел в сумке-кенгуру на груди у папочки. У них был бы милый дом недалеко от реки, а я бы их немного ненавидела.

— Моя тетя Поппи вышла замуж за американца. Их дети родились и выросли в США, — объяснил Дженнингс. — А вообще, у меня есть родственники практически в любой части света. Это вполне нормально для моей семьи.

— Но ты же сказал, что близок со своим кузеном? Как, если вы росли так далеко друг от друга?

— Мы вместе проводили летние каникулы. То в Британии, то в США.

— Понятно.

Машина поворачивает еще раз. Интересно, куда мы едем. Я смотрю в окно, пытаюсь определить местонахождение. Кажется, мы проезжали здесь недавно на автобусе.

— Можно спросить, о чем думаешь? — насмешливо спрашивает Дженнингс. Я поворачиваюсь к нему.

— Просто представляла себе твои визиты в подростковом возрасте... — я замолкаю и кладу ладонь ему на колено.

— И?

— И думаю о всех тех американских девушках, которые не знали, что с *ним* делать, — Приходится говорить тихо и безразлично, раз уж мы в машине не одни. А моя ладонь тем временем скользит выше.

Наверное, было бы куда эффектнее, если бы я двинулась дальше и не остановилась на середине бедра, потому как Дженнингс вместо того, чтобы возбудиться, рассмеялся.

— Ты до сих пор думаешь об этом? — он накрывает мою руку своей и нежно проводит большим пальцем по тыльной стороне ладони. Ему удалось возбудить меня с помощью этого простого и неосознанного движения сильнее, чем мне его намеренным поглаживанием бедра.

— Нет... — я вывожу слово на его бедре. Может быть. Немного. Да. Ответ «да».

— Ревнуешь, милая?

— Нет, — фыркаю я и качаю головой. — Конечно нет. Но сколько их было? Женщин, которые не знали, что с ним делать? Думаю, тех, кто знал, было гораздо больше. Таким

образом, число женщин, которые не знали, не может быть слишком большим. Простая статистика.

— Ого, — несколько мгновений он смотрит на меня с непроницаемым выражением лица. — Ревнуешь, — произносит наконец Дженнингс и снова смеется.

— Так где живет твой кузен? — интересуюсь я, чтобы отвлечь его от моего странного собственнического инстинкта. И заодно узнать, как часто он навещает двоюродного брата. Может, ему захочется увидеть и меня. Ну а что? О'Хара — крупный транспортный узел. Я могла бы встретить его в аэропорту, и мы бы быстренько перепихнулись в «Хилтоне».

— Он вырос в Коннектикуте, — начинает Дженнингс. Я чуть не застонала вслух. Какое невезенье. Из Лондона в Коннектикут нет ни одного перелета через О'Хара. Даже самого дешевого с дерьмовыми пересадками. — Но сейчас живет и работает в Лас-Вегасе.

Слава богу.

— Ты часто с ним видишься? — как можно более небрежно интересуюсь я. Дженнингс ухмыляется и поднимает бровь. Явно раскусил мой блеф.

— Ты фанатка Вегаса? Любишь играть в автоматы? Блэкджек? Покер? Или, быть может, рулетка?

— Вообще-то, я ни разу там не была, — я убираю руку из-под его ладони и начинаю теревить ниточку на платье. — Но я бы точно была звездой на слот-машинах.

— О да, у тебя очень хорошо получается давить на нужные кнопки.

Я бросаю взгляд на Дженнингса и снова опускаю ладонь на бедро. В этот раз повыше. И легонько глажу своей голенью его. Скольжу рукой немного выше и с улыбкой смотрю на него три секунды. Если это сработало в баре, то на заднем сиденье автомобиля и подавно. Хотя не уверена, к чему все это. Я и так могу поспорить на настоящие вегасовские деньги, что сегодня пойду спать не одна. А для того чтобы заниматься этим на заднем сиденье, да еще в присутствии водителя, возраст уже не тот. Да, на этой неделе я притворяюсь другим человеком, но у любой девушки есть свой предел.

Дженнингс наклоняет голову и, положив ладонь мне на шею, нежно целует в губы. А второй рукой двигает мою ладонь к своей промежности и вдавливая ее, чтобы я могла почувствовать *его* через ткань джинсов.

Я издаю тихий стон, Дженнингс улыбается сквозь поцелуй и, отстранившись от меня, прижимается своим лбом к моему.

— Позже, — обещает он с непристойной ухмылкой и открывает дверь машины. Оказывается, мы уже приехали и стоим. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Он умудрился завести меня за миллисекунду, пока я изо всех сил пыталась его соблазнить. Так сказать, ткнул меня в это лицо.

Дверь с моей стороны открывается, и Дженнингс протягивает мне руку. Такой джентльмен. Джентльмен с грязными и похабными мыслями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Дженнингс

— Где мы? — Дейзи выходит из машины и берет меня за руку. Она так активно пыталась соблазнить меня, что даже не обратила внимание, как мы проехали мимо виноградника.

Эта девушка просто загадка. В ней столько страсти и наивности одновременно. Все ее

мысли мгновенно отражаются на лице, и это почему-то очаровывает еще больше. Я не могу насытиться ею. Тем, как она недовольно смотрит на меня и закатывает глаза, когда я ее раздражаю. Или прикусывает нижнюю губу и отводит взгляд, обдумывая, что мне рассказать. Как очаровательно морщит носик и прищуривается, когда я перехожу черту, и как расширяются ее зрачки, когда я неожиданно шепчу что-нибудь непристойное ей на ухо.

Господи, да одного ее запаха достаточно, чтобы у меня встал. Мягкость кожи и шелк волос... Изгибы ягодиц и округлость груди...

Я пропал.

— Местная винодельня, — отвечаю я. — По слухам, у них отличный французский ресторан.

Она медленно поворачивается и осматривает территорию. Нас высадили перед входом в ресторан-таверну. Это очаровательное здание, которое напоминает домик в деревне. Перед нами простирается виноградник — ряд за рядом шпалер, увитых виноградными лозами.

— Ничего себе, ты и правда постарался, — произносит Дейзи, качивая осматриваться и снова глядя на меня. — Я под впечатлением.

Интересно, какое у нее было бы лицо, привези я ее на французскую винодельню. Или испанскую. Или, лучше всего, на отдаленную итальянскую винодельню с бассейном и персоналом, который расходится днем. Мы бы только и делали, что ели, трахались и загорали обнаженными. Я бы по капле лил на ее кожу лучшее марочное вино и слизывал его языком.

— Не суди раньше времени, я все еще могу попросить поделить счет пополам, — невозмутимо отвечаю я.

Она откидывает голову назад и смеется. Я уже и не помню, когда в последний раз мне настолько нравилось проводить с кем-нибудь время.

— Я ничего не пробовала из французской кухни, — признается Дейзи, как только мы устраиваемся за столиком. Она барабанит пальцами по меню и, слегка наморщив лоб, изучает ассортимент блюд.

— Тебе не нравится? Если что, можно заглянуть в лепешечную по дороге в отель.

Она отрывает взгляд от меню и улыбается.

— А ты неплохой слушатель, Дженнингс.

— А еще я быстро учусь. И уже знаю три способа, как заставить тебя кончить меньше чем за десять минут.

— Бог ты мой, — у нее округляются глаза, а щеки заливаются стыдливым румянцем. Интересно, реально ли заниматься международным бизнесом из Нейпервилля, штат Иллинойс? Или можно было бы уйти на пенсию в тридцать шесть лет и заняться выявлением остальных способов доставления оргазмов Дейзи.

Как же я жил до этой женщины? Уже и не вспомню.

Официант берет у нас заказ на вино. Я выбираю «Манхэттен», а Дейзи «Рислинг» произведенные на этой винодельне. Она внимательно изучает интерьер, останавливая взгляд на деревянном балочном потолке, креслах, обтянутых голубым туалетом⁷, и люстрах, свисающих на проводе с потолка.

Когда нам приносят вино, она делает глоток и зажмуривается от удовольствия.

— Вау, я могла бы высосать его до дна.

Проклятье.

Мне не послышалось? Я мотаю головой, пытаюсь выбросить из головы воспоминание о

том, как Дейзи стояла на коленях и сосала *мне*.

— Ты часто ешь в подобных ресторанах? — небрежно интересуется она, но лицо ее выдает.

— Время от времени.

Сосредоточься, Дженнингс.

Дейзи изучает голубую скатерть такого же цвета, как и узор на стульях. А я жду.

— И чем именно ты занимаешься?

Вот оно. Я знал, что она задаст этот вопрос. И мне следует на него ответить. Прямо сейчас. Но... что-то меня сдерживает. Сейчас не тот момент, чтобы признаваться во лжи. Кроме того, сначала я должен раскусить ее, а потом уже выкладывать на стол свои карты. Дейзи что-то от меня скрывает. Если она узнает, что я босс босса ее босса, то навряд ли мне откроется. Скорее наоборот. Или уволится.

— Я занимаюсь стратегическим планированием в одной лондонской компании.

— Что это означает? — Дейзи расслаблена и с любопытством на меня смотрит.

Черт бы побрал это ее любопытство.

— Ну, это означает анализ стратегий и процессов. Обеспечение эффективности. Минимизация ресурсов. Прогноз тенденций и тому подобное, — надеюсь, этот вздор покажется ей скучным, и она не станет задавать лишних вопросов.

— Подожди, — медленно произносит Дейзи, прищуриваясь. — Мне кажется, я тебя раскусила.

Блин.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Правда? — я делаю глоток вина, притворяясь безразличным.

— Да. Меня не обдурить, — постукивая бокалом по столу, говорит она. Может, собирается бросить его мне в лицо?

Хорошо, что у нее в руке не нож. Пока что.

Черт, мне следовало признаться раньше. Хотя я, в принципе, не врал. Не договаривал, но не обманывал. Только не нужно говорить это вслух. Вряд ли это добавит очков в мою пользу.

— Ты, — сурово произносит Дейзи, тыча в меня пальцем, — работаешь.

— Правильно. И живу отдельно от мамы. Мы же выяснили это, когда ты согласилась продолжать спать со мной. — Я подмигиваю в надежде, что мы перейдем к другой теме.

— Я имела в виду, что у тебя есть хорошая работа, — она склоняет голову набок и внимательно изучает меня. — И дом. Даже несколько фешенебельных домов в каком-нибудь дорогом районе Лондона.

— Фешенебельных? — смеюсь я. У нее такое серьезное выражение лица, будто она собирается выиграть партию в «Клуэдо»⁸. — Американцы не используют это слово по отношению к недвижимости.

— Я же говорила, что англофилка. Перестань меня отвлекать, — Дейзи поправляет свои столовые приборы, а я не спускаю глаз с ножа. — Не думаю, что бабушка оплатила тебе тур.

— Нет?

— Нет. Это ты заплатил за нее. Я права? — она откидывается на стуле, уверенная, что раскусила меня. — Ты позволил мне считать тебя бездельником, но это не так.

Не так. Я улыбаюсь и рассказываю ей о семейной традиции путешествовать с бабушкой. Вскоре появляется официант с закусками, и я благодарю небо за то, что он этот прервал этот

разговор.

Я скоро попадусь на лжи. Мне удастся сохранить относительную анонимность, потому что в группе никто не интересуется тем, кто управляет этой туристической корпорацией, и моя фамилия не Саттон. Но сложить два и два вполне реально.

Сайт компании представляет лишь потребительскую информацию. Раздел «О компании» кратко рассказывает о том, что это семейный бизнес четырех поколений без упоминания имен. Она их, естественно, знает, но на ее чеке стоит не мое имя. Информация обо мне лежит глубже, чем это доступно обычному контрактному работнику.

Нужно ей все рассказать.

— Думаю, что я тоже тебя раскусил, — нам подали сырную тарелку. Дейзи принимается намазывать на крошечный хрустящий тост малиновый джем, но, услышав мои слова, замирает и дважды мигает.

— Правда?

— Мне кажется... — я делаю паузу. В глазах Дейзи мелькает беспокойство. — Мне кажется, что я тебе нравлюсь.

Она кладет тост на тарелку и, наклонившись ко мне, шепчет:

— Мне кажется, я подседа на секс с тобой, — в ее голосе нет ни капли томности. Она говорит об этом, как о факте, который немного ее смущает. — Он хорош, правда? Конечно, у меня поменьше опыта, чем у тебя, и, быть может, наивно так считать. Наверное, мне нужно собрать побольше данных для статистики? Или все дело в тебе? Вероятно, ты настолько хорош в сексе, что у тебя с каждой получается неплохо? Одинаково? Возможно, ты — общий знаменатель?

Какая простодушная. Она сказала это без осуждения. Ей просто любопытно. Это так привлекательно и эротично. Так типично для Дейзи.

— Как мне это есть? — спрашивает она, показывая на сырную тарелку. — Я не знаю, что делать.

— Мягкий сыр намажь на тост и ешь руками.

Дейзи кладет еду в рот и одобрительно стонет. Мой член реагирует так, будто она только что положила на язык *его*.

— Так забавно, — говорит она, поерзав на стуле. — И ты забавный, Дженнингс.

Забавный? Когда меня в последний раз так называли?

— Так тебе всегда нравится? Я имею в виду секс. Не сыр. Сыр всегда хорош во рту, как ни крути, — не глядя на меня, бубнит Дейзи, а потом хватает бокал вина и перед тем, как сделать большой глоток, добавляет: — Да, сыр.

Господи, какая же она бесхитростная.

Что же ей ответить. Мне нужно быть осторожным, а иначе этот разговор может закончиться тем, что я отправлюсь в номер в одиночестве. Меньше всего хочу, чтобы она думала о других женщинах.

— Дейзи, — мягко произношу я и жду, когда она посмотрит на меня. — Ты самая лучшая.

Она опускает голову и, покраснев, улыбается.

— Но я не такая опытная.

— Почему? — спрашиваю я, а самому хочется сказать: «И хорошо».

Дейзи пожимает плечами и начинает намазывать второй тост.

— Ну, я занималась карьерой. Тратила время не на тех парней. В общем, все обычно.

— Расскажи мне о парне.

— Котором?

— Из-за которого ты решила подцепить незнакомца в гостиничном баре, — *об идиоте, который привел тебя ко мне.*

Она морщит нос, обдумывая, что рассказать. Мне приходится держать себя в руках, чтобы не попросить счет и не потащить ее из ресторана, как пещерный человек, дабы выбить все ответы с помощью добротного секса.

— Это связано с моей старой работой.

Проклятье. Не думаю, что мне понравится, к чему все идет.

— Дизайнером? Которой ты занималась до того, как устроилась в «Саттон Трэвел»?

— Да, — она ерзает на стуле. — Давно.

Интересно, что значит «давно», когда тебе двадцать шесть лет?

— И что произошло?

— Мне стыдно, — отвечает Дейзи, разглядывая крошки на тарелке.

— Почему? Вы были коллегами? Ты встречалась с боссом? — черт, ни одна из этих версий мне не нравится. Не удивительно, что у нее такие странные идеи по поводу политики компании.

— Да, мы были коллегами... А его отец владел компанией.

Фак.

— Думаешь, я охотница за деньгами? Клянусь, ко мне не относились по-особенному. Нет! — в ее глазах вспыхивает застарелая боль. Как бы мне хотелось избавить Дейзи от нее. — Все было совсем не так. Совсем, — повторяет она.

— Конечно, не так.

— Я даже не особо старалась получить проекты, которые мне нравились, потому что не хотела, чтобы все думали, будто они достались мне по благу.

— Понимаю, — я занимаюсь семейным бизнесом и лучше других знаю, что за тобой постоянно наблюдают. Поэтому ты должен работать усерднее вдвойне, чтобы доказать, что заслуживаешь всего заработанного.

— А потом компанию продали и большую часть штата уволили, в том числе и меня. Марк остался работать в новой корпорации, и его перевели в другой город. В общем, я потеряла работу, парня и дом за одну неделю.

— Вы жили вместе? — до чего же мне не нравится эта мысль.

— Нет, — качает головой она. — Нет. Я просто собиралась купить квартиру, но сделку отменили, когда меня уволили. Банкам не нравится иметь дело с безработными.

Гребаный мудака.

— Больше никогда, ни в жизнь. Мне не стоило начинать встречаться с ним. Знаешь, как говорят: «Не смешивай бизнес и удовольствие»?

— Я предпочитаю выражение «Никогда не говори никогда».

— Да? И почему?

Потому что ты сейчас встречаешься с коллегой, но об этом пока не знаешь. Потому что я не могу представить себе, что мы расстанемся, когда неделя закончится. Потому что мне нужно, чтобы ты простила меня за обман.

Официант подает основное блюдо, и мне удается избежать ответа на вопрос. Когда он уходит, Дейзи продолжает:

— Если бы моя работа и личные отношения не были связаны, то жизнь не оказалась бы

разрушенной в один миг.

— Иногда встряска не помешает, — замечаю я.

Она хмуро смотрит на меня, и я понимаю, что переборщил.

— А ты не хотела уехать с ним? — черт, опять я задаю вопросы не по теме. На самом деле я имел в виду: «Тебе так нравится жить в гребаном Нейпервилле в штате Иллинойс?».

Дейзи моргает несколько раз и, поковырявшись вилкой в еде, наконец отвечает:

— Он не предлагал. Мне бы хотелось думать, что попроси Марк меня об этом, я бы ответила отказом. Но, по правде сказать, не знаю, каким бы был мой ответ. Он не делился со мной своими планами, — продолжает она. — Нет, я понимаю, что Марк не мог рассказать мне о продаже компании. Правда, понимаю. Но он мог бы намекнуть, что подумывает о переезде. Что его приглашает на работу другая фирма. Он мог сообщить мне хотя бы это, но не захотел. В те выходные, когда я думала, что Марк играет в гольф с друзьями, он ездил в Калифорнию подписывать договор аренды на новую квартиру. Он врал и недоговаривал мне.

— Твой бывший явно идиот. И, полагаю, полный ноль в постели.

На лице Дейзи вспыхивает улыбка, а из глаз уходит печаль.

— С ним и близко не было так забавно, как с тобой, — говорит она и смеется. А я запоминаю это выражение ее лица и добавляю его в копилку к остальным, которые мне так нравятся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дженнини

— А как насчет тебя? — спрашивает Дейзи. — Я рассказала тебе о себе, теперь твоя очередь выкладывать карты на стол. Расскажи мне о чем-нибудь постыдном.

— Что ж, давай поиграем. Только ты не рассказала мне ничего постыдного. Всего лишь о придурке, с которым встречалась. Постыдная история — это если бы тебя подростком словили купающейся нагишом или ты ошиблась туалетом в начальной школе.

— Ты вытворял подобное? — у Дейзи округляются ее глаза, и она подается вперед, горя желанием услышать мои истории.

— Возможно.

— Расскажи, — Дейзи пробует ризотто и закрывает глаза от явного удовольствия. Когда она снова их открывает, то выгибает бровь, побуждая меня приступить к игре.

— Начну первым. Потому что ты не упомянула об очередности, — я с самым серьезным видом смотрю ей в глаза. — И потому что я джентльмен, — я накалываю на вилку овощи, гадая, чем же с ней поделиться. — Однажды в начальной школе я случайно назвал учительницу мамой. Надо мной безжалостно издевались до конца учебного года.

— В третьем классе меня вырвало в автобусе. Прямо на мальчика, который был моей первой любовью. Больше он никогда со мной не разговаривал.

— В средних классах во время презентации в классе я сказал слово «оргазм» вместо «организм».

— Я случайно написала сообщение «Я люблю тебя» своему водителю в лагере вместо мамы.

— Меня застукали за купанием нагишом с Мелиссой Питерсон. В школьном бассейне. Это был ее отец, директор.

Дейзи смотрит на меня, поджав губы, и барабанит пальцами по столу. Наверное,

пытается придумать что-нибудь, я терпеливо жду.

— Когда была маленькой, я выбегала из ванной и носилась по всему дому, крича: «Мокрый голый ребенок!» — пока мама пыталась поймать меня с полотенцем в руках.

— Не-е-ет.

— Да. Клянусь.

— Вряд ли это засчитывается, ты была маленькой.

— Я делала так до второго класса.

Мы молча смотрим друг на друга, а затем оба прыскаем со смеху.

— Понятия не имею, о чем я думала, — говорит она, продолжая хихикать. — Но в то время это был мой ритуал.

— Я могу свозить тебя на нудистский пляж.

— Нет! Ни в коем случае! Никогда.

— Значит, ты уже переросла стадию эксгибиционизма?

— Да. Определенно.

— Расскажи мне что-нибудь еще. Какую-нибудь неловкую историю из студенческой жизни.

— Первый курс, — Дейзи хватает бокал вина и делает большой глоток, будто пытаюсь набраться таким образом смелости. Я изо всех сил сдерживаю смех, — Мне было так неловко, что я чуть не бросила университет.

— Выкладывай.

Ее щеки окрасились восхитительным румянцем.

— У меня были дневные занятия в другом конце кампуса. Я была ботанкой, которая приезжает на десять минут раньше и сидит в первом ряду, — она качает головой и закатывает глаза, а я сразу представляю себе чопорную и прилежную студентку Дейзи — в очках и с дерзким хвостиком. Мне очень нравится эта картинка. — Ударили морозы, поэтому я решила выйти пораньше обычного.

— Ты и правда была ботанкой.

— Ага. Значит, я выхожу из общежития среди бела дня. По кампусу болтается куча студентов, — она обводит ресторан рукой, чтобы подчеркнуть, что народу было и много и повсюду. — Я отхожу от общежития на десять шагов и решаю срезать дорогу по траве, потому что мне нравится, как она хрустит на морозе, — она закрывает глаза и вздыхает, а потом качает головой и снова их открывает. — В общем, я поскользнулась. БАМ. Падаю прямо на задницу. На глазах у миллиарда студентов, — Дейзи качает головой. — Знаю-знаю. Прежде чем ты что-нибудь скажешь, я знаю, что люди постоянно падают и бла-бла-бла... — она в очередной раз вздыхает и делает еще глоток вина. — Но есть кое-что еще.

— Внимательно слушаю, — ухмыляюсь я, наслаждаясь тем, что сейчас она даже не может на меня смотреть.

— Когда я упала, раздался треск.

Я смеюсь, и она наконец смотрит на меня.

— Ко мне подошел симпатичный парень из моего общежития, но я не хотела принимать его помощь, так как подозревала, что у меня задница вываливается из штанов. Я стала отмахиваться от него, но он подумал, будто я протягиваю ему руку. В общем, я встала и схватилась за задницу, чтобы определить, насколько все плохо, а сама сделала вид, будто просто отряхиваю джинсы. Только он решил, что мне больно, поэтому спросил, в порядке ли я. Все закончилось тем, что он посмотрел на мою задницу. Буквально, потому что тогда был

первый курс, и я решила утвердить свою новообретенную независимость, надев стринги.

— Довольно грустная история, — сочувственно кивая, соглашаюсь я.

— До конца семестра я не могла смотреть на этого парня.

— Но ты успела на занятия? — с серьезным видом пытаюсь спросить я, но терплю неудачу.

— Ха-ха, — огрызается Дейзи и быстро отводит взгляд, но через минуту бормочет: — Успела.

— И после этого ты пошла на занятия? Ты действительно была закоренелым ботаником.

— Ага. Самое обидное, что на мне были зимние сапоги на рифленой подошве. Но они не уберегли меня от падения.

— Просто ужасно.

— Да.

— У тебя вообще был секс в университете?

— До третьего курса не было.

Я начинаю хохотать. Эта девушка неподражаема.

— У меня была психологическая травма после происшествия с джинсами.

— Могу себе представить, милая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вайолет

По дороге в отель сексуальное напряжение на заднем сиденье автомобиля просто зашкаливает. По крайней мере, для меня, но он точно чувствует то же самое. Между нами будто натянуты осязаемые струны. Дженнингс обнимает меня за плечи, лаская кончиками пальцем округлость груди. Моя рука лежит на его бедре и неторопливо поглаживает его. Тихие поцелуи не оставляют никаких сомнений, чем закончится сегодняшний вечер.

Автомобиль — оказывается, он просто взял его в аренду — подъезжает к главному входу в отель. Дженнингс берет меня за руку, и мы идем внутрь. За нами со свистом закрываются автоматическая дверь. Мы молча направляемся к лифту. Наверное, напоминаем довольную друг другом парочку, а не людей, которые только недавно познакомились. Мне комфортно с ним.

Когда мы подходим к моему номеру, Дженнингс останавливается, разворачивает меня к себе и целует. Его губы нежно ласкают мои: одна рука покоится на шее, другая — на бедре. Он прикусывает мою нижнюю губу, а потом отстраняется и, отступив на полшага назад, проводит рукой по челюсти.

— Спокойной ночи, — возбужденно сверкая глазами, произносит он. После чего разворачивается и идет обратно к лифту.

Какого. Черта.

— Куда ты идешь? — тихо интересуюсь я, глядя вслед удаляющейся фигуре, поскольку время уже позднее, а отель семейный.

Дженнингс останавливается и поворачивается. Нас разделяют три-четыре шага. Хотя сейчас мы должны быть обнаженными, а между нами только тонкий слой латекса на его члене.

— К себе, — он показывает пальцем через плечо в сторону своего номера. — Первое свидание. Я провожаю тебя до двери и целую на прощание.

— Шутишь? — уверена, моя челюсть уже где-то на полу.

— Нет? — он вызывающе вздергивает бровь. — Я думал, на первом свидании в гости не заходят. Помнится, ты упоминала об этом в своем списке правил?

— Это список для обычных парней. А ты не обычный.

— Значит, я особенный? Или странный? — он прикусывает нижнюю губу и, ухмыльнувшись, склоняет голову набок.

— Хочешь, чтобы я умоляла? Кроме того, это были рекомендации, а не правила, — добавляю я, расправляя плечи, и, вздернув подбородок, скрещиваю руки на груди.

— Ах рекомендации. Получается, они необязательные?

— Это всего лишь список правил, на которые стоит ориентироваться, а не закон.

— А-а-а. Понятно, — кивает Дженнингс, продолжая стоять на месте. — Хотя мне понравилась мысль о том, что ты будешь меня умолять, — он делает шаг ко мне и останавливается. — Ну приглашай тогда.

А он не собирается быстро сдаваться.

— Не хочешь войти? — как можно соблазнительнее произношу я и, покраснев от двойного смысла слов, со стоном шлепаю себя по лбу ключом-картой.

Дженнингс с усмешкой подходит и забирает у меня ключ.

— Раздевайся, — приказывает он, как только за нами закрывается дверь.

— Вот так сразу?

— Если тебе что-то мешает, могу сделать это за тебя.

— Давай, — пожимаю плечами я.

Дженнингс замирает, застигнутый врасплох, а потом на его лице медленно расплывается улыбка. Он прекращает расстегивать свою рубашку и пристально смотрит на меня. Кажется, кто-то воспользовался моим трехсекундным приемчиком. Сейчас, находясь по другую сторону, могу сказать вам, что он очень эффективный. У меня перехватывает дыхание, и я чувствую себя на грани исступления, когда он сокращает и так небольшое расстояние между нами. Дженнингс проводит пальцем по моей ключице, и это движение отдается во всем теле: пульс зашкаливает, соски твердеют, и я так возбуждаюсь, что он с легкостью мог бы взять меня прямо сейчас.

— Ты постоянно удивляешь меня, милая.

— Разве?

— Несомненно, — пальцы сменяют губы, и я вздрагиваю. Он поднимается поцелуями к уху, кусает меня за мочку и снимает сережки. Не знаю, насколько эротично это выглядит, но нежное прикосновение пальцев, когда он вытаскивает колечки из ушей, очень приятно.

— Мне нравится... — я замолкаю на мгновение, неуверенная, говорить это вслух или нет. — Мне нравится твоя решительность. Когда ты немного властный, — на меня накатывает волна возбуждения просто от того, что я произношу это вслух. Интересно, признаваться в подобном нормально?

— Знаю, — отвечает он и подмигивает.

Боже, я уже на грани оргазма.

— А будет неловко, если я кончу, прежде чем окажусь без одежды? — потому что такое действительно может произойти.

— Думаю, нет. Будет неловко, если я кончу до того, как сниму с тебя всю одежду.

— О да. Кстати, извини.

— За что? — Дженнингс приподнимает подол платья и кончиками пальцев

поглаживает внешнюю сторону бедра.

— Жаль, что у тебя может быть только один оргазм, когда я кончаю несколько раз. Это как-то несправедливо. Не думала, что такое возможно. Вернее, я знала, что для некоторых женщин это характерно. Например, для порнозвезд и сексуально активных людей, но никогда не думала, что сама на это способна.

Боже, заткнись.

Я не вижу его, но рядом со своим ухом слышу тихий смех и чувствую тепло его дыхания на своей шее.

— Рад, что просвещаю тебя, милая, — Дженнингс целует меня в шею, и я вздрагиваю. — Повернись.

Я поворачиваюсь и смотрю в сторону окна. Шторы все еще открыты, позволяя свету уличных фонарей со стоянки проникать в номер.

Дженнингс неторопливо расстегивает молнию на платье. Сантиметр за сантиметром. Скольжение молнии и жар его тела медленно сводят меня с ума.

Он стягивает платье с плеч, и оно тихо скользит вниз по моим рукам и бедрам. Дженнингс приседает за моей спиной и говорит переступить через ткань. После чего встает и бросает платье на комод. А потом собирает мои волосы и перекидывает их через плечо, лаская губами другое.

Расстегнув бюстгальтер, Дженнингс кидает его поверх платья, не переставая целовать меня в шею. Он сжимает сосок и прижимается грудью к моей спине. У меня перехватывает дыхание. Опускаю взгляд, чтобы посмотреть на свою грудь в его руке и на то, как он сжимает сосок между большим и указательным пальцами. Вторую руку Дженнингс прижимает к моему животу. Пуговицы рубашки впиваются мне в спину. Я трюсь задницей об его член, чтобы проверить, насколько он возбужден.

Когда его рука проскальзывает в трусики, я издаю стон. Не ожидала, что простое скольжение пальцев по коже заставит меня тихо умолять, чтобы он подарил мне наслаждение, которого я так жажду.

— Обожаю, когда ты такая мокрая для меня, — шепчет он на ухо, распределяя мою влагу по клитору.

Знаете, как возбуждает наблюдать за тем, как его рука нырнула в мое нижнее белье? Это даже сексуальнее, чем если бы я была голая. Не могу отвести глаз от этого зрелища.

Я сильнее прижимаюсь задом к его эрекции и в награду он крепче сжимает меня, удерживая на месте. Но, несмотря на это, я продолжаю тереться об его руку, потому что хочу большего. Больше давления. Больше контакта. Больше Дженнингса.

Его твердый член упирается мне в задницу. Представляю, как Дженнингс стягивает брюки, стремясь побыстрее оказаться внутри меня, и выпускаю нечто похожее на стон.

Он проскальзывает двумя пальцами внутрь меня, и я прикусываю губу. Оргазм так близок.

— Ты ужасно напориста для женщины, которая только что заявила мне, что предпочитает подчиняться.

— Мне просто нравится твоя рука, — улыбаюсь я.

— А то я не понял. Ты так бесстыдно объезжаешь ее, что мой член начинает завидовать, — он снова щиплет меня за сосок, и я сжимаюсь вокруг его пальцев. — У меня вся рука мокрая, милая. Придется облизывать пальцы, когда ты кончишь.

— Дженнингс, — торопливо выдыхаю я его имя. Не думаю, что смогу долго

продержаться. Чувствую себя невероятно раскованной рядом с ним, как будто единственное, что имеет значение, — это наслаждение, самое невероятное наслаждение в моей жизни.

Склонив голову, я наблюдаю за движениями его руки. Как большой палец двигается под резинкой трусиков и прижимается к клитору, как он сгибает пальцы внутри меня и прикусывает мочку уха. В этот момент я разбиваюсь на маленькие осколки.

Я бы упала, если бы он не прижимал меня к себе, поскольку ноги не держат. Обнимая меня одной рукой, второй он продолжает трахать меня, растягивая оргазм. Не думала, что такое вообще возможно.

Когда волна экстаза стихает, я, опьяненная оргазмом, разворачиваюсь к нему.

— С ума сойти, почему ты до сих пор одет? — я хлопаю глазами, пытаюсь вспомнить, как мы сюда попали. — Как вообще можно *так* кончить, если только один из нас раздет?

— Теперь можешь снять трусики, — Дженнингс пристально смотрит на меня, неторопливо расстегивая рубашку.

Точно. Я ведь даже не голая. Подцепляю большими пальцами трусики и стягиваю.

— Отдай их мне, — требует Дженнингс

Я, покраснев, хватаю нижнее белье с пола и вручаю ему. Как можно стесняться после того, что он только что сделал со мной. Тем не менее, мне так стыдно передавать ему мокрые трусики.

— Ложись на кровать, — говорит он, расстегивая последнюю пуговицу на рубашке. Я подчиняюсь, наблюдая за тем, как его руки перемещаются к поясу. Почему, когда мужчина расстегивает ремень, это так возбуждает?

— Лицом вниз.

Не этого я ожидала. Несколько секунд я продолжаю наблюдать за тем, как он расстегивает ремень, а потом медленно переворачиваюсь.

— Попой вверх.

Ох ничего себе. Ну ладно. Интересно, моя задница такая же красная, как и лицо? Это вообще возможно? Я встаю на колени и опираюсь на локти, чтобы задница была выше головы. Судя по его инструкциям, он хочет именно этого.

А потом жду.

Слышу, как он снимает брюки, и ремень со стуком падает на пол. Этого достаточно, чтобы понять, на каком этапе раздевания он находится. Потом Дженнингс хватается за бедра и подвигает к краю кровати.

Головка члена прижимается к моему входу. Внезапно он с рыком шлепает меня. Я сжимаю простыни в кулаках и со стоном опускаю голову.

Вцепившись пальцами в бедра, Дженнингс резко входит в меня. В комнате царит тишина, если не считать влажных шлепков наших тел и учащенного дыхания. Я сосуд для его удовольствия, и мне это нравится. Моя грудь подпрыгивает в такт его толчкам, а его яйца ударяются о клитор. Угол, под которым он вбивается в меня, вызывает невероятное удовольствие.

Мне хочется увидеть, как он сейчас выглядит: выражение его лица и линии рта, из которого вырываются стоны. Взгляд, когда он шепчет пошлости о моей заднице. Как играют его желваки, когда он входит в меня. Хочу запечатлеть его лицо, чтобы вспоминать потом этот момент.

Я оглядываюсь через плечо, мои волосы разметались по спине, наполовину закрывая лицо, но этого достаточно для беглого взгляда.

Взгляд его глаз, прикрытых и сосредоточенных, обжигает меня. Он приоткрывает рот и облизывает нижнюю губу. Сразу представляю себе его язык на моем клиторе. Я сжимаюсь вокруг его члена, потрясенная тем, что снова вот-вот кончу. Со стоном отворачиваюсь назад, опускаюсь лбом на матрас и сильнее прогибаюсь в пояснице, приподнимая задницу повыше.

Но Дженнингс дергает меня за волосы. Его губы скользят по моей шее.

Не успевает он договорить: «Ты хотела посмотреть, милая?» — как я кончаю.

Это произошло слишком быстро. Меня разрывает на части от удовольствия. Не думаю, что выдержу еще один раунд. Дженнингс прижимает меня к себе и замирает, пока я сильно сжимаюсь вокруг него. Откидываю голову ему на плечо и пытаюсь оттолкнуть его, потому что это слишком; я сейчас гиперчувствительная.

Когда я прихожу в себя, Дженнингс выскальзывает из меня и кладет ладонь между ног, нашептывая на ухо о том, как я прекрасна и насколько он мною покорен. Его руки прижимают меня к груди, но не слишком крепко. Он не поглаживает клитор и не играет со мной пальцами. Его твердый член упирается мне в задницу, а руки дарят ощущение тепла, спокойствия и любви.

Он укладывает меня спиной на кровать и снова проникает в меня.

Его толчки медленные, глубокие, размеренные. Я обнимаю его за шею и сгибаю одно колено, упираясь пяткой в его задницу. Мы целуемся, подстраиваясь под неторопливые, ритмичные движения бедер. У сердце заходится в бешеном ритме, но не от адреналина.

— Это реально? — шепчу я, больше себе, нежели ему, но его глаза отвечают на мой вопрос; его взгляд с нежностью изучает мое лицо, после чего Дженнингс целует меня и шепчет: «Да». Я притягиваю его ближе и утыкаюсь лицом в шею, мои соски прижимаются к его груди. От него пахнет сексом, мылом и гвоздикой или мускатным орехом — чем-то, что я не могу определить, но присуще именно Дженнингсу.

Каждое проникновение его члена наполняет меня теплом и удовлетворенностью, каждое отступление встречается рывком моих бедер, умоляющих о возвращении. Интенсивность усиливается с каждым толчком, но ритм остается спокойным и неторопливым. Прежний бешеный темп сменяется другим видом страсти. Нежной и чуткой. Ничто другое не имеет значения кроме нас двоих, здесь и сейчас.

— Это действительно замечательное свидание, — тихо говорю я.

— Самое лучшее, — соглашается Дженнингс, упираясь своим лбом в мой. Я глажу его по щеке, он целует меня в ладонь, а потом отстраняется, поднимает мою ногу выше и толкается глубже. С его именем на губах я снова кончаю. Его член пульсирует, движения бедер становятся более резкими, и наконец он замирает и присоединяется ко мне.

Дженнингс переворачивается на спину и укладывает меня сверху, все еще находясь внутри меня.

— Не могу пошевелиться, — распластавшись на нем, произношу я.

Дженнингс кладет руку на мой затылок и перекатывает меня на спину, после чего отстраняется и встает. Я недовольно ворчу.

— Не двигайся, — говорит он.

Я хлопаю по матрасу.

— Я же сказала, что недееспособна, ты, секс-маньяк. Наверное, я никогда не приду в себя. Возможно, завтра меня уволят, потому что я не смогу ходить. Когда мы будем проезжать мимо достопримечательностей, я буду показывать на них и говорить: «Извините, ребята, мы не можем выйти из автобуса, потому что после вчерашнего секса я не в

состоянии».

— Тебя не уволят, — кричит он по дороге в ванную. Очуметь, какая у него задница. И как это ускользнуло от моего внимания?

— Ты не можешь знать наверняка. Я вполне могу облажаться, — ты даже не представляешь, насколько я права.

— Я замолвлю за тебя словечко, — раздается голос из душа. Дверь в ванную комнату приоткрыта, но с кровати мне Дженнингса не видно.

— И как же? Это ты меня отвлекаешь от работы. Не думаю, что у тебя есть правс голоса, — господи, мужчины. Думают, будто могут решить все.

Дженнингс выключает воду и выходит из ванной. Спереди он тоже ничего. У меня перехватывает дыхание всего лишь от его вида. Он *такой* мужчина. Высокий, статный. С рельефными мышцами, крепкой челюстью и вздутыми венами. Те, что на внешней стороне рук, вызывают во мне желание. Они просто совершенство. А та большая вена по всей длине члена? Я ее фанатка. Безумная фанатка.

Дженнингс подходит ближе к кровати, и я замечаю в его руке полотенце для лица. Подождите. Он что?..

Да.

— Боже мой, — я закрываю лицо рукой и пытаюсь свести колени вместе, когда он опускает полотенце между ног. Мне тепло, мокро и о-о-очень неловко. Дженнингс, кажется, не испытывает никаких проблем с тем, чтобы обтереть меня и раздвинуть мне ноги свободной рукой.

— Ты сказала, что слишком устала, чтобы вставать.

— Это так неприлично.

— Неприлично? — в его голосе слышен смех. — Ты кончила мне на руку — вот что неприлично. Лежать на кровати задницей кверху — неприлично тоже. Трахать тебя так, что ты теперь не можешь ходить, — неприлично. А это не неприлично. Это я отдаю дань.

Я смотрю на него сквозь пальцы.

— Дань? Seriously?

Дженнингс проводит полотенцем по внутренней стороне одного бедра, а затем переходит на другое. Кожу покалывает в местах его прикосновений. Наконец он вытирает мне промежность и завершает свое дело. Я снова возбуждена и немного смущена. Самое большое, что для меня делали прежде, — это просто вручали бумажное полотенце.

— Своего рода религиозный обряд, милая.

— С моей вагиной?

— Я очень ценю и уважаю ее, — невозмутимо отвечает Дженнингс.

Я издаю стон, а он смеется.

Этот парень огромная проблема.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вайолет

Следующие два дня пролетают как один миг. Я парю на крыльях, потому что у меня было самое лучшее свидание и секс. Я счастлива и уверена в себе, на моем лице сияет улыбка, а в разбитом сердце поселилась надежда.

Мне удается справиться с работой и заниматься сексом с Дженнингсом. Наверное,

стоит добавить в свое резюме, что я способна выполнять несколько задач одновременно.

В Вильямсбурге, пока группа с интересом наблюдает за тем, как кузнец кует из железа инструменты, Дженнингс тянет меня за угол и целует так, что перехватывает дыхание.

В Джеймстауне, пока группа проводит время на экскурсии по трем кораблям, которые доставили первых английских переселенцев в Вирджинию в 1907 году, Дженнингс тащит меня в укромный уголок позади билетной кассы, засовывает руку мне под юбку и доводит до оргазма, а другой вовремя успеваает зажать мне рот, чтобы я нас не выдала.

В Ричмонде — ох, Ричмонд... Мы останавливаемся в Ричмонде, чтобы посетить церковь Святого Джона, место, с которого началась Американская революция после того, как Патрик Генри произнес знаменитую речь: «Дайте мне свободу или дайте мне умереть». Пока группа наслаждается экскурсией по церкви и присаживается на скамьи, на которых, возможно, сидели Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, мы с Дженнингсом занимаемся сексом в туалете.

Не думаю, что когда-нибудь смогу вспоминать о Ричмонде, не покраснев.

По дороге в Геттисберг мы проезжаем мимо национального парка Шенандоа и Голубого хребта. Виды просто потрясающие, так же как и время, которое мы проводим с Дженнингсом, болтая обо всем и ни о чем.

На одной из остановок нам попадаются игровые автоматы, и я уделываю его в скибол. На другой он ведет меня ужинать в блинную. Я издаю довольные стоны, поедая блинчики, отчего у него темнеют глаза, а я пытаюсь не рассмеяться с набитым ртом.

Мы рассказываем друг другу о своем детстве, и я внимательно слежу за тем, что говорю, чтобы не упомянуть Дейзи. Я задаю Дженнингсу вопросы о его жизни в Лондоне и заставляю снова и снова произносить слова, которые звучат особенно привлекательно с акцентом.

Он спрашивает о моих жизненных целях. Я никогда не общалась с мужчиной, которому были бы настолько интересны мои планы на будущее. Дженнингс даже предложил просмотреть мое резюме — он упомянул, что занимается вопросами кадров для компании, и может дать мне по нему полезные рекомендации. Только он назвал его «послужной список», и до меня не сразу дошло, о чем он говорит, хотя я и поняла, что это никак не связано с сексом.

Естественно, я отказалась. Даже если бы и смогла быстро поменять свое имя на Дейзи, мне пришлось бы добавить строку о работе в «Саттон Трэвел», а я избегаю прямых ответов на вопросы о том, сколько времени работаю гидом.

Но главное, что он это предложил.

Я до сих пор не рассказала ему о том, что меня зовут Вайолет, а не Дейзи. Признаться, порой я вообще забываю о своей лжи. Мне так хорошо с ним, как не было уже очень давно.

Каким-то образом я нашла для себя оправдание. Мне даже перестало казаться странным, что все туристы зовут меня Дейзи. Я всю жизнь слышу это имя. А сколько раз меня случайно называли именем сестры, вообще не сосчитать. В школе, друзья и даже собственные родители. Я уже привыкла реагировать на него, как на свое. Единственный человек, который имеет значение в данном случае, это Дженнингс, а он называет меня «милой». Но для остальных я только Дейзи. Или мисс Хэйден. В общем, я убедилась, что это маленькая формальность и что мое настоящее имя не так важно, ведь он проводит время со мной, а не с Дейзи.

Я признаюсь ему потом — если оно будет, это «потом». Мы не говорили с ним о нашем

будущем. Я рассказала Дженнингу о своем опыте работы в дизайне, постаравшись сделать это как можно более расплывчато, и упомянула о том, что ищу другую работу в этой сфере. Он поинтересовался, не против ли я в таком случае переехать. Переехать в Лондон? Мне не совсем было понятно, что он имел в виду. Может, переезд в Нью-Йорк, Лос-Анджелес или Детройт, если найдется подходящая работа?

Но тем не менее Дженнингс спросил об этом.

И упомянул о деловой встрече в Нью-Йорке через пару месяцев. И о кузене в Лас-Вегасе. Это можно расценивать как приглашение? Зондирование почвы?

А еще Дженнингс дважды предложил мне поискать работу в головной компании «Саттон Трэвел», которая расположена в Лондоне. И напомнил о моем увлечении Англией. Не думаю, что я вообразила себе многозначительный взгляд, который он при этом бросил на меня.

И...

Я сделала это. Отправила свое резюме в Лондон. Даже два. Ну а что? Всю жизнь я мечтала о том, чтобы жить за границей. Если не сейчас, то когда? Большая часть моих вещей находится в коробках и хранится на складе, и, признаться, я по ним даже не скучаю. Это просто вещи. Я могла бы просто распродать их, потом упаковать два чемодана и уехать. Мне все равно ничего не нужно, кроме ноутбука, мобильного и кое-каких личных вещей.

Дженнингс...

А вот Дженнингс мне нужен.

Но я ведь перееду не только ради него, а ради себя тоже. Рискнуть или не рисковать? Осторожность и благоразумие ничего хорошего мне пока что не принесли.

Как в карьере, так и в личной жизни.

Так почему бы не сделать что-нибудь сумасшедшее? Более сумасбродное, чем случайная связь?

Посмотрим, как пойдут дела дальше.

А пока я на седьмом небе от счастья.

Радуюсь открывающимся возможностям. Оптимистично настроена по поводу работы. В восторге от Дженнинга.

Но всему приходит конец.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вайолет

Остановка в Геттисберге прошла без сучка и задоринки. Мы сходили на экскурсию на поле боя, где произошло последнее сражение в Гражданской войне, и посетили солдатское кладбище, на котором Авраам Линкольн произнес геттисбергскую речь. После обеда группа отправилась на пешую экскурсию с местным экскурсоводом, а я позвонила своим агентам и отослала еще несколько резюме.

Вечером у нас был еще один совместный ужин, включенный в стоимость тура. Дженнингс сидел рядом с бабушкой, а я делила столик с Джорджем и семейной парой из Канады. Когда никто не видел, он мне подмигивал.

Потом мы поднялись к нему в номер и смотрели кино в ожидании, когда нам принесут десерт. Не знаю, чем закончился фильм, придется досмотреть его когда-нибудь по кабельному. Но это того стоило.

Не успеваю я оглянуться, а мы уже направляемся к конечной остановке тура. Мне хочется, чтобы он продлился немного дольше. Я буду скучать по группе. Удивительно, насколько молниеносно привязываются люди друг к другу, когда путешествуют вместе. Как быстро появляются свои шуточки, и как ты начинаешь подмечать за ними маленькие странности. Я буду скучать по тому, как миссис Джарвис останавливается и фотографирует все необычные двери. Как мистер Боеро не может уехать, не купив сувенирный магнит. Как миссис Делайн сравнивает на каждой остановке кофе с тем, что готовят в «Тим Хортонс», и как Айзек — парень из Африки, путешествующий в одиночку, — рассказывает анекдоты, пока мы переезжаем из города в город, и они всегда оказываются несмешными.

— Что будет, если скрестить удава и ежа?

Сто метров колючей проволоки.

Такой идиотизм. Тем не менее он произвел на меня впечатление, а теперь я больше никогда его не увижу. Не знаю, как моя сестра справляется с этим. Лично я привязываюсь к людям. Мне уже грустно, хотя мы еще и не расстались с группой.

Наша конечная остановка в Филадельфии. Я училась здесь в университете, и меня радует возможность побывать в любимых местах. Меня охватывает ностальгия, и я ругаю себя за то, что не додумалась устроить встречу в кофейне со старыми подругами. Я не видела девочек со свадьбы Хлои, но, дергаясь из-за тура, до сегодняшнего дня почти не вспоминала об этом. Может, пошлю им сообщение, и кто-нибудь из них сможет со мной увидеться.

Мы заселились в отеле в деловой части города, в районе Сосайети-Хилл, на утопающей в зелени улице, до сих пор вымощенной кирпичом — одна из черт, которая нравится мне в этом старом городе. В квартале от отеля протекает река Делавэр, а моя бывшая комната в общежитии находится всего в пяти милях отсюда, на другой стороне реки Скулкилл. Я вспоминаю о том, с какой надеждой смотрела в будущее на выпускном. Передо мной открывались бесконечные возможности, нужно было только ухватиться за них

Прошло четыре года, и я забыла об этом.

Но больше подобного не произойдет.

Моя случайная связь с сексуальным незнакомцем превратилась в нечто большее, чего я никак не ожидала. Нечто большее, чем просто пинок под зад. Больше, чем пустые восторженные слова. Она вернула меня к жизни, напомнив о радости и волнении в ожидании неизвестного. И о бесконечных возможностях.

Сегодня у нас будет пешая экскурсия по Филадельфии. Последний день тура с местным экскурсоводом. Моя задача — плестись за всеми и никого не потерять. Завтра нужно будет сделать два рейса в аэропорт, и на этом все. Сегодняшний день должен быть простым. Я знаю Филадельфию. Во время учебы я не часто посещала исторические достопримечательности, но достаточно знакома с ними, чтобы ответить на вопросы туристов и без шпаргалки Дейзи.

Я на финишной прямой.

Летящей походкой я прохожу в холл, чтобы поприветствовать группу. У меня получилось — ну, почти. Поскольку сегодня простой день, я справилась, да.

Если не считать одного.

Я так и не придумала, как рассказать Дженнингсу, что меня зовут Вайолет.

Покусывая губу, я размышляю, стоит ли ему вообще об этом знать.

«Конечно», — мысленно упрекаю себя я. Если у наших отношений возможно

продолжение, то я должна рассказать ему. На мой взгляд, происходящее между нами — это по-настоящему, но только у одного из нас в руках все козыри.

Я расскажу ему потом. Конец тура настолько близок, что не имеет смысла сообщать об этом сегодня днем. Или ночью.

Да, он все узнает завтра.

И, наверное, решит, что это забавно.

Ведь это и правда забавно?

Проклятье.

— Дейзи! — выкрикивает кто-то мое имя. Я поворачиваюсь и вижу мужчину около сорока лет, который с широкой улыбкой приближается ко мне. Симпатичный. Я никогда не видела его раньше, но, судя по имени, которым он меня называет, полагаю, моя сестра с ним знакома — и я заранее готовлюсь притворяться, до тех пор пока не выясню, действительно ли они знают друг друга. Надеюсь, что они не «знают» друг друга в том самом смысле.

На нем поло с логотипом фирмы, предлагающей услуги экскурсоводов, с которой мы сегодня работаем, а в руке он держит маленький белый конверт. Мужчина протягивает его мне.

— Привет! — улыбаюсь я. Судя по бейджу, его зовут Гарри. Я беру конверт. На нем большими буквами красивым почерком девочки лет десяти выведено имя «Дейзи». К такому решению меня привели розовые блестящие чернила.

— Хм, спасибо, — «Пожалуйста, объясни мне в чем дело», — думаю я про себя. В этот момент в холл заходит Дженнингс и останавливается рядом со мной. Я перевожу взгляд с конверта на Гарри. — Это так мило, — по крайней мере, это правда. Может быть, Гарри сумасшедший, который пишет Дейзи письма детским почерком. Почему она не рассказала мне о возможной проблеме в Филадельфии? Они явно раньше работали вместе. Хотя Дейзи никогда не была сильна в детальной разработке планов. «Дейзи — это хаос, а Вайолет — план», — говаривала мама.

— От моей дочери, — говорит Гарри, и я с трудом сдерживаю радостный вздох. — Спасибо, что помогли ей с блогом. Она сказала, что у нее уже триста подписчиков. Она так довольна, — мужчина смеется и качает головой.

— О, это было так мило с... — я чуть не сказала «с ее стороны». Имея в виду Дейзи. Приходится исправляться. — Так мило с ее стороны, что она поблагодарила меня письмом, — я была близка к тому, чтобы выдать себя. Пора закругляться.

— Ей также понравились ваши советы о том, как делать фотографии.

— Как делать фотографии? — еле слышно бормочет Дженнингс.

— Она сказала, что ваш подход делать снимки издалека и постепенно приближаться к объекту съемки очень помог ей. Не знаю, что это означает, — смеется Гарри.

Я тоже смеюсь. Ха-ха-ха.

— Да, я так всегда делаю.

— Она в таком восторге от вашего блога.

— У тебя есть блог? — интересуется Дженнингс.

— Хм, спасибо! — я улыбаюсь Гарри и отступаю на полшага. — Она такая милая, — не знаю, правда ли это, но все думают, будто их дети замечательные. — Мы должны придерживаться расписания, — добавляю я, показывая большим пальцем в сторону двери. — Спасибо за письмо, — я машу конвертом и делаю еще полшага назад. — Передайте ей от меня наилучшие пожелания, — наилучшие пожелания? Она ж ребенок. — Я имела в виду

«привет»! — быстро исправляюсь я.

— Конечно. Кайя восхищается вами. Она хотела прийти сегодня, но у нее выездной футбольный матч.

Я мысленно благодарю за это Всевышнего. Ведь кто лучше всех различает близнецов? Дети. Они как маленькие чертовы детекторы лжи.

— Футбол — это очень важно. Ну что, готовы приступить к экскурсии? — не дожидаясь ответа, я разворачиваюсь и иду группе, ожидающей возле входных дверей.

Не успеваю сделать и двух шагов, как Дженнингс начинает задавать вопросы.

— А о чем твой блог?

— О путешествиях.

— Блог о путешествиях, — повторяет он. — Но я думал, что твоя страсть — это дизайн.

— Так и есть. Блог — это так, забава.

— Понятно, — задумчиво произносит он, явно ничего не понимая.

Естественно, кто станет заниматься тем, что ему неинтересно, ради забавы?

— Тогда мне хотелось бы почитать его.

— Конечно.

Черт, нет. Не хочу, чтобы он задавал вопросы, на которые я не смогу ответить.

— Позже, — вру я. Как только мы подходим к группе, я делаю то, что и все хорошие лжецы, — меняю тему разговора.

— Готовы? — с этими словами я быстро пересчитываю всех по головам. — Кажется все здесь! — фальшиво улыбаясь, щебечу я. Обычно мне не свойственно такое щебетание. Нужно вести себя нормально, потому что Дженнингс странно на меня поглядывает.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Дженнингс

Мы выходим из отеля, Дейзи идет позади группы и следит, чтобы никто не отставал. Я запикиваю наушники в карман и пристраиваюсь рядом с ней. Мы молчим. Дейзи кажется встревоженной, но почему, я не знаю.

Нам надо поговорить. Сегодня вечером. Завтра я улетаю в Коннектикут, чтобы отвезти бабулю к тете, а потом возвращаюсь в Лондон.

Но я не собираюсь уезжать, пока не узнаю, когда смогу увидеть ее снова.

А вдруг она согласится поехать со мной?

— Значит, тебе нравится фотографировать? — спрашиваю я, пытаюсь нарушить тишину. Она пожимает плечами и бормочет что-то о том, что это помогает ее блогу. И почему я был не в курсе этого? Сколько еще всего я не знаю о ней?

Пока что.

Но я узнаю.

Может быть, это самоуверенно, но я уже знаю достаточно.

Достаточно для того, чтобы понять, что мы можем быть вместе.

Нас тянет друг к другу, иногда влечение между двумя людьми сильнее всяких доводов. Сильнее времени и логики. Не важно, что ты не знаешь, какие ей нравятся чипсы. Или ее любимый сериал. Или какой стороной, по ее мнению, должен висеть рулон туалетной бумаги.

Подождите, я кое-что знаю. Она говорила, что ей нравятся чипсы со вкусом барбекю. И

что на аттракционах у нее кружится голова. Что она никогда не снимала мужчин. И не прочь завести собаку, но только из приюта. Еще я знаю, что у нее бзик по поводу микробов в гостиничных номерах.

Что она умная. И обладает отличным чувством юмора. Что я счастлив, когда рядом с ней. Я знаю, что она особенная.

Но все же...

Иногда я совсем ее не знаю. Иногда она отгораживается. Воздвигает стену. Нервничает, когда я задаю слишком много вопросов.

Иногда она совсем другой человек.

Я знаю, что она о чем-то врет.

Но о чем именно?

Может, она просто насторожена из-за прошлых отношений? Беспокоится о том, куда это все приведет.

Или это что-то большее? Что-то еще. Чего я не понимаю.

Может быть, у нее огромные долги или ее часто увольняют. Признаться, Дейзи посредственный экскурсовод. Она не включила ни одного из запланированных видеороликов компании, которые предназначались для просмотра во время автобусных поездок. И не смогла ответить на несколько элементарных вопросов. А большую часть поездки просто нервничала.

Но она ведь упомянула, что недавно устроилась на эту работу? Дизайн — вот чем она обычно занимается. Или хочет заниматься.

А может, у нее семь пятниц на неделе?

Ей двадцать шесть лет. Может, она не готова к тому, к чему готов я?

Наплевать. Нет таких долгов, с которыми я бы не смог расплатиться. И Дейзи может сколько угодно времени решать, чем хочет заняться в жизни. Может заниматься дизайном или блоггом, или открыть чертову пекарню. Мне все равно.

Главное, чтобы я был рядом, пока она будет это выяснять.

Если только она согласится.

В ее возрасте я был не готов к отношениям. Черт, я не был к ним готов даже на прошлой неделе.

Она может переехать ко мне. Мой дом достаточно большой, чтобы вместить двенадцать человек. Сама мысль о том, чтобы провести в нем ночь в одиночестве, без Дейзи, невыносима.

Наверное, это судьба, что я еще не отремонтировал его. Дейзи увлекается дизайном и могла бы проконтролировать это. Да, это точно судьба.

Я найму ее, чтобы отремонтировать дом. Дам ей повод приехать в Лондон. Потребуется годы, чтобы привести в порядок это огромное здание. Ну, год, по меньшей мере.

Меня даже не волнует ее стиль, и плевать, если она станет настаивать на установке американского холодильника, достаточно большого, чтобы войти в него. Или превратит спальни в гардеробные и установит телевизоры в каждой комнате.

Ладно, разберемся вечером.

Знаете ту поговорку о тщательно продуманных планах?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Джейннингс

Нам рассказывают о Колоколе свободы, когда я вижу, что бабушка начинает уставать. Большую часть времени ее просто переполняет энергия, поэтому мне приходится следить, чтобы она нигде не потерялась. Но бабушка успокаивает меня, что все в порядке. Уверен, она с нетерпением ждет отдыха у тети Поппи.

Дейзи все суетится. Ей позвонили, когда у нас была экскурсия в Индепенденс-холл. Она вышла, чтобы ответить на звонок, и я не видел ее до тех пор, пока мы не закончили обход и не пересекли Честнат-стрит.

Сегодня у нас последний групповой ужин. Он обещает быть таким же утомительным, как и остальные, хотя Дейзи обещала, что стол нам сервируют настоящим столовым серебром. Ну, хоть что-то. Я бы предпочел провести время с ней наедине, но, будучи экскурсоводом, она обязана присутствовать на прощальном ужине.

Но после него я приглашу ее выпить. Она может заказать этот нелепый коктейль с шампанским и сказать мне, что она горячая штучка. Я смеюсь. Неужели это было всего лишь неделю назад?

Нужно выяснить, как быстро она сможет собрать вещи и приехать ко мне в Лондон. Я даже могу договориться, чтобы весь ее хлам упаковали и отгрузили. Лично я не против затащить ее в самолет с тем, что у нее есть, но женщины привередливые существа.

В конце экскурсии я получаю письмо от Риса с файлом о ее трудоустройстве. Местный экскурсовод, Гарри, привел нас к площади Франклина, нашей последней остановке. Мы стоим у фонтана в центре парка, а Гарри рассказывает нам о местности, группа внимательно слушает его через наушники. Дейзи отошла на пятнадцать-двадцать шагов, чтобы сделать еще один звонок.

Я вполуха слушаю Гарри — он говорит о широкомасштабной реконструкции, необходимой для того, чтобы фонтан снова заработал после поломки в семидесятых годах. Он замечательный гид, отлично ладит с людьми, реагирует на их отклик и уверен в себе.

В отличие от Дейзи.

Завтра, когда я увижу тетю Поппи, надо будет у нее спросить, кто отвечает за подготовку кадров в этом филиале. Что-то здесь не так. Не сходится. Дейзи сообразительная и очаровательная девушка, но ей не хватает навыков подачи материала и знаний о путешествиях. Мы явно плохо ее подготовили. Нужно было уделить этому больше внимания на неделе, но я слишком отвлекся на нее.

Обычно мы не нанимаем молодых экскурсоводов. Только в исключительных случаях и уж точно не для тура, в котором большинство туристов — это пожилые люди. Молодые и неопытные экскурсоводы обычно начинают с приключенческих туров с активной публикой.

Дейзи заканчивает звонок и заменяет Гарри. Она напоминает группе обратный маршрут в отель и время встречи к ужину. Рассказывает, где находятся сувенирные магазины и карусель в парке. Места, где можно выпить кофе или перекусить. Кажется, ей нравится Филадельфия. Может, чувствует себя комфортнее? Или просто рада, что ее работа на этой неделе почти закончена?

Я открываю письмо, в нем прикрепленный файл с именем Дейзи и записка от Риса.

Место проживания в Нейпервилле, штат Иллинойс. Дата рождения... ей исполнилось двадцать шесть лет. Дата найма... пять лет назад?

Дейзи работает в «Саттон Трэвел» пять лет?

Но она ведь говорила, что это ее новая работа? На которую устроилась после того, как ее уволили с должности дизайнера? Разве она не так сказала? Я смотрю, как она разговаривает с группой. Сегодня при ней нет блокнота. Я ее впервые вижу без него.

Я провожу рукой по затылку, чтобы снять возрастающее напряжение. По ее словам, это новый тур, но я сразу понял, что это ложь. Этот тур стоит в расписании в течение многих лет. Возможно, это новый тур для нее?

Как, черт возьми, ее наняли в двадцать один год?

Я вновь перечитываю письмо Риса.

Здесь сказано, что она образцовый сотрудник. Со стабильно хорошими отзывами от туристов. Есть даже специальные запросы о повторных заказах ее в качестве экскурсовода.

Какая-то ерунда. С нарастающим беспокойством я читаю дальше. Она начала работать как стажер, отмечает Рис. Должности, которой не существовало, но Дейзи отправила презентацию руководителю отдела и убедила его взять ее на неоплачиваемую стажировку. Она провела лето, обучаясь у наших лучших экскурсоводов. Руководитель отдела был так ею впечатлен, что по окончании университета у нее было предложение о работе.

Это объясняет срок работы. Но все остальное... Кто прикладывает столько усилий, чтобы получить работу, к которой не питает страсть? Это не сходится с той Дейзи, с которой я провел неделю.

Внезапно мне бросается в глаза еще одна странная информация.

Штат Аризона.

Она окончила университет штата Аризона. С дипломом в сфере гостиничного бизнеса. А не городского проектирования. Я не настолько закостеневший британец, чтобы не знать, что в Аризоне нет снега. Это чертова пустыня.

Она ведь рассказывала, как вышла на занятия пораньше из-за мороза, поскользнулась и порвала штаны.

С отвращением закрываю письмо и убираю телефон в карман.

Дейзи смеется над словами миссис Делайн. За ее спиной ветер подхватывает одну из струек воды в фонтане, и та разлетается на множество крошечных кристаллов.

Она прекрасна. Красивая, лживая обманщица.

Или сумасшедшая.

Кто так врет? С какой целью? Это все было для нее шуткой? И я тоже? Или она решила продолжить ту ложь, которую начала в баре отеля? Или же она всегда так развлекается?

Кто, черт возьми, эта девушка? Она не могла учиться в университете штата, где всегда жарко, и при этом упоминать о морозе. Не могла специализироваться и на городском проектировании, и на гостиничном бизнесе. И не может работать экскурсоводом и дизайнером одновременно.

Я знал, что она о чем-то врет, но решил не обращать на это внимания. Думал, это мелочь или какая-то глупость, типа ареста за пьянство в общественном месте во время учебы в университете.

Маленькая ложь, а не полное искажение действительности.

Дейзи замечает, что я смотрю на нее, и подмигивает мне. Подмигивает, мать ее. Я киваю в ответ, чувствуя, как у меня сводит челюсть от напряжения.

Мне нужно время, чтобы подумать, а потом я поговорю с ней.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Дженнингс

— Где будем обедать? — мы с бабушкой неторопливо возвращаемся в отель. Я предложил взять такси, но она настояла на прогулке.

На улице хорошая погода, а бабушка, кажется, не чувствует себя сильно уставшей. Пешком так пешком. До отеля около мили, и по ее просьбе мы идем через парк, мимо которого проходили во время экскурсии.

— Мне все равно, Дженнингс.

Это не совсем правда. Бабушка довольно привередливая, но я киваю и начинаю присматривать подходящий ресторан.

— Подожди, я знаю, чего мне хочется, — она останавливается и оглядывается, пытаюсь понять, в каком направлении мы идем.

— Конечно, — я вытаскиваю телефон, чтобы воспользоваться навигатором. — И что это?

— Мне хотелось бы попробовать чизстейк.

— Чизстейк? — я явно что-то неправильно понял. Бабушка не любительница чизстейков.

— Да. Мне хотелось бы попробовать нормальный чизстейк на Ридинг-Терминал.

Я ухмыляюсь и тут же думаю о том, как понравилось бы словосочетание «нормальный чизстейк» Дейзи. Но потом вспоминаю, что, когда дело касается этой девушки, мне стоит «делать ноги», а не размышлять о вещах, которые могут вызвать на ее лице улыбку.

— Хорошо, будет тебе нормальный чизстейк. Ридинг-Терминал — это что-то вроде рынка? — интересуюсь я, открывая приложение с картой на телефоне. — Ты уже была там раньше?

— Да, ты еще тогда даже не родился.

— Давненько это было. Пришло время сделать это еще раз.

Мы сворачиваем на Арк-стрит. Бабушка рассказывает мне о своей поездке в Штаты с дедушкой несколько десятков лет назад. Раньше они частенько путешествовали, и она скучает по этому. И по дедушке. Уверен в этом. Когда он умер, мы с кузенами начали по очереди ездить с ней в туры раз в год. Это мой второй тур с ней.

— Расскажи, как вы познакомились с дедушкой. Не думаю, что слышал эту историю.

— Не слышал? — мы останавливаемся на пересечении Восьмой авеню и Арк-стрит и ждем, когда сменится сигнал светофора. Бабушка поворачивается и оценивающе смотрит на меня. — Думаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы узнать ее, — наконец произносит она.

— Почему? Неужели ваш период ухаживания был связан со скандалом?

— Период ухаживания? А его и не было. Я знала, что родители воспротивятся нашему общению, поэтому мы сбежали, пока они не успели что-нибудь предпринять.

— Почему я не в курсе этой истории?

— Даже твой отец не знает ее.

— Начинай, не мучай меня.

Мы продолжаем идти, и бабушка рассказывает мне о том, как познакомилась с дедушкой. Она была домашней восемнадцатилетней девушкой, а он — привлекательным бродягой двадцати с небольшим. Бабушка безумно влюбилась в него и, зная, что родители не одобряют дедушку, уговорила его сбежать и тайно пожениться.

— Ты уговорила его?

— В молодости я была довольно убедительна.

Я ухмыляюсь, с нетерпением ожидая продолжения.

Когда они вернулись, ее мама была потрясена тем, что пропустила свадьбу единственной дочери, поэтому отец настоял на том, чтобы они притворились помолвленными, а не женатыми. За это он пообещал своему новоявленному зятю должность в только что основанной туристической компании. В общем, дал бы им хороший старт, если бы они согласились играть по его правилам.

— Вы согласились?

— Да, — со вздохом отвечает бабушка. — Это было разумно.

— Ну и правильно. Все ведь закончилось хорошо.

— В конечно счете, да. Но они заставили меня жить дома в течение четырех месяцев, чтобы устроить свадьбу. Твоего дедушку все это время в доме не привечали. Я была обладательницей молодого и привлекательного мужа, а мы вынуждены были встречаться тайком.

Я кашляю в кулак и открываю дверь в Ридинг-Терминал. Это что-то вроде крытого рынка с кучей палаток. Еда, цветы, кофе, конфеты — то небольшое, что я могу разглядеть со входа.

— Ты точно хочешь пообедать здесь? — на всякий случай уточняю я. Кто знает, может это место сильно изменилось за сорок лет.

Судя по сияющему виду, ничто не заставит бабушку повернуть назад. Мы с большим трудом находим свободный деревянный столик. Пока бабушка держит нам места, я покупаю два филадельфийских чизстейка и хватаю солидную стопку салфеток. А потом мы едим руками, и бабушка выглядит такой счастливой, что мне становится наплевать на отсутствие столовых приборов. И тарелок.

Закончив есть, мы бродим по рынку. Бабушка пару раз останавливается, чтобы купить безделушки, а я снова и снова прокручиваю в голове информацию, полученную от Риса, и сравниваю ее с тем, что знаю — или думал, что знаю, — о Дейзи.

Бессмыслица какая-то.

Такое ощущение, будто это два разных человека.

Может, она душевнобольная? И перестала принимать таблетки? Я задумчиво потираю большим пальцем нижнюю губу. Но Дейзи не похожа на сумасшедшую. Не больше, чем все нормальные люди.

На выходе с рынка, проверяю время на телефоне. Интересно, я успею поговорить с Дейзи до группового ужина? У меня к ней столько вопросов. Но с чего я взял, что получу на них правдивые ответы?

— Как думаешь, до отеля далеко, Дженнингс? — бабушка оглядывает Двенадцатую авеню, пытаюсь определить наше местоположение по отношению к отелю.

— Сейчас посмотрю, — я открываю приложение на мобильном. — Хочешь сказать, что устала? Мне взять такси?

Я начинаю забивать название отеля в телефон. Внезапно раздается визг тормозов. Я поднимаю голову... но уже слишком поздно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Вайолет

Где они, черт возьми? Вся группа — за исключением Дженнингса и его бабушки — уже в автобусе. Мы вот-вот должны отправиться на заключительный ужин, а они опаздывают. Я захожу в холл, оглядываюсь и смотрю на лифт в надежде, что сейчас он откроется.

Двери лифта открываются, но из него выходят не они.

Мы должны были выехать пять минут назад. Я тянула время, чтобы дождаться Дженнингса, но его все нет и нет. Они ни разу не опаздывали, должно быть, что-то случилось.

А может, я ошибаюсь? Может, он сам повел бабушку в ресторан? Я знаю, что Дженнингс ненавидит групповые ужины. Наверное, так оно и есть. Он сказал, что после него у нас будет десерт, но это вполне могло означать и что-то сладкое, и секс. Может, он имел в виду, что встретится со мной после ужина?

Возможно.

Тогда почему у меня плохое предчувствие?

Я еще раз осматриваю холл и выхожу. Джордж стоит возле открытых дверей автобуса и улыбается. Он всю неделю пытается ко мне подкатить. Вернее, к Дейзи. Я чувствую себя стервой, отвергая его. Он явно недоумевает, почему я с ним холодна, ведь у них с Дейзи хорошие отношения. Я ощущаю себя виноватой за его недоумение, хотя так не должно быть. Или должно? Все-таки отвергаю его именно я. Дейзи сказала, что между ними был просто секс, но он ради нее поменялся с кем-то турами.

Может, она нравится Джорджу больше, чем думает Дейзи? Или ему просто хочется секса? Впрочем, откуда мне знать?

Может, и Дженнингс хотел просто секса?

«Господи, Вайолет», — мысленно произношу я. Именно мне хотелось просто секса. С этого все и началось. Мне захотелось простой, ни к чему необязывающей случайной связи. Это я улыбнулась Дженнингсу и сказала, что готова. И это я сбежала на следующее утро.

Я не должна расстраиваться из-за того, что он исчез.

Не должна.

Именно этого я и хотела с самого начала.

Только....

Я передумала. Я сажусь на свое место, взволнованно покусывая нижнюю губу. К тому моменту, как автобус выезжает на дорогу — где-то через минуту, — у меня начинается паника. Утром после нашего знакомства я сбежала. Может, он решил отомстить мне?

Проклятье, я идиотка.

Идиотка.

Всю дорогу до ресторана я напоминаю себе, что видела его пять часов назад, и все было в порядке. Напоминаю себе об этом во время ужина. И по дороге в отель.

Когда последние туристы прощаются и покидают холл, я уже не так уверена, что сошла с ума. К тому моменту, как за мной закрывается дверь номера, сердце уже бьется как сумасшедшее.

Вам знакомо это ощущение, когда вы внезапно понимаете, что вас кто-то подвел? У вас еще нет доказательств, но интуицией вы это чувствуете?

И тогда вы начинаете сомневаться. Стоит ли готовиться к неизбежному? Или держаться

за надежду, пока она не исчезнет, и на вас не обрушится разочарование, подобно тонне кирпичей?

В комнате очень тихо. С улицы доносится городской шум, но в самом номере стоит оглушающая тишина.

Или это в моей голове тишина?

Почему меня все бросают? Неужели со мной *снова* разорвали отношения с помощью намека? И мы даже не поговорим об этом? Неужели он просто ушел?

Самое ужасное, что сейчас мне больнее, чем тогда, когда меня бросил Марк. А ведь я встречалась с ним два года. Но больнее сейчас.

Гораздо больнее.

Хоть бы раз услышать: «Дело не в тебе, а во мне».

«Нет, прекрати», — сдерживаю я себя. Мы увидимся с Дженнингсом завтра за завтраком. Я просто неправильно его поняла. Я же не вообразила себе эту неделю. И свою влюбленность. Нет, не вообразила.

Неожиданно раздается стук в дверь. Я разворачиваюсь, мгновенно чувствуя облегчение. Которое сменяют угрызения совести — за то, что сомневалась в нем, — и смущение из-за собственных мыслей же. Конечно, он пришел.

Я открываю дверь.

Но там не Дженнингс.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Дженнингс

Визг тормозов. Это было первым, что я услышал, а потом крики. Странно, что память проигрывает произошедшее в замедленном темпе, когда в реальности все происходит чертовски быстро.

Автомобиль врезался в фонарный столб и остановился прямо на обочине. Столб не выдержал удара и упал на строительные леса, расположенные в передней части рынка. Те, в свою очередь, рухнули.

Фрагмент металлического настила ударил бабушку по голове. После этого я помню лишь проблесковые маячки скорой помощи. Бабушку погрузили в неотложку, а она все уверяла, что в порядке, хотя салфетка, которую прижимал к ее голове фельдшер, была в крови. Она потеряла сознание по дороге в больницу и только тогда перестала уверять нас, что в порядке.

На память о произошедшем мне достались восемь швов на предплечье, а бабушке сделали компьютерную томографию. И теперь мы спорим по поводу того, что она должна остаться на ночь в больнице.

— Мы оставим вас на ночь, — заявляет доктор, и бабушка недовольно цокает.

— Но у нас утром рейс, — говорит она. Мы с доктором смотрим на нее, мало впечатленные ее возражениями.

— Миссис Андерсон, у вас кровоточащая рана на голове, вы должны принимать препарат для разжижения крови. Вам стоит остаться на ночь для наблюдения.

— Ты точно остаешься, — говорю я ей. Она упрямая женщина, но в этот раз победа не за ней. Потребовалось две шовных скобы, чтобы закрыть рану, поэтому если доктор считает, что ей стоит остаться, то она остается. — Я продлю наше пребывание в отеле и отменю

рейс. А когда тебя выпишут, возьму машину и отвезу в Коннектикут. Бетани не больше чем в трех часах езды отсюда. В твоём состоянии проще будет добраться на машине, чем на самолёте.

Доктор на моей стороне, так что бабушка, к счастью, проигрывает этот бой. К тому времени, как её оформили и перевезли в отдельную палату, часы посещения закончились. Убедившись, что она устроена и ни в чём не нуждается, я прощаюсь с ней до утра и ухожу.

Адреналин, бурлящий в крови последние несколько часов, позволил мне немного отвлечься от Дейзи. Но сейчас я начинаю беспокоиться о том, что она подумала.

Мы определенно пропустили прощальный групповой ужин. Уверен, Дейзи недоумевает, что со мной случилось. Я же думаю, что, черт возьми, с ней делать.

Я потерял мобильный во время падения настила, из-за чего день пошел коту под хвост, но, по крайней мере, мне не пришлось мучиться, перечитывая письмо Риса снова и снова.

Хотя это и не нужно, её вранье отпечаталась у меня в памяти.

Слава богу, в отеле остался ноутбук. Нужно будет отправить письмо помощнице и попросить её отменить рейс до Коннектикута и перенести рейс в Лондон. Арендовать машину. И написать тете Поппи, чтобы не встречала нас в аэропорту.

Смена планов.

Но сначала...

Дейзи.

Я дико хочу вернуться к ней. Поговорить и во всем разобраться. Девушка, с которой я провел неделю, — настоящая, я знаю, что она настоящая. Знаю, что связь между нами настоящая.

Я знаю, что влюбляюсь в неё.

По крайней мере, в ту девушку, с которой провел неделю.

Во мне бушуют противоречивые чувства, потому что все это выглядит не очень хорошо. Нестыковки, ложь — бессмыслица какая-то. Меня охватывает беспокойство. И страх, что она не сможет объясниться.

Но бесполезно впрягать телегу перед лошастью. Я подхожу к отелю. Мне просто нужно поговорить с ней и прояснить ситуацию. Я останавливаюсь на ресепшне, чтобы продлить пребывание, а затем прохожу мимо лифта и направляюсь к лестнице. Дейзи живет на втором этаже, так будет быстрее.

Об этом решении я сожалею буквально спустя несколько минут. Хотя, возможно, не стоило бы. Возможно, я должен быть благодарен за то, что застукал их, когда завернул за угол. Благодарен, что вообще застукал. Я чуть было не опоздал. Еще секунда, и их уже не было бы. А я бы стучал в её дверь, ни о чём не подозревая.

Открыла бы она?

Может, запихнула бы его в шкаф? Распахнула бы дверь и улыбнулась мне в лицо? Или бы просто проигнорировала стук?

Я никогда не узнаю.

Оно и к лучшему.

Потому что Джордж добирается до номера Дейзи быстрее меня с охапкой маргариток в руках. Дверь открывается, она протягивает руку, хватая его за предплечье и затаскивает в комнату. Замок защелкивается, и этот звук отзывается выстрелом в моем гребаном сердце.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я обманулся, думая, будто это было чем-то большим. Думая, что Дейзи была той, кем не являлась.

Вайолет

Уверена, что выражение лица у меня было очень глупое. Стоило этого ожидать. Надо было стараться лучше, чтобы подобного не произошло. У меня опускаются плечи, я протягиваю руку, затаскиваю его во внутрь и захлопываю дверь.

Концерт окончен. Неделя тоже. Придется довериться Джорджу и понадеяться, что он не донесет на Дейзи за мошенничество, потому что я не могу ему не признаться. Не в этот момент, когда он стоит у меня в дверях с цветами.

С маргаритками.

Дверь защелкивается, а я думаю, что ему сказать. Когда я поворачиваюсь, чтобы извиниться, то обнаруживаю, что он стоит совсем близко. Намереваясь поцеловать. Я сразу же отталкиваю его.

— Эй! Я сказала, что ты можешь войти. Про поцелуй речи не было.

— О, — удивленно произносит он и, подняв руки, отступает назад. — Извини.

Мы напряженно смотрим друг на друга.

— Я запутался, Дейзи. Думал, нам было весело вместе.

— Было, — соглашаюсь я, хотя и не уверена, почему вообще это говорю. Я ведь не знаю, что произошло между Джорджем и Дейзи. Она сказала, это было несерьезно, но, быть может, для него все не так?

Нет, он не смотрит на меня так, как это делает Дженнингс. Даже близко не похоже. Они с ней, возможно, провели весело время, и это так мило, что он принес цветы, но Джордж просто парень, который недоумевает, что нашло на его подружку с привилегиями.

Он хороший парень, я уверена. Но ничего больше.

Моя сестра заслуживает того, кто смотрит на нее так, как на меня смотрит Дженнингс. Поэтому я не стану говорить Джорджу правду. Я порву с ним. Если это взбесит Дейзи, то мне жаль, ей с самого начала не стоило посылать меня вместо себя.

Хотя если бы не она, то я не встретила бы Дженнингса. Эта мысль подобна удару под дых — как и та, которая следует сразу за ней. Что я без понятия, почему он не появился сегодня вечером, и что, возможно, мы покончили с нашими отношениями.

— Нам было весело, но сейчас я кое с кем встречаюсь, — говорю я Джорджу с жалостливой улыбкой а-ля «Вали отсюда». — Мне стоило прояснить этот вопрос, — добавляю я и замолкаю, надеясь, что остальное он додумает сам. «Я встречаюсь с кем-то, поэтому спать с тобой не буду. Спокойной ночи».

— С британцем?

Я киваю.

— Ты только недавно с ним познакомилась, — Джордж явно не впечатлен.

— Если это твое, то понимаешь сразу, — язвлю я, но понимаю, что это правда.

— Не думал, что тебе это интересно.

— Что? Любовь?

Он пожимает плечами.

— Да.

— Ну спасибо, — иронично замечаю я. — Но мне это интересно. Прости, что на этом твой тур потрапушек по историческим местам восточного побережья закончен, — говорю я

немного резко, ну и хрен с ним. Чувство вины, которую я чувствовала из-за своего вмешательства, исчезло. Дейзи заслуживает лучшего.

— Я не думал, что у тебя могут быть серьезные намерения, вот и все, — он имеет наглость выглядеть огорченным, когда это говорит.

Это заставляет меня задуматься, а сложно ли быть Дейзи, веселой близняшкой? Мне всегда казалось, что это должно быть легче, но, возможно, я ошибаюсь? Сестра не так осторожна, как я. Она с головой погружается во все, в том числе и в отношения. Рискует и извлекает из всего максимум пользы. Но это не означает, что ей легче.

И что ей не больно, когда ее не воспринимают всерьез. Это не значит, что она не заслуживает чего-то большего. Чего-то настоящего.

Я провожаю Джорджа до двери и провожу остаток ночи, убеждая себя, что увижу Дженнингса утром.

Хоть и не верю в это.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дженнингс

— Спасибо, что приехал за мной, — говорю я Рису, закидывая сумку в багажник Теслы. Он хлопывает его, обхватывает меня руками в типичном американском объятии и с энтузиазмом хлопает по спине. Я нехотя отвечаю ему тем же и перевожу взгляд на машину.

— Новая?

— Ага. Купил перед поездкой в Вегас. Если хочешь, можешь сесть за руль.

— Нет, Рис. Я напился.

— В самолете? — он осуждающе качает головой. — Да у них на борту нет нормального алкоголя.

Рис прав. Но мне было все равно.

— Еще нет и трех часов, а ты уже набрался дешевым спиртным, — подытоживает Рис, оглядывая меня. — И не привез с собой новую даму сердца.

— Новую даму сердца? — я недовольно смотрю на него, но он, скорее всего, не замечает этого. Как только мы проходим автоматические двери и оказываемся на улице, я надеваю очки. В этой чертовой пустыне жарче, чем на поверхности Солнца. — Ну ты и кретин.

— Дейзи, — уточняет Рис, как будто у меня их много.

— У тебя в номере есть бурбон? Лучше, чтобы был. А бар отеля уже забили алкоголем? — интересуюсь я, открывая пассажирскую дверь. Машины, подбирающие пассажиров в Маккарран, стоят в три ряда, и пронзительный свист охранника, который пытается разрулить хаос, еще больше ухудшает мое настроение.

— Есть, и много, — отвечает Рис, усаживаясь за руль. — Как бабушка?

— В порядке, — я плюхаюсь на сиденье и опускаю козырек, чтобы солнце не светило в глаза. — Бабушку продержали в больнице ночь для наблюдения, но с ней все отлично. Вчера я отвез ее к твоей маме. Она постелила мне в твоей старой спальне, а утром накормила оладьями.

— Тебе повезло, ублюдок.

— Она передала тебе печенье. Они в моей сумке.

— Песочное?

— Оно самое. Мне кажется, что она за тебя переживает.

— Переживает? Почему?

— Беспокойся, что ты живешь в казино и трахаешься с женщинами сомнительных моральных качеств.

— Моя мама не могла такого сказать, — смеется Рис.

— Ты прав. Думаю, ей просто хочется, чтобы ты звонил почаще. Как бы то ни было, я заверил ее, что ты до сих пор девственник и обязательно звякнешь ей в выходные.

— Спасибо, я твой должник.

Мы молча встраиваемся в поток машин. Как только проезжаем по аэропортовскому кольцу и выкруливаем на Свенсон-стрит, Рис снова интересуется Дейзи.

— Вы, гребаные американцы, такие любопытные, — ворчу я.

— Если хочешь, могу рассказать тебе о танцовщице сомнительных моральных качеств, которую трахал прошлой ночью.

— Боже, Рис, — я закрываю глаза и тру висок. Голова начинает раскалываться.

— Так что произошло? Рассказывай, дружище. Я думал, эта девушка сделает из тебя честного мужчину.

— Как оказалось, честность не была ее сильной стороной.

— Ой.

— Да.

Он замолкает, и во мне просыпается надежда, что его расспросам пришел конец. Конечно же, я был неправ. Реальность оказывается иной.

— Я так понимаю, тебе нужно выпить, прежде чем приступить к рассказу, — мы останавливаемся на светофоре, и Рис барабанит пальцами по рулю.

— Что ты хочешь узнать, назойливый ублюдок?

— Все с самого начала. И не вздыхай как маленькая сучка.

— Ладно, — соглашаюсь я, пытаюсь вспомнить, в какой момент все пошло наперекосяк.

— Она что-то скрывала. С самой первой ночи она что-то скрывала.

— Как и ты, — напоминает мне этот чертов мерзавец.

— На чьей ты стороне?

— Господи, ты что, баба? Эта цыпочка и правда сильно обидела тебя.

— Ты прав, — загорается зеленый, и мы пересекаем Тропикана-авеню. Вегас-стрип находится по левую сторону, через несколько улиц, и его невозможно не заметить. Также, как и Дейзи. — Давай прогуляемся по зданию, хочу глянуть на то, что изменилось с моего последнего посещения. Остальное расскажу тебе, после того как выпью.

В течение следующих двух часов мы осматриваем новый отель. Вегас не похож на то, к чему я привык. Огромный и безвкусный, на мой взгляд, зато здесь можно делать деньги. «Виндзор» должен открыться через месяц. По местным стандартам, он маленький — всего две тысячи номеров. Этаким большой бутик. Какой нелепый оксюморон.

Мы выкупили это здание два года назад. Прежний застройщик отказался от проекта практически на стадии завершения. Тогда осмотр вызвал у меня странные чувства. Зброшенное пространство с нереализованным потенциалом. Сегодня все иначе. Повсюду снуют рабочие. На наших глазах доставляют слот-машины.

Рис нашел это здание и убедил меня и совет директоров в целесообразности его приобретения. И вот мы здесь. Первоначальные планы были изменены в соответствии с нашим корпоративным видением и целями. Мы не стали начинать строительство заново, а

предпочли быстро переделать то, что уже имелось.

— Отличная работа, Рис, — говорю я ему по пути в апартаменты. В отеле есть отдельный этаж с квартирами для руководящего состава, если они вдруг предпочтут жить здесь же, на работе.

— Спасибо, — он информирует меня о предполагаемой заполняемости отеля до конца года. Вполне реальные цифры. Я и сам просчитал их и полагаю, что в течение восемнадцати месяцев это предприятие станет самым доходным для нашей компании.

Но сейчас меня мало интересует бизнес. Честно говоря, я приехал развеяться.

— А теперь покажи мне, как развлекаются в Вегасе.

У Риса загораются глаза, и он хлопает меня по спине. В этот момент открываются двери лифта.

— Я знаю, что тебе поможет.

Знаменитые последние слова.

Четыре шота спустя я все ему рассказываю. Рис притащил меня в бар к какому-то приятелю в Хендерсоне. Ну хоть не в стриптиз-клуб. Хотя, конечно, он приглашал. Когда я отказался, предложил снять проститутку. Кажется, его мама не зря беспокоится за сына.

— В общем, я возвращаюсь в отель, — рассказываю я. — Из-за происшествия мы пропустили прощальный ужин. Как только бабушку устроили в палате, я поспешил вернуться в отель. Мне отчаянно хотелось увидеть Дейзи, даже если она немного и сумасшедшая.

Мы сидим в баре, и я жестом прошу подать еще один шот.

— Это точно, — Риз внимательно выслушивает мой пьяный бред. Он отличный друг.

— А в ее номер входит гребаный водитель.

— О, — морщится он.

— Вот именно! Парень, с которым у нее якобы ничего нет. Заходит в ее номер в пятнадцать минут одиннадцатого, ночью практически.

Риз с сочувствием качает головой

— Лживая шлюха.

— Не называй ее так, — огрызаюсь я и ставлю рюмку перед собой.

— Извини, — кузен поднимает руки вверх. — Думал, ты ее ненавидишь. Я все понял.

— Может, она пыталась таким образом вернуть водителя? Ну, когда подцепила меня в ту ночь. Как считаешь?

— Может, — Рис пожимает плечами. Что еще он мог сказать?

— Хотя не думаю, что это ее обычное поведение. Имею в виду, снимать мужчин в баре. Ей было явно неловко.

Между шотами я прикладываюсь к бурбону и пытаюсь воспроизвести в памяти события того вечера.

В голове сплошной туман.

— Ее вагина будто нирвана, — почему-то моему пьяному мозгу показалось очень важным упомянуть об этом. — Также, как и рот, — я опускаю голову на руки, лежащие на барной стойке.

— Лучше я промолчу, — бормочет Рис и подносит бокал ко рту. Час назад он отдал ключи бармену и устроился на стуле, чтобы наблюдать за тем, как я напиваюсь, и выслушивать мой пьяный бред.

— Она сбила меня с толку.

— Своей волшебной вагиной?

— Да, точно, — я оглядываюсь. — А у них есть еда? Мне кажется, нам стоит перекусить.

— Нет, но можно заехать в «Ин-Эн-Аут Бургер» по пути назад.

— У нас нет ключей, Рис. И ты не можешь садиться за руль Теслы пьяным. Знаю, эта гребаная штуковина может ехать сама, но этого нельзя допускать. Не успеешь оглянуться, как люди начнут отправлять детей в садик на машине без водителя! Мир катится в ад, — я качаю головой, подумывая пригрозить кулаком в воздух, как какой-нибудь старик. Потому что я и есть старик.

— Мы поедem на такси, — отвечает он, доставая телефон. — Когда будем готовы.

— Черт, — рычу я. — У меня нет телефона. Я потерял его во время происшествия. Мне не с кем трахаться и нет мобильного.

Я оглядываюсь и залпом допиваю остатки бурбона, после чего неуверенно встаю.

— Судя по всему, ты готов, — Рис вызывает такси по телефону одной рукой, а второй подает сигнал бармену.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вайолет

Я с облегчением опускаю чемодан Дейзи на пол перед входом. Дом, милый дом. Или, как в моем случае, милый диван Дейзи. Путешествия — это так утомительно. А путешествовать, когда ощущаешь к себе жалость, утомительно вдвойне.

Но все закончилось.

И тур.

И связь с Дженнингсом.

Мне хочется ненавидеть его и злиться за то, что он показал мне нечто чудесное, а потом лишил этого. Но я не могу.

Ладно. Я немного зла. Я скидываю туфли и, достав из холодильника диетическую содовую, плюхаюсь на диван.

Все равно это было большим обманом.

Потому что я лгунья и все это заслужила. Но я пыталась говорить правду. По мере возможности.

Мои чувства были настоящими.

В квартире Дейзи настолько тихо, что я слышу, как тикают часы на стене. Тик-так, тик-так.

Он ушел, даже не попрощавшись. И я вроде как чувствую себя подавленной из-за этого. Нет, ну как, черт возьми, такое могло произойти дважды? С Марком я хотя бы могла сказать ему в лицо, что он придурок. А Дженнингсу я оставила записку, потому что не смогла его найти. Я притворилась, что беспокоюсь о том, как он собирается добираться в аэропорт, и поинтересовалась на ресепшне, не выехал ли он. Обычно подобную информацию не разглашают, но они знали, что я экскурсовод.

Нет. Он *продлил* пребывание. Дженнингс и его бабушка.

Поэтому я оставила ему записку на ресепшне. Не знаю, получит ли он ее, но я должна была это сделать.

И теперь сижу здесь, на диване, в противоречивых чувствах. Мне безумно хочется найти ему оправдание. Понять, что же произошло. Возможно, случилось что-нибудь

непредвиденное? Может, я не поняла его и должна была ждать в каком-то другом месте? И не появилась именно я?

Но потом у меня включается разум, который отмечает это как маловероятное. Что он знал, в каком номере я остановилась. Что не оставил для меня записку и не брал трубку. Что он вообще ничего мне не должен.

И у меня нет права расстраиваться.

Мне нужна была случайная связь, и я ее получила. Вспомнив о том, как сказала ему, что он нужен мне для секса на одну ночь, я морщусь. Вот же идиотка.

Я открываю газировку и продолжаю дергать за язычок, пока тот не отваливается. Не знаю, почему сейчас это сделала. Мне не нравится пить из банки без язычка. Содовая на вкус все та же, но ощущения уже не те — странные и незнакомые.

Вот такая я. Сама себе и порчу ощущения.

А может, он тоже лгал? Может, у него нет работы, и он живет у бабушки? Дженнингс упомянул, что у него есть собственный дом, но и я ведь сказала, что работаю экскурсоводом. Что, если он находится в розыске или смертельно болен, поэтому не хотел, чтобы я проходила через боль потери в связи с его медленным угасанием.

Ладно, это маловероятно.

Он бы не смог пройти таможенный контроль, если бы его разыскивали. И у смертельно больного человека не бывает такой выносливости.

Неужели для него это было просто недельным развлечением? Чтобы отвлечься от реальности. Чем оно должно быть с самого начала и для меня. Связью на одну ночь, когда я притворялась той, кем не являюсь на самом деле. Девушкой, подобной моей сестре. Общительной, непосредственной и, да, легкодоступной.

Наверное, я была всего лишь развлечением, как Дейзи для Джорджа, и глупо думать, что это не так.

Вот только... что бы это ни было, Дженнингс стал для меня важен. Мне казалось, что я для него тоже. Я это знаю. Получается, он либо чертовски хороший актер, либо трус.

Да! Скорее всего, так оно и есть. Он боится обязательств. Этот тридцатишестилетний мужчина с работой и собственным домом, который вряд ли был бы одиноким, если б с ним все было в порядке.

Спорю, ему даже не тридцать шесть. А почти тридцать семь. Ха!

Ух ты. Я не большой специалист в критике. Хотя навряд ли можно считать критикой то, что не высказано вслух. Какая же я дура.

Ко всему прочему, у меня назначено собеседование по поводу работы.

На следующей неделе.

В Лондоне.

Мы были на экскурсии по Филадельфии, когда раздался звонок. Я отошла от группы, пока они осматривали Индепенденс-холл, и вышла на улицу, где и стояла, прижав телефон к уху с широкой улыбкой на лице. Это работа мечты. Мечты, о которой я не смела и думать, пока Дженнингс не предложил попробовать. Он практически заставил меня сделать это.

Работа в «Сагтон Интернэшнл» — головной компании турфирмы, в которой трудится Дейзи, — в их лондонском офисе. Я отослала им резюме, когда Дженнингс предложил попробовать подняться по карьерной лестнице в самой корпорации. Естественно, я подала документы как кандидат со стороны, потому что на самом деле на них не работаю. Словом, Дженнингс подал мне идею, и я подумала, почему бы и нет? Почему не попробовать

устроиться на работу как Вайолет? Я сделала это. И мне позвонили.

Когда я сняла трубку и поняла, откуда звонят, то подумала, что меня раскусили. Как будто они станут звонить на мобильный и спрашивать, не притворяюсь ли я Дейзи.

Мне предлагают должность в отделе дизайна и строительства. Я буду работать с командой, занимающейся дизайном и ремонтом отелей, которые компания приобретает для европейского рынка. А иногда и исторических зданий. Я сразу представила себе эпоху и ее очарование и чуть не щелкнула каблуками, когда разговаривала с представителем отдела кадров.

Остаток дня у меня было такое ощущение, что я знаю лучший из секретов в мире. Мне не терпелось поделиться им с Дженнингсом, но вокруг было слишком много людей. Я решила сделать это после ужина. Он был бы в восторге. Я была бы в Лондоне на следующей неделе! И смогла бы увидеться с ним снова на следующей неделе! А если получу работу, то смогла бы видеться с ним постоянно!

Но этой новостью поделиться с ним мне так и не удалось.

Просто удивительно, как быстро уверенность сменяется противоположным чувством. Я была уверена в своем желании собрать вещи и переехать в Лондон. Ради себя и Дженнингса. Я всегда мечтала жить за границей.

Собеседование назначено на понедельник. Если я вообще на него поеду. Хотя мне следует это сделать. Они оплачивают перелет и две ночи в отеле. Это будет мое первое путешествие в Лондон. Впереди не так много времени, но пройти собеседование, попробовать рыбу с картофелем фри и купить сувенирный магнитик в аэропорту я успею. Только особого желания сейчас нет. Я представляла себе это по-другому. А вдруг я просто напрасно потрачу время? К тому же я полностью не уверена, что соглашусь на эту работу, если мне ее предложат.

У меня ведь есть еще один вариант. В пятницу назначено собеседование с местной компанией. Недалеко от дома. Хотя у меня все равно нет дома, поэтому последний пункт не важен. Но работа находится в полчасе езды от дома Дейзи. Оплата неплохая — на десять процентов больше, чем я получала раньше, плюс премии. Я могла бы быстро встать на ноги и переехать в свое жилье.

Две недели назад я бы прыгала от радости. Хорошее предложение. То, что я искала. Возможность карьерного роста. Безопасный вариант.

Но сейчас? Сейчас я хочу большего. Мне хочется приключения. Хочется подтолкнуть себя и воспользоваться шансом. Расправить крылья и улететь за пределы родного города. Но смогу ли я? Особенно без любви в качестве стимула.

Хватит ли мне духу самой переехать в другую страну? Это безумие. И совершенно дурацкая идея.

«В духе Дейзи», — с улыбкой думаю я и беру телефон, намереваясь ей позвонить. Но едва открываю список контактов, как раздается звонок. От нее.

— Я только что собиралась связаться с тобой.

— Ха-ха, — отвечает она. — Я тебя опередила.

— Ага, на три секунды.

— Ты уже дома?

— Да. Сажу на диване и пью содовую.

— Остаток тура прошел нормально? Ты выжила? И не ненавидишь меня за то, что я заставила тебя это сделать?

— Я выжила. И, наверное, мне и правда нужен был толчок.

— Неужели так сложно было это признать?

— Немного. А что насчет тебя? Как дела с заклятым другом?

— А почему ты спрашиваешь? Тебе что-то рассказали?

— Что рассказали? — я морщусь, хотя она и не может видеть этого. — Мама должна была проинформировать меня о твоей сексуальной жизни?

— Нет. Думаю, что нет. А как насчет твоего британского любовника? Вы с ним тайно поженились? Я даже не буду на тебя злиться. Просто скажи.

— М-м, нет. Мы точно не поженились тайно, — я пытаюсь говорить веселым тоном, но получается довольно жалкое подобие.

— У меня дурное предчувствие. Что случилось?

Сделав глубокий вдох, я ввожу ее в курс дела.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дженнингс

— Твой мудака-кузен все еще здесь?

Услышав голос Кэнона, я отрываю взгляд от ноутбука.

— Здесь, — кричу я, хотя он разговаривает с Рисом. — Кстати, я все еще твой босс.

— У него до сих пор плохое настроение? — не обращая на меня внимания, спрашивает Кэнон Риса. — Я не могу смотреть игру при такой ауре.

Вот же говнюк. Держа в руках две коробки пиццы, он заворачивает за угол гостиной Риса, и усмехается, изображая удивление при виде меня.

— О, виноват. Ты здесь.

— Отвали.

— Хорошо выглядишь, — коробки с глухим стуком падают на журнальный столик. Кэнон достает себе пиво из холодильника. Я не могу хорошо выглядеть, так что он явно съязвил. — Я пропустил начало матча? — интересуется он и бросает пивную крышку на кухонную стойку. Она отскакивает и ударяется о кафельный бортик.

Место, в котором они живут, похоже на идиотское студенческое общежитие в американском стиле. Правда с обслуживанием номеров, парковкой и в пяти минутах езды от работы. Я бы серьезно засомневался в их способностях управлять отелем, если бы хорошо не знал этих ребят. И если бы своими глазами не видел их за работой.

Я прищуриваюсь, когда Кэнон плюхается на диван и отбрасывает в сторону крышку от коробки. Трудно поверить, что эти идиоты способны на многое, когда я вижу их такими, и уж тем более в то, что они руководители. В общем, рабочие жилые помещения превратились в общежитие с непрекращающимися вечеринками.

— Ты попросил в баре прислать еще одну бутылку бурбона? — спрашивает Рис. Понимаете, о чем я? У них есть алкоголь с доставкой и бар с неограниченным счетом. И не важно, что бурбон на самом деле для меня.

Придется огорчить тетю Поппи, что Рис никогда не вернется обратно в Коннектикут. Насколько я могу судить, эти придурки будут жить в отеле, пока у них не отвалятся члены. Вчера в коридоре я прошел мимо стриптизерши, которая входила в чью-то комнату. Может, это была и проститутка, но мне хочется верить, что попал в яблочко с первым вариантом.

Я спросил у Риса и Кэнона, стоит ли мне волноваться о происходящем здесь, и они

заверили меня, что нет. И теперь я засранец.

Треклятые американцы.

Я наливаю себе выпить, а эти двое разваливаются на диване и делают звук игры погромче.

Я абстрагируюсь от них и продолжаю читать личное дело Дейзи. Уже в который раз. Здесь что-то не сходится. Я уже прочитал отзывы о ней и не смог найти явных нестыковок. Ее диплом из штата Аризона настоящий. Получается, она соврала о том, что ходила в университет штата Пенсильвания. Должность экскурсовода является контрактной, но Дейзи стабильно работала в течение последних четырех лет. Значит, она соврала о работе дизайнера. Потому что я не понимаю, как она смогла бы успевать делать и то, и другое.

Но зачем?

Зачем говорить мне, что ее недавно наняли в качестве экскурсовода? Эта ложь не имеет никакого смысла. Ни одна из них не имеет, но именно эта кажется наиболее бессмысленной. Если только она не солгала о потере работы. О свиданиях с боссом и увольнении. Человек должен быть психически больным, чтобы так искренне врать.

Я просто чего-то не замечаю.

В записке, которую она мне оставила, было сказано, что я мудилозвон.

«Ты невероятный мудилозвон», — написала Дейзи. Может, думала, будто я ее не понял бы, напиши она просто «мудак»?

Она бесспорно чокнутая.

Я со стоном отодвигаю ноутбук в сторону.

— Ты плохо влияешь на мою ци, братан, — произносит Кэнон и протягивает мне коробку с пиццей. Я беру кусочек, потому что сочетание первогоклассного бурбона и дерьмовой пиццы — наименьшая из моих проблем.

— Ты бы не признал ци, даже если бы та отсасывала тебе член, — замечаю я ему. И это правда. Кэнон не какой-нибудь дзенканутый.

— Наконец-то! — он бросает коробку обратно на стол и торжествующе поднимает руки вверх. В одной из них пиво, и я жду, что оно разольется, но Кэнон явно натренировался размахивать руками с банкой, так как не теряет ни капли. — Я знал, что глубоко внутри тебя есть чувство юмора. Нет, — качает головой он. — Это ложь. Я не верил в это. Но Рис утверждал обратное, а я ему поверил.

— Спасибо, — сухо говорю я. Мне плевать, даже если я достал его своим плохим настроением.

— Над чем работаешь? — интересуется Рис, отрывая глаза от матча и искоса глядя на открытый ноутбук. Как будто он не знает, над чем я работаю.

— Все еще изучаю то личное дело, которое ты мне прислал. Пытаюсь придать всему этому смысл.

— Придать смысл? — переспрашивает Кэнон. Назойливый ублюдок, что и понятно, учитывая его должность начальника службы безопасности.

— Я про моего экскурсовода на прошлой неделе. Ничего из того, что она мне наговорила, не соответствует ее делу. Я думал, что, возможно, ее трудовая книжка — подделка, но вроде бы все в порядке.

— Это проблема отдела безопасности, — отвечает Кэнон, перекладывая ноутбук на диван и начиная просматривать открытый документ. — Дейзи Хэйден, — произносит он вслух. — Звучит сексуально.

— Поуважительней, Кэнон. Он все еще в нее влюблен, — замечает Рис. Я неодобрительно смотрю на него, но тот ничего не замечает, поскольку все его внимание приклеено к телевизору.

— Я всего лишь хочу сказать, что с женщиной по имени Дейзи ты просто обязан хорошо провести время.

Я потираю висок указательным пальцем. Кажется, приближается головная боль.

— Хорошо, давайте посмотрим, что у нас есть.

Кэнон просматривает документы. Наверное, стоило попросить его взглянуть на них два дня назад. Его пальцы порхают над клавиатурой, открывая программы, к которым даже у меня нет доступа. Не уверен, что он вообще сейчас использует базу данных компании.

— Откуда у тебя доступ к этому?

— Не спрашивай.

Не буду. Вместо этого я делюсь с ним тем, что знаю.

— Значит так, приводов нет. Проблем с налогами тоже. Хорошая кредитная история, — он начинает быстро печатать, а затем останавливается и поворачивает компьютер в мою сторону. На экране высвечено ее удостоверение. — Это она?

— Да.

Он разворачивает ноутбук обратно и печатает что-то еще.

— Аренда на ее имя. Двухкомнатная квартира в Нейпервилле, штат Иллинойс. Вполне хорошее место, — пожимает он плечами.

— Да, она сказала, что живет там. Думаю, это правда.

— Отличные отзывы о работе.

— Вот с этой частью у меня нестыковки. Она была среднестатистическим экскурсоводом, и это в лучшем случае. Нервничала. Много забывала.

— Может, это потому, что она спала со своим боссом, — предполагает Кэнон.

— Слишком рано, — орет Рис с другого конца дивана.

Кэнон кивает и продолжает читать. Я допиваю стакан и наблюдаю за игрой по телевизору, хотя даже не понимаю, какие команды играют.

— Кто такая Вайолет Хэйден?

— Кто?

— Контактном для экстренной связи в ее личном деле указана Вайолет Хэйден.

— Да хрен знает. Она никогда не упоминала о Вайолет. Сестра? Мать? — какая разница?

Кэнон печатает дальше, а затем ухмыляется. Не думаю, что когда-либо видел его таким веселым.

— Свидетельство о рождении. Штат Иллинойс, — объявляет он.

— Господи боже, она лгала о своем возрасте? — меня охватывает ужас. — Она ведь совершеннолетняя, да? Я спрашивал. Она выглядела молодой, но не настолько. Черт побери.

— Ей двадцать шесть лет, — подтверждает Кэнон, глядя на меня как на идиота.

— Да, она сказала, что ей двадцать шесть. К чему ты клонишь?

— Они близняшки, — медленно произносит он, как будто это что-то важное.

— Ну и? — Я смотрю на него, переваривая услышанное. У нее есть сестра. Она упоминала об этом. Кэнону это кажется важным. Может, я что-то упускаю? Наверное, последний стакан был лишним.

Кэнон снова печатает.

— Университет Пенсильвании, диплом в области городского проектирования, — говорит он и взмахивает рукой, как будто я должен что-то понять.

— Да, так сказала Дейзи.

— Работала младшим дизайнером, пока полгода назад компания, на которую она работала, не была выкуплена, — произносит он чуть медленнее, как будто...

О. Дьявол.

Они поменялись местами.

Я наклоняюсь вперед, упираясь локтями в колени, и тру лицо ладонями. Так я был не с Дейзи, а с Вайолет. Несколько раз прокручиваю ее имя у себя в голове, вспоминая время с ней. Все сходится, не так ли? Она говорила мне правду. Вроде как.

— Зачем? На хрена делать такие вещи?

— Черт ее знает. Это твоя проблема, не моя.

Я вспоминаю ее блокнотик. Как она нервничала во время экскурсии. Не знаю, зачем они это сделали, но навряд ли это происходило постоянно. Но почему она просто не призналась мне?

Если они поменялись, то все, что она сказала мне, было правдой. Я помню, как спрашивал ее о водителе, были ли у них отношения. Выражение искреннего удивления на ее лице сменилось отрицательным ответом. Она тогда показала на себя и твердо сказала, что нет.

Но вот у ее сестры были. Теперь понятно. Все встает на свои места. Джорджу она тоже не рассказала о подмене. Неудивительно, что парень выглядел смущенным всякий раз, когда они находились в одной комнате.

Я действительно невероятный мудилозвон

— Где она? Где Вайолет? — спрашиваю я у Кэнона. — У тебя есть ее адрес?

Снова стук по клавиатуре.

— Нет, — наконец отвечает он. — Секунду. Я выясню. Люди бы очень удивились, узнав, как легко это сделать, — довольным тоном произносит он, явно получая удовольствие от кибер-преследования людей. Я мысленно делаю пометку, что в будущем не стоит с ним ссориться.

Пока Кэнон занимается поиском, я хожу из угла в угол. Ну не может быть такого, что ее окажется трудно найти. Я знаю, где живет ее сестра. Если что, появлюсь на ее пороге и потребую, чтобы она сказала мне, где Вайолет.

— У нее есть твой адрес? — наморщив лоб, спрашивает Кэнон.

— Нет, не думаю. Я упоминал, на какой улице я живу, но ничего конкретного. А что?

— Она в Лондоне.

Проклятье.

Я нахожусь сейчас не в том месте.

Но не думаю, что она в Лондоне ради меня.

— Я рассказывал ей, что в проектной группе есть вакансия. Посмотри, не подала ли она заявление.

— Понял, — Кэнон печатает, а я вновь начинаю ходить из угла в угол. — Да. Предложение о собеседовании было принято и назначено на завтра в десять утра.

Завтра в десять. Я только приступаю к расчетам, а Кэнон уже выдает мне всю необходимую информацию.

— Есть прямой рейс через два часа двадцать минут. Завтра утром в десять пятнадцать

ты будешь в аэропорту Хитроу. Если не будет никаких задержек, сможешь застать ее до окончания собеседования.

— Должно получиться, — комментирует Рис. — Она ведь до сих пор не знает, кто ты.

— Крошечный незначительный пунктик, — говорю я ему.

Рис и Кэнон обмениваются взглядами.

— Ладно. Я забронирую тебе билет, пока ты принимаешь душ, — объявляет Кэнон. —

Рис, подгони машину из гаража. Встретимся внизу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вайолет

Лондон великолепен. Волшебен! Именно таким я себе его и представляла. Хотя я пробыла здесь всего пару часов, но уже чувствую себя как дома. Между мной и этим городом возникла мгновенная связь. Как это обычно бывает между людьми. Как между мной и Дженнингсом.

Нет. Я не позволю мыслям о нем все испортить. У меня только один день, чтобы все посмотреть. Собеседование назначено на завтра в десять. Понятия не имею, как долго оно продлится, но они вряд ли попросили бы меня лететь через весь океан ради встречи продолжительностью в сорок пять минут.

Дейзи убедила меня, что я буду полной дурой, если откажусь. Она права. Ненавижу, когда она права, но постепенно начинаю понимать, что иногда стоит забыть об осторожности.

У меня есть сегодня. Что бы ни случилось, сегодняшней день я провожу в Лондоне. И буду наслаждаться каждой минутой. А сейчас прокачусь в метро. Как настоящий лондонец. Станция Сент-Джеймс-парк находится прямо напротив моего отеля. Я уже прогулялась к Вестминстерскому аббатству и Биг-Бену. Остановилась выпить кофе в «Коста» рядом с отелем. Интересно, в скольких минутах езды на метро находится Мейфэр. Дженнингс вроде там живет? Я помню эту незначительную деталь только потому, что у меня день рождения в мае.

Я стою перед отелем и, постукивая носком кроссовок по тротуару, веду внутренний спор. Потом внимательно смотрю по сторонам — потому что путаюсь в том, как тут ездят машины, — и перехожу улицу. Покупаю проездной и изучаю карту метро, прямо как настоящий лондонец. Согласно карте, отсюда всего лишь одна остановка до Грин-парк, который находится на пересечении с Мейфэр. Я просто немного прогуляюсь, ничего страшного в этом нет. Предположим, что Грин-парк — это настоящий парк, а не сад около замка, и он открыт для всех, кто хочет побродить там.

Это мое прикрытие. На случай, если меня спросят, почему я гуляю по Мейфэр. Что маловероятно, но когда врешь, всегда хорошо иметь план.

Я выхожу на станции Грин-парк и с улыбкой на лице взлетаю по ступенькам. Едва сдерживаясь, чтобы не закружиться, как чужак, воспроизводящий сцену из фильма «Звуки музыки».

Парк прямо передо мной. Улица полна красных двухэтажных автобусов и тех странных черных такси, которыми они здесь пользуются. У всех машин длинные узкие номерные знаки, и почему это все так очаровательно? Почему в этом городе у меня появляются в животе бабочки?

Довольно быстро я осознаю, что понятия не имею, где находится жилой район Мейфэр и где квартира Дженнингса, если он вообще здесь живет. В конце концов, он мог наврать. А район, судя по всему, шикарный. Прямо передо мной находится отель «Ритц-Карлтон». Но это не важно. Я даже не помню, на какой улице он живет. Просто хотела получить общее впечатление о районе, чтобы потом его вспоминать.

Я гуляю. Захожу в магазины. Покупаю сувенирный магнитик и коробку печенья для Дейзи. Здесь их называют бисквитами. Покупаю билет и объезжаю весь город на двухэтажном автобусе. Когда меня наконец настигает усталость от смены часовых поясов, я возвращаюсь в отель. Моя душа поет, я рада, что приехала.

В отеле есть паб под названием «Синий Кабан», и я решаю поужинать там. Это классический британский паб. Изысканная классика. Деревянные полы «в елочку» и зеленые кожаные диваны честерфилд. Я выбираю небольшой круглый стол напротив окна и, конечно же, заказываю рыбу и чипсы. Не могу поверить, что прошло меньше двух недель, с тех пор как я вошла в подобный бар в Штатах с намерением подцепить сексуального незнакомца.

Я бы никогда и ни с кем не покинула тот бар. Это не в моем стиле.

Но все-таки ушла с Дженнингсом. Практически побежала за ним.

Может, когда-нибудь я снова попробую стать той беззаботной девушкой, но не сегодня. Сегодня я обычная старая Вайолет, потому что мне больше не надо никем притворяться. Завтра я надену свою собственную одежду — хоть я и стырила идеальные сережки у Дейзи — и пройду это собеседование.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вайолет

Не знаю, что происходит, но сегодня явно мой день. Может, в этом виновата местная вода или гостиничный шампунь, но мои волосы выглядят идеально. Такое обычно бывает пару раз в год, и ты сразу, пользуясь случаем, делаешь кучу селфи для социальных сетей.

Я рано прибываю в «Саттон Интернэшнл». Даже слишком. Появиться на собеседовании слишком рано — это все равно что опоздать, поэтому я остаюсь на улице, пока до назначенного времени не останется десять минут.

Офисное здание находится в Беркли-сквере, в Мейфэре. По адресу я не догадалась об этом, но поняла, когда таксист повез меня по лондонским улицам. Ну и заодно спросила у водителя.

И вот я здесь, прогуливаюсь по садам Беркли, прямо в центре Мейфэра. Интересно, магия этого места потеряет свою привлекательность, если я буду видеть его каждый день? С трудом верится. Окружающая меня архитектура невероятно вдохновляет. Я могла бы провести всю жизнь в парке, прямо на этом самом месте, любясь контурами крыш. Черт, да даже гравийная дорожка под ногами восхищает. А еще кованая железная изгородь, уличные фонари, оконные коробки и каменная кладка.

Не могу представить, что это сможет надоест. Мне хочется ущипнуть себя и убедиться, что это все по-настоящему, а не сон.

Я смотрю на здания и гадаю, живут ли в них люди. Или там располагаются только офисы?

Я вспоминаю о том, как близко *мог бы* оказаться Дженнингс, и в животе моментально

появляются бабочки. Может, он работает в одном из этих зданий и сейчас мог бы идти через парк в офис.

Конечно, сейчас почти десять часов, навряд ли он идет на работу в такое время. И вряд ли я столкнусь с ним сегодня. Или когда-нибудь *вообще*.

Да и что мне ему говорить?

«Привет, это Вайолет, помнишь меня? Нет, скорее всего, нет, ведь я представилась тебе Дейзи. Прости. Рада была увидеть тебя. Кстати, спасибо, что влюбил меня в себя, а потом бросил, даже не попрощавшись. Увидимся, придурок».

Он и правда придурок.

Как он мог вот так уйти? Как? Знаю, мы провели вместе всего неделю, но та связь, которая была между нами... В подобных случаях не уходят молча. Это было гораздо больше, чем просто секс. Мы были половинками единого целого. Ты думаешь, что уже никогда ее не найдешь, а потом — бам! — и она прямо перед тобой, только и ждет, чтобы ее вернули на свое место.

Не знаю, почему я опять думаю о нем. Он, наверное, и не вспоминает меня. Но почему бы не пофантазировать? Это так приятно. В мечтах ты можешь отомстить, и последнее слово всегда остается за тобой. В мечтах Дженнингс пресмыкался бы передо мной и объяснил, почему отверг меня. А я бы... не знаю, что бы я сделала. Сначала нужно получить работу и столкнуться с ним, чтобы моя фантазия воплотилась в жизнь. Так что у меня много времени, чтобы придумать, как отреагировать.

Много времени.

На собеседовании я блистаю. Менеджер — человек, которому я буду напрямую подчиняться, если меня возьмут на работу, — разговаривала со мной больше часа. Между нами мгновенно установилось взаимопонимание.

Мне нравится атмосфера в офисе. Деловая, но в то же время уютная. В здании кипит энергия, и это делает меня счастливой. Знаю, звучит глупо, но уж как есть. Это очень напоминает поиск собственного дома. Иногда вы просто заходите в помещение и понимаете, что это оно.

Так же и с этим зданием. И с людьми.

Менеджер — Элоиза — даже попросила меня сходить с ней за кофе, прежде чем представить команде. Мы направились в кофейню по соседству, купили, что хотели, и вернулись в офис. Люди не просят тебя сходить с ними в кофейню, если собеседование прошло неудачно.

В какой-то момент мне показалось, что я увидела Дженнингса, и у меня чуть не остановилось сердце. Но это оказался не он. Просто случайный сексуальный британец.

Мне нравится Лондон.

Сейчас я нахожусь в конференц-зале с Элоизой и тремя членами команды. Мы рассматриваем здание, которое они восстанавливают, и присутствующие интересуются моим мнением. Я не наивная и понимаю, что это тоже часть собеседования. Но я в своей стихии, так что все нормально. Мы изучаем чертежи в САПР на огромном, установленном на стене мониторе, когда открывается дверь.

Она открывается быстро. Это первое, на что я обращаю внимание. Не осторожно, как это бывает, когда помещение занято, а резко. Будто человека ждут, а он опаздывает.

Потом я замечаю реакцию присутствующих. Элоиза остается невозмутимой, но

остальные выпрямляются, и в зале мгновенно повисает напряжение.

— Конференц-зал занят, — выдержав паузу, произносит Элоиза. Я сижу спиной к двери и слышу, как ее закрывают. Но все внимание все еще приковано к ней. Судя по всему, этот человек не ушел, а остался. Аарон, мужчина, который сидит напротив меня, поправляет ручку и блокнот, чтобы те лежали идеально.

— Я бы хотел поприсутствовать, — произносит голос, услышав который, я замираю. Сейчас я точно могла бы сойти за одного из уличных артистов, которые притворяются статуями. Нет, мне показалось, как и в кофейне. Я с облегчением выдыхаю. У меня просто безудержное воображение.

— Вы хотите поприсутствовать на собеседовании на должность дизайнера? — спокойно интересуется Элоиза.

— Да, — и в этот момент я вижу его.

Он выглядит как Дженнингс.

Потому что это и есть Дженнингс.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вайолет

Черт возьми. Он здесь. В Лондоне. В конференц-зале. Я не успеваю за собственными мыслями. Сердце колотится так, будто я бегу марафон.

Он выглядит хреново. Уставший и помятый. Но все равно идеальный. В животе появляется целый сачок бабочек. Он здесь. Правда здесь.

Я напоминаю себе, что сегодня у меня идеально лежат волосы. Именно такую прическу хочется иметь каждой женщине, когда она сталкивается с бывшим. Возможно, это самая идиотская из всех возможных мыслей, но иногда люди странно реагируют в момент стресса.

— Хорошо, — говорит Элоиза. — Это Вайолет Хэйден. Она проходит собеседование на должность дизайнера в моей команде.

Минуточку.

Подождите.

Если Дженнингс присутствует на интервью, значит... Значит он работает здесь.

Вот о чем мне нужно было подумать в первую очередь, а не о волосах. Он работает здесь. В месте, где я прохожу собеседование. А на прошлой неделе был в туре, где я сказала ему, что работаю экскурсоводом и меня зовут Дейзи.

— Вайолет, это Дженнингс Андерсон. Наш генеральный директор.

Я труп.

Он проходит к противоположной стороне стола и, нагнувшись, протягивает мне руку, будто мы никогда не встречались. Будто я живой, дышащий человек, который должен пожать ладонь и поприветствовать его, а не ТРУП.

— Вайолет, — радостно произносит Дженнингс. Я пожимаю его ладонь. Не вставая. Просто быстро пожимаю и убираю руку. Кожу в местах прикосновения покалывает. Что, черт возьми, сейчас происходит?

— Мне выпала возможность изучить резюме Вайолет, — глядя на меня, говорит Дженнингс. — Очень впечатляет.

Он знает.

Он знает, что я Вайолет. Знает, что я выдавала себя за Дейзи.

Дженнингс просит Элоизу продолжать собеседование и снова смотрит на меня. Я бросаю взгляд в сторону Элоизы. Кто-то за столом кашляет. Раздается шуршание бумаги, щелчок ручки, а он просто сидит и неотрывно глядит на меня.

Что он делает? Почему ничего не говорит? Почему позволяет этому фарсу продолжаться дальше? Я нервно оглядываюсь в ожидании того, чем все это закончится.

Минуточку. Это он все устроил? Заманил сюда, чтобы унижить? В этом его план?

Может, он позвонил в полицию и сейчас ждет, когда они приедут и арестуют меня? Интересно, я буду депортирована в США? А может, здесь тюрьмы лучше? Хотя навряд ли кто-то станет спрашивать мое мнение, так что это не имеет значения.

Собеседование продолжается, но я не помню ни одного вопроса, на которые отвечаю. Я знаю, что отвечаю, и что люди за столом реагируют на мои слова кивками и задают мне дополнительные вопросы. Но я понятия не имею о том, что они говорят. При каждом удобном случае я перевожу взгляд на Дженнингса, пытаюсь понять, что он задумал.

Наконец собеседование подходит к концу, и Элоиза рассказывает о следующем этапе собеседования. Я улыбаюсь и киваю в нужных местах, продолжая тайком поглядывать на Дженнингса. Почему он позволяет этому продолжаться? Когда Элоиза встает, я едва не вздыхаю от облегчения. Держу одну руку на сумке и уже готова встать. Но неожиданно Дженнингс произносит:

— Я бы хотел поговорить с мисс Хэйден.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Дженнингс

— Освободите помещение, — приказываю я, не отрывая глаз от Вайолет. Три младших дизайнера испаряются со скоростью света, оставив после себя вращающиеся стулья. Но мама не спешит. Она медленно встает, недоверчиво глядя на меня и Вайолет, объявляет, что мы поговорим позже, и закрывает за собой дверь.

— Вайолет, — произношу я, потому что мне нравится слышать ее имя на своих губах. Оно ей подходит. Я смеюсь, вспомнив, как она пыталась выдать себя за Дейзи. Кажется, будто это было вечность назад.

— Привет, — неуверенно отвечает она. Вайолет нервничает, ее тело напряжено, будто она вот-вот сорвется с места. Пусть бежит так далеко, как ей захочется. Я побегу за ней.

— Мне жаль, что я пропустил ужин, — говорю я, тут же осознавая, как по-идиотски это звучит. — Прости, что ушел, я это имею в виду, — я отодвигаю стул, встаю и направляюсь к ней. — Не поговорив с тобой. Прости, что выпустил тебя из виду даже на мгновение.

— Ой, так ты не арестуешь меня?

— Арестую? Нет, — смеюсь я и сажусь на соседний стул. Она поворачивается и смотрит мне в лицо. Начало положено. — Только если договорюсь, чтобы меня посадили в одну камеру с тобой, — заманчивая мысль, если вдруг что-то пойдет не так, как я планировал. — Кроме того, я мчался сюда из аэропорта не для того, чтобы тебя преследовать. Я хотел поговорить и попросить тебя остаться.

Она моргает и расслабляется, но на ее лице тут же появляется хмурое выражение.

— Я должна высказать тебе все прямо сейчас.

— Что, прости?

— Ты ушел! Ты. Ушел. Ты заставил меня влюбиться в тебя, а потом просто ушел и

разбил мне сердце, — ее голос срывается, я чувствую себя полным придурком. — У меня были грандиозные планы высказать тебе все, что я думаю, если когда-нибудь увижу снова.

— Я идиот. Я думал, что... — я замолкаю, боясь вырыть себе еще более глубокую яму.

— Что ты думал? — она хмурится сильнее. Кто-то другой, скорее всего, уже бы испугался. Как и я, я боюсь.

— Я думал, ты наврала.

— Я и врала. Много.

— Насчет Джорджа.

— Ой, — у нее округляются глаза. — О-о, — она качает головой. — Я бы никогда не соврала об этом. Я не была с ним. Никогда. Но моя сестра была, и он думал, что я — это она.

— Я знаю. Я во всем разобрался. В итоге.

— Вот почему ты ушел? Вместо того, чтобы поговорить со мной?

— Я облажался.

— Согласна.

Мне нужно прикоснуться к ней. Меня убивает то, что она так близко и не в моих объятиях, и я решаюсь взять ее за руку. Она позволяет.

— Мне тоже жаль, — говорит Вайолет. — Прости, что представилась Дейзи. Все остальное было правдой. Мои чувства были правдой. Ты, должно быть, думаешь, что я сумасшедшая.

Она смотрит на меня, прикусив нижнюю губу, и я вижу беззащитность в ее глазах.

— Ты именно та сумасшедшая, которую я искал всю свою жизнь.

Она смеется.

— Точно.

— Я вполне серьезен, Вайолет, — произношу я, она ухмыляется.

— Вполне серьезен, — хихикает Вайолет. — Мне нравится, как все, что ты говоришь, звучит так напыщенно. Ты можешь заставить меня сделать что угодно, когда произносишь со своим британским акцентом даже простое слово «вполне».

— Хорошо. Выходи за меня.

Это стирает улыбку с ее лица. Не совсем то, на что я надеялся.

— Что? — я рад, что Вайолет сидит, потому что она слегка побледнела.

— Выходи за меня.

— Это... — она замолкает, переводя дыхание, — безумие. Мы знакомы всего неделю.

— И? — кажется, я сделал все не по правилам. Схватив со стола скрепку, я сгибаю ее и скручиваю в неровный круг, после чего встаю на колени.

— Ты спятил? — она с удивлением смотрит на меня и качает головой. — Я не спрашивала, почему ты не на коленях. Я имела в виду, как ты можешь просить меня выйти за тебя замуж, когда мы едва знаем друг друга.

— Я знаю достаточно, Вайолет. И прошу, потому что уверен. Я уверен в том, *кто* мы друг для друга. Уверен, что жить без тебя не смогу. И что я люблю тебя.

Она ахает, а я продолжаю:

— Наша совместная жизнь будет впечатляющей, Вайолет, потому что на меньшее для тебя я не согласен. Я иду ва-банк. Я готов, Вайолет. Когда дело касается тебя, я уверен. Ты сказала мне однажды, что никто никогда не предлагал тебе руку и сердце. Я предлагаю. Выходи за меня.

Вайолет моргает один раз, затем снова; интересно, о чем она думает. Она забирает у

меня кольцо из скрепки и смотрит на него, вертя между пальцами, но не надевает.

— Я куплю тебе кольцо получше, — боже, она же не думает, будто я ожидаю, что она будет носить это? — Какое захочешь. Мы выберем его вместе. Мы можем быть помолвлены сколько угодно, — нет, это вранье. — Несколько месяцев, — уточняю я, но когда у нее округляются глаза, добавляю: — Год.

Вайолет ничего не отвечает.

— Ты будешь работать здесь, — продолжаю я. — Соглашайся на эту работу.

Вайолет выходит из оцепенения и произносит слово, которое меня просто убивает:

— Нет.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Вайолет

Он серьезно.

Дженнингс не шутит. Он абсолютно серьезен. И на это заявление потребовалось кое-какое мужество.

— Нет?

Его не волнует мой отказ. Не в том смысле, что ему все равно. А в том, что он не примет ответ «нет». Дженнингс встает с колен и садится с уверенным видом. Как будто все прошло так, как он и задумал. Он упирается локтями в колени и наклоняется ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. Я пытаюсь привести мысли в порядок. Сердце давным-давно дало сбой.

— Нет, я не буду работать на тебя. Это странно.

— Почему странно? Вся моя семья работает вместе. Черт, мои родители будят друг друга на работу каждое утро. Кстати, это моя мама проводила собеседование. Вернее, мачеха, но она меня вырастила. Я никак не причастен к твоему собеседованию. Ты добилась его сама. Мы не приглашаем людей на него, если в них не заинтересованы. Так что ты получишь работу благодаря собственным заслугам.

Я качаю головой.

— Нет. Я люблю тебя, Дженнингс. Это безумие, но я люблю тебя. Однако я хочу сделать карьеру независимо от тебя. Я не хочу, чтобы вся моя личность была поглощена тобой.

А потом он целует меня. Одно мгновение он в шаге от меня, а в следующее — его рука на моей шее, и он притягивает мои губы к своим. Сначала мягко. Затем мои губы раскрываются, и его язык вторгается внутрь. Разве возможно сопротивляться этому?

— Хорошо. Ты найдешь другую работу, — решив не настаивать, произносит Дженнингс. — В Лондоне. Или я перееду в Штаты.

— Ты переедешь? — смеюсь я. Нелепая идея.

— Да. Если ты уедешь, я последую за тобой, куда бы ты ни поехала. Это того стоит.

— Ты серьезно? Это происходит на самом деле?

— Это означает согласие на предложение выйти замуж?

— Не знаю, Дженнингс, все так быстро.

— Скажи пока «да». Дай мне хоть это. Скажи «да». У меня было больше времени на раздумья, чем у тебя. Вся ночь, вообще-то. В течение очень долгого перелета на треклятом среднем сиденье, потому что у моего друга Кэнона извращенное чувство юмора. Скажи «да»

для начала, и я спрошу тебя еще раз, когда ты будешь готова. Через три недели или три месяца, или три года. Сколько бы ни потребовалось, чтобы ты согласилась провести со мной всю свою жизнь. Просто скажи «да».

Я пристально смотрю на Дженнинга. Разве я могу ему отказать? Да и зачем мне это делать?

— Да.

ЭПИЛОГ

Вайолет

Я справлюсь.

Женщины делают это постоянно, все просто. Не хочу никого оскорбить, но те, кто не справляется с этим делом, скорее всего, просто идиотки.

Но, быть может, — просто, чтобы убедиться, — стоит прочитать инструкцию еще раз.

На это уйдет всего пять секунд.

Все дело в том, что я зауглила «как сделать тест на беременность» и получила несколько советов. Но теперь не уверена, что купила правильный тест, поскольку в блоге было написано, что первым делом нужно выбрать подходящий НРТ. Что это, черт возьми, такое? В «Уайтроуз» была целая полка с тестами, но я не видела на ней ничего подобного и просто схватила первый, который обещал быстрый результат и точность в девяносто девять процентов. Я положила его в корзину рядом с шоколадными пуговками и большой пачкой «Джаффа Кейкс». А что, я беременная, могу себе позволить.

В общем, советом номер один было выбрать подходящий НРТ. Потом нужно дождаться результатов. Ежу понятно. На самом деле, в poste предложили сделать перерыв и выпить чашечку кофе или чая. Такая глупость.

— Малыш, не мог бы ты принести мне чая?

— Вайолет, просто попирай на палочку. В инструкции все ясно сказано. Не понимаю, почему ты перечитываешь ее, милая, — он бросает пустую коробку, и она с глухим стуком падает в раковину.

Совет номер три: проверить срок годности теста. Конечно, я сделала это, но то, что в Британии дату пишут перед месяцем, немного меня смущает.

— Этот тест годен до седьмого октября или до десятого июля?

— До седьмого октября, — спокойно отвечает Дженнингс. Из него выйдет отличный отец. — И срок его годности истекает через два года, — язвительно добавляет он.

— Знаешь, а ведь у нас могут быть близнецы, — отвечаю я, просто чтобы поиздеваться над ним. Теперь его уверенность померкла. Дженнингс протягивает руку и хватается за тест. — В домашних условиях этого не определить. Нам придется подождать до первого ультразвука. Моя мама была на шестом месяце, когда они обнаружили второе сердцебиение. Черт, а ведь правда, вполне могут быть близнецы.

— Хорошо, — откашливаясь, произносит он. — Два по цене одного было бы замечательно.

— Два по цене одного? Я что, по-твоему, вынашиваю двойную упаковку шоколадного бисквита?

— А как еще мне это назвать? — Дженнингс пожимает плечами, не обращая внимания на мою реакцию. — Мне почти сорок, милая, и я буду рад иметь сразу двоих детей.

Черт возьми.

Уверена, он специально употребляет английские словечка, когда я злюсь на него. Знает, что это моя слабость. Достаточно сказать «без задних ног» и «выпотрошенный», и ему все сходит с рук.

Неожиданно до меня доходит, что ребенок будет британцем.

Знаете, что в этом хорошо?

Все.

Нет, я в курсе, что американские малыши ничем не отличаются, но у британских крутейшие имена. Поппи и Пиппа. Амелия и Исла. Оскар и Джордж. Ну, не счита Джорджа. И они говорят с британским акцентом... Ребенок с британским акцентом, у которого случится истерика в «Уайтроз» будет раздражать в сотню раз меньше, чем американское дитя в «Уолмарте». Это факт. Минуточку...

Боже.

Мой.

— Они будут называть меня мамочкой, — говорю я и, спустив трусики, сажусь на унитаз. Мне даже наплевать, что Дженнингс стоит в ванной. Мы уже достаточно женаты, чтобы не стесняться ходить друг перед другом в туалет. Я протягиваю руку, и Дженнингс подает мне палочку.

— Э-э, да. Полагаю, что да. Но мы можем научить его называть тебя мамой.

— Нет! — качаю я головой. — С ума сошел? Я должна быть мамочкой! — пописав на тест, я надеваю на него колпачок и кладу на тумбу. — Не смотри на него без меня! — предупреждаю я и смываю за собой. Потом натягиваю трусики и мою руки. Дженнингс не двигается с места и продолжает стоять, прислонившись к стене. — Шестьдесят секунд уже прошло?

— Нет, только четырнадцать.

— О.

Я пристально смотрю ему в глаза три секунды, а потом теряю терпение и подхожу к тумбе. Ставлю на нее локти и кладу подбородок на кисти рук. Дженнингс пристраивается за моей спиной, опускает руки по обе стороны от моих и наклоняется.

— Не отвлекай меня, — говорю я. Когда он находится так близко, все всегда заканчивается сексом.

— Я ничего не делаю, — отвечает он. Его дыхание щекочет мне шею, и у меня в животе порхают бабочки, которых становится больше, когда на его губах расплывается улыбка, и он прижимается к шее губами. Потому что результаты готовы. Две полоски. Две очень четкие полоски, тут уж никаких сомнений.

Я разворачиваюсь и обхватываю его талию ногами. Мы оба улыбаемся и смеемся. Дженнингс несет меня из ванной в спальню.

— Ты больше не сможешь этого делать, — ворчу я.

— Делать чего? Заниматься с тобой любовью посреди дня? Уверен, ребенок в это время будет спать.

— Нет, глупый. Ты больше не сможешь носить меня вот так, — мои руки лежат у него на плечах, а пальцы переплетены за шеей. Я смотрю на расстояние между нашими телами, а потом снова на него. — Я не помещусь.

— Хм, скорее всего, нет, — Дженнингс с порочной ухмылкой бросает меня на кровать, и я подсакиваю на пружинистом матрасе. — Буду носить тебя боком. Что скажешь?

— Ты сейчас должен меня успокаивать, — я морщу нос и прищуриваюсь. — И врать. Говорить, что я наберу не больше стоуна,⁹ и незнакомые люди будут восхищаться моей стройной беременной фигурой.

Женщины на работе говорят о весе в стоунах. Не знаю, сколько это в фунтах, но мне нравится мысль о том, что нужно скинуть всего *один* стоун.

Я работаю не на Дженнингса. На этом настояла я. У меня ушли месяцы, чтобы найти работу, когда я переехала в Лондон. Мне очень хотелось спрятаться в норку и признать поражение, но я продолжала идти вперед. И наконец устроилась в дизайнерскую фирму. Я узнала очень много нового, и мне все нравится. Пока это идеальный вариант.

Конечно, Дженнингс продолжает настаивать, чтобы я работала на семейную корпорацию. Говорит, что я великолепна, и компания многое теряет без моего таланта. Завлекает меня рассказами о том, как мы будем вместе ходить на работу и устраивать тайные свидания в его кабинете во время обеда.

Однажды я соглашусь. Но сначала реализую себя как профессионала сама. Всему свое время.

— Скорее, два-три стоуна, — отвечает Дженнингс. — Мне кажется, что ты наберешь два-три стоуна.

Вау. Звучит многовато.

— Но из них целый стоун будет весить ребенок?

— Надеюсь, что нет. Ради твоего же блага.

— Не очень ободряюще, — все-таки мне стоит посмотреть, сколько это в фунтах.

— Ты будешь самой восхитительной и роскошной беременной женщиной, которую когда-либо видел Лондон. Все остальные женщины будут тебе завидовать, а каждый мужчина не старше восьмидесяти лет станет мечтать оказаться на моем месте.

— Так-то лучше.

Я ложусь на кровать, а Дженнингс устраивается рядом. Он кладет руку мне на живот, и я накрываю ее своей ладонью. Мы пристально смотрим друг на друга. Он собственнически и в тоже время нежно поглаживает мой живот.

— Ты будешь восхитительной. Мне постоянно будет хотеться коснуться тебя.

— Правда?

— Обещаю. Я уже с нетерпением жду, чтобы увидеть, как изменится твое тело.

— Да? — вот это новости. Нет, Дженнингс говорил о детях, но без давления. Он уважает мое желание сделать карьеру в новой стране и терпеливо ждал, когда я буду готова. В общем, мы говорили об этом теоретически, но такого я не слышала.

— К лету ты станешь огромной, и я куплю тебе кучу сарафанов для беременных.

— Как мило. А я буду любить тебя, даже когда ты облысеешь, — у него отличные волосы, но это единственное, что пришло мне на ум.

Дженнингс смеется.

— Ты поправишься, потому что носишь моего ребенка, а у меня, глядя на это, будет стояк.

Черт. Он говорит как пещерный человек. Но, честно говоря, меня это немного возбуждает.

— Гордишься собой? — как можно невиннее спрашиваю я, пытаюсь сдержать ухмылку.

— Потому что заделал тебе ребенка?

— Да.

— Очень.

Я начинаю хихикать, но внезапно меня осеняет.

— Подожди, — я сажусь и пристально смотрю на Дженнингса. — У меня будет ребенок в Англии.

— Да. Именно так.

— А у вас это происходит так же?

— Что именно?

— Роды.

— Полагаю, это везде происходит одинаково, милая.

— Но в этой стране даже не знают, что такое соус ранч. Все совсем по-другому.

— Не знаю, какое отношение это имеет к делу, но я закажу тебе ящик салатной заправки, и ты получишь ее до родов.

— И здесь никто не хранит яйца в холодильнике.

— Это тоже не имеет никакого отношения к родам, но мы можем еще раз обсудить эту тему.

— В этой стране не празднуют День благодарения, и никто не ест тыквенный пирог, — я спрыгиваю с кровати и начинаю ходить из угла в угол.

— Вайолет, ты не любишь тыквенный пирог.

— Дельное замечание, — соглашаюсь я.

— В Англии устраивают послеобеденное чаепитие. Тебе ведь нравятся мини-сэндвичи и разные пирожные.

— Тоже верно, но какое отношение это имеет к родам?

— Никакого, — Дженнингс качает головой. — Я думал, что мы просто говорим о различиях между нашими странами.

— Нет, малыш. Я говорю по существу.

— Конечно, — он кивает и даже не смеется надо мной — это очень важная черта в моем муже.

— А если что-то пойдет не так? Если у меня начнутся роды, а они скажут: «Прости, Вайолет, но тебе нужно было заранее зарезервировать палату, поэтому рожай-ка ты сама».

— Навряд ли такое может произойти в Англии. Да и вообще где-либо.

— Никогда нельзя быть уверенным.

— Вот что я тебе скажу, — Дженнингс садится на кровати и серьезно смотрит на меня. Он всегда так делает, когда пытается мне что-то логически объяснить, например, отсутствие в этой стране сливок для кофе с различными вкусами.

— Что?

— Мы воспользуемся услугами той же больницы, что и Уилл с Кейт. Так пойдет?

— Да ладно! — я останавливаюсь и смотрю на него. — А это возможно? Правда? Обычные люди тоже могут рожать там детей? — если они помогли появиться на свет будущему королю Англии, то и с этим малышом справятся.

— Да, возможно. Были бы деньги. Теперь ты перестанешь переживать?

— Да, но я оставляю за собой право поменять мнение в любое время.

— Конечно.

— Хорошо, что мы только что закончили ремонт гостевого дома, — так они называют садовые домики. Первоначально это были сараи для карет. Безумие, правда. Не могу поверить, что живу в доме настолько старом, что в нем есть конюшня.

Вернее, гостевой домик. Дженнингс постоянно повторяет мне, что говорить конюшня неправильно.

В общем, он сейчас отремонтирован. На первом этаже располагается гараж на две машины, над ним кухня и гостиная, а на третьем этаже две гостевые спальни. Идеально для посещения родственников. И это только жилье для гостей. В основном доме у нас еще куча комнат, но я не хочу даже начинать говорить об этом. Правда не хочу. Нам понадобилось два года, чтобы все отремонтировать.

Конечно же, я наслаждалась этим процессом.

Вы когда-нибудь искали в интернете дом своей мечты, а потом мечтали, каково это жить в нем? Вот и у меня так. Только лучше, потому что он находится в Лондоне и настоящий. Представьте себе исторический таунхаус на одной из лучших улиц Мейфэра и неограниченный бюджет на ремонт. *Моего* дома.

— Почему хорошо? Ребенок точно будет жить в основном доме, — Дженнингс ухмыляется, поэтому я знаю, что он подшучивает надо мной.

Ребенок будет жить в детской рядом с нашей спальней. Может, на тот момент я и не была готова заводить малыша, но перепланировку сделала. Любой хороший дизайнер планирует наперед.

— Мои родители захотят приехать в гости, когда родится ребенок. И сестра со своей бандой.

— О да. С нетерпением буду ждать.

Единственное, что мне не нравится в британцах, — это моя неуверенность в том, когда они шутят, а когда говорят серьезно. Я искоса смотрю на Дженнингса, пытаюсь определить, искренен ли он был. Моя сестра... ну, Дейзи любит упомянуть при каждом удобном случае, что Дженнингс ее уволил. Но она шутит. Она все равно не смогла бы вернуться обратно.

— Ты прикалываешься надо мной? — это английский аналог слова «шутить». Прикалываться. Не самое из моих любимых выражений, но я все равно использую его при любой возможности.

— Конечно нет, милая. Я просто пытаюсь залезть к тебе в трусики.

— О, ну в таком случае продолжай.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net